

Пессоа Фернандо Лирика

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕРНАНДО ПЕССОА

Видение. Перевод Е. Витковского

"О корабли перед тихим портом..." Перевод А. Гелескула

Абсурдный час. Перевод Е. Витковского

"Мой облик, жесты, взгляд - не я..." Перевод А. Косе

"Мой колокол деревенский..." Перевод А. Гелескула

Косой дождь. Перевод А. Гелескула

"Мне сердце тихая боль саднит..." Перевод А. Носе

Песня. Перевод Б. Дубина

"Ночи конца не видно!..." Перевод Б. Дубина

"В вышине - луна..." Перевод Е. Витковского

"Пусть вихрь гудит ураганней..." Перевод Б. Дубина

"Дождь? Да нет, покуда сухо..." Перевод Е. Витковского

"Так поет она, бедная жница..." Перевод А. Гелескула

"Ах, няня, видно, никогда..." Перевод В. Резниченко

"Небосклон туманный..." Перевод Б. Дубина

"Жизнь моя, ты откуда идешь и куда?..." Перевод Е. Витковского

Пауза. Перевод Е. Витковского

"Рассудок мой - подземная река..." Перевод Е. Витковского

"Закат окутал смутной дремой..." Перевод А. Косе

"Всю ночь заснуть не мог. Как мрачен и угрюм..." Перевод Е. Витковского

"О солнце будней унылых..." Перевод А. Гелескула

"Утро воскресло! И встало, коль верил ты прежде..." Перевод С. Александровского

"Все легче мчатся прочь тяжелые мгновенья..." Перевод С. Александровского

"Опять я, на исходе сил..." Перевод А. Гелескула

"Отраден день, когда живешь..." Перевод Е. Витковского

"Уже за кромкой моря кливера!..." Перевод А. Гелескула

"Я грежу. Вряд ли это что-то значит..." Перевод Е. Витковского

"Я вслушиваюсь: ветер, ночь..." Перевод С. Александровского

"Спать! Забыв минуты и часы..." Перевод Е. Витковского

"Навеяв сумрак смутный..." Перевод Е. Витковского

"Кротко и нежно взлетев..." Перевод Е. Витковского

"Простой мотив старинный!..." Перевод Б. Дубина

"Пребывай в объятьях сна..." Перевод Е. Витковского

"В ночи свирель. Пастух ли взял от скуки?..." Перевод А. Гелескула

"Искрится вода, мешая..." Перевод Б. Дубина

"Склонись ко мне, мечтая..." Перевод Б. Дубина

"Вокруг меня стихией жизни..." Перевод А. Косе

"Важно ль, откуда приносят..." Перевод Е. Витковского

"Еще не сгустились тени..." Перевод Б. Дубина

Мамин сорванец. Перевод Б. Дубина

Марина. Перевод Е. Витковского

"Не садись ни рядом со мной, ни против меня..." Перевод В. Резниченко

"Я по дороге шел в своей печали вечной..." Перевод А. Косе

"Ветер чуть качает..." Перевод Г. Зельдовича

"Уж дотлевает свет дневной..." Перевод Г. Зельдовича

"Я иду с тобою рядом..." Перевод Е. Витковского
После ярмарки. Перевод Е. Витковского
"Сочельник... По захолустью..." Перевод А. Гелескула
"Твой голос так наполнен лаской..." Перевод С. Александровского
Абазур. Перевод А. Гелескула
"Здесь - простор, покой, дремота..." Перевод С. Александровского
"Здесь, в бесконечность морскую глядя, где свет и вода..." Перевод Е. Витковского
"Всю летнюю благу синь..." Перевод А. Косе
"В ночи, не ведающей обо мне..." Перевод А. Косе
"Мне больно быть. И вот из этой боли..." Перевод А. Косе
"Когда ушли все гости..." Перевод А. Косе
"Ухожу в себя как в рощу..." Перевод С. Александровского
"Раздумья дней монотонных..." Перевод А. Гелескула
"Над озерной волною..." Перевод А. Гелескула
"Память, странной казнишь ты карой..." Перевод А. Косе
"Сколько душ сокрыто в теле?..." Перевод С. Александровского
"Лунные лесные гномы..." Перевод С. Александровского
"Пред наступлением бури..." Перевод Е. Витковского
"Не постыдная это подачка..." Перевод М. Березкиной
"Ветер нежен, и в кронах древесных..." Перевод Е. Витковского
"Коль скоро все сущее - лживо..." Перевод М. Березкиной
"Недвижной мглой, как покрывалом..." Перевод В. Резниченко
"Смех, рождаемый листвою..." Перевод Е. Витковского
"В безвестности окна..." Перевод М. Березкиной
"Котенок, ты спишь как дома..." Перевод А. Гелескула
"В листьях иссякли соки..." Перевод С. Александровского
"Разноголосье улицы взлетело..." Перевод М. Березкиной
"Все пейзажи в сердце живы..." Перевод С. Александровского
"Я спал... От сновидений к пробуждению..." Перевод С. Александровского
"Растаяла дымка сквозная..." Перевод А. Гелескула
"Клубятся тучи в вышине..." Перевод Г. Зельдовича
Автопсихография. Перевод А. Гелескула
"Когда я дольше, чем мгновенье..." Перевод М. Березкиной
Возведение лесов. Перевод Е. Витковского
"Сегодня я с собой наедине..." Перевод С. Александровского
"Сегодня, в ясной тишине заката..." Перевод С. Александровского
"Песня с горных отрогов взлетела..." Перевод М. Березкиной
"Я год не бился над строкой..." Перевод М. Березкиной
"Сменившая ночь в ее блеске и лоске..." Перевод В. Резниченко
"Смерть - поворот дороги..." Перевод А. Гелескула
"Кто в дверь стучит мою..." Перевод Е. Витковского
"Старая песня в соседней таверне..." Перевод Е. Витковского
"Один на один..." Перевод А. Гелескула
"Нелегко, когда мысли нахлынут..." Перевод А. Гелескула
"Чертою белой являясь взору..." Перевод С. Александровского
"Мечтаю, глядя на морскую гладь..." Перевод С. Александровского
"Я сломлен. Обращаются светила..." Перевод С. Александровского
"Ту повесть, что осталась втуне..." Перевод М. Березкиной
"На свете этом есть у всех вещей..." Перевод М. Березкиной
"Услышал и вспомнил лето..." Перевод А. Гелескула
"То ли в яви, то ли в сонной тайне..." Перевод Е. Витковского
"Пусть вихри в спираль..." Перевод В. Резниченко

"Шаги среди растений.." Перевод С. Александровского
"Что печалит - не знаю..." Перевод А. Гелескула
"Зачем, не убаюкав..." Перевод С. Александровского
"Не разойтись туману..." Перевод А. Гелескула
"В затихшей ночи..." Перевод А. Гелескула
"Между сном и тем, что снится..." Перевод А. Гелескула
"Хлеба под ровным светом..." Перевод Б. Дубина
"Отбивает усердная прачка..." Перевод М. Березкиной
"Прожить всю жизнь, над речкой стоя..." Перевод В. Резниченко
"Льет. Тишина, словно мглой дождевою..." Перевод А. Гелескула
"Сон безысходный коснулся чела..." Перевод Е. Витковского
"Думаю все чаще..." Перевод Е. Витковского
"Волна, переплеск зеленый..." Перевод А. Гелескула
"Горы - и столько покоя над ними..." Перевод А. Гелескула
"Отринул я грехи былой судьбы..." Перевод С. Александровского
"Хочу заснуть. Зову ли смерть со стоном..." Перевод М. Березкиной
"Я знаю, южнее полуденной дали..." Перевод М. Березкиной
"Лазурен, изумруден и лилов..." Перевод Е. Витковского
"Чуть брезжит в предвесье рассвета..." Перевод М. Березкиной
"Я слушал мудрецов ученый спор..." Перевод С. Александровского
Совет. Перевод Е. Витковского
"В расплесканной пучине злата..." Перевод Е. Витковского
"Системы, идеалы, мифы, сны..." Перевод Е. Витковского
"Ничего не свершив и не зная труда..." Перевод М. Березкиной
"Ветшает жизнь - покинутая шхуна..." Перевод А. Гелескула
"Коль не слетит весна к душе сновидца..." Перевод Е. Витковского
Наша новая держава. Перевод Е. Витковского
Антонио де Оливейра Салазар. Перевод Е. Витковского
ФЕРНАНДО ПЕССОА

Перевод с английского

ИЗ СБОРНИКА "35 СОНЕТОВ"

Перевод Е. Витковского

1. "Ни взгляд, ни разговор, ни письма..."
2. "Когда б не плотским оком обозреть..."
9. "Бездействие, возвышенный удел!..."
11. "Людские души - те же корабли..."
14. "Родясь в ночи, до утра гибнем мы..."
22. "Моя душа - египтян череда..."
28. "Шипит волна, в пути меняя цвет..."
31. "Я старше времени во много раз..."

Антиной. Перевод В. Топорова

АЛБЕРТО КАЭЙРО

ПАСТУХ

"В жизни ни разу не пас я стада..." Перевод Ю. Левитанского
"Из моей деревни глазу открывается такой простор..." Перевод М. Березкиной
"В тусклом свете сумерек..." Перевод М. Березкиной
"Однажды в полдень, в день конца весны..." Перевод Ю. Левитанского
"Четыре песни, что идут вслед за этой..." Перевод М. Березкиной
"Что за обилие даров Земли на блюде!..." Перевод М. Березкиной
"Река Тежо лучше реки, что течет в моей деревне..." Перевод М. Березкиной
"Если б смог я вонзить зубы в землю..." Перевод М. Березкиной
"Мыльные пузыри, которые ребенок..." Перевод М. Березкиной

"Порою, при освещении ярком и точном..." Перевод Ю. Левитанского

"Вчера на закате один горожанин..." Перевод М. Березкиной

"Порой на закате летнего дня..." Перевод М. Березкиной

"Теми словами или не теми..." Перевод М. Березкиной

"Я пишу, чтобы понять Природу, хотя бы не как человек..." Перевод М. Березкиной

"Затворяю окно - снова в комнате я один..." Перевод Ю. Левитанского

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАСТУХ

Перевод М. Березкиной

"Покуда у меня не было тебя..."

"Всю ночь я провел без сна, видя только ее..."

БЕССВЯЗНЫЕ СТИХИ

"Грязный чужой ребенок, играющий у моего порога..." Перевод Ю. Левитанского

"Мистик, пытаешься ты вникнуть в суть вещей..." Перевод М. Березкиной

"Каждый день я открываю жуткую сущность вещей..." Перевод М. Березкиной

"В те дни, когда опять придет весна..." Перевод Ю. Левитанского

"Ты говоришь о цивилизации - мол, ни к чему она..." Перевод Ю. Левитанского

"Если кто-нибудь после смерти моей пожелает..." Перевод Ю. Левитанского

"Когда холод приходит порой холодов - это мне по душе..." Перевод Ю. Левитанского

"Строить догадки о том и о том - это я тоже умею..." Перевод Ю. Левитанского

"Кто знает, это, быть может, мой день последний..." Перевод Ю. Левитанского

РИКАРДО РЕЙС

Перевод Л. Цывьяна

"Сплети мне венок из роз..."

"С небосвода скрылась упряжка Феба..."

"Лидия, сядем рядом, будем следить за теченьем..."

"Даже зная, что опять цветы распустились..."

"Ничего в руках не держи..."

"Мудр поистине тот, кто доволен театром жизни..."

"Розы милы мне садов Адониса..."

"Только такую свободу даруют..."

"Я помню повесть давнюю, как некогда..."

"Не хочу принимать даров..."

"Вновь лето, и обманной новизною..."

"О, как жизнь коротка, даже самая долгая..."

"Всех равняет закон неминуемой смерти..."

"Скудное поле сохой поднимая..."

"Все, что минует, мертво, и я умираю..."

"Что ты мне даришь - любовь или ложь, я не знаю..."

"Голубою грядою горы встали..."

"Тишайший ветер по полям пустынным..."

"Так покоен закат сегодня, о Лидия..."

"Рукой разворошил я..."

"Ты мнишь, неразумный, влача с собою..."

"В свое время всему наступает срок..."

"Здесь, Неера, вдали..."

"Трепещет огонек..."

"-Вы, что верите в Христа и Марию..."

"После нас кроны тех же деревьев..."

"Пускай у меня..."

"Сколь счастлив тот, кто здесь в сени деревьев..."

"Ваша веселая дивная молодость..."

"О, сколько горестей смутною делают..."

"Это лето уже оплакиваю..."

"Лидия, отринем знание, не способное..."

АЛВАРО ДЕ КАМПОС

Курильщик опиума. Перевод Е. Витковского

Приветствие Уолту Уитмену. Перевод Е. Витковского

"Не знаю ничего. И для чего, не знаю..." Перевод Б. Слуцкого

Уже устаревший сонет. Перевод Б. Слуцкого

"Если ты хочешь кончить с собой, почему ты не хочешь кончить с собой?..." Перевод Б.

Слуцкого

Табачная лавка. Перевод А. Богдановского

Примечание. Перевод В. Цыбина

Демоногон. Перевод В. Цыбина

Бессонница. Перевод В. Цыбина

Многоточие. Перевод В. Цыбина

День рождения. Перевод В. Цыбина

Тряпка. Перевод В. Цыбина

Реальность. Перевод В. Цыбина

"В воскресенье я пойду в сад в обличий других..." Перевод В. Цыбина

Отдых за городом. Перевод В. Цыбина

Облака. Перевод Б. Слуцкого

Случайность. Перевод Б. Слуцкого

Набросок. Перевод А. Гелескула

О музыке. Перевод Б. Слуцкого

"Крест у табачной лавки на двери!..." Перевод Б. Слуцкого

"Наступает полночь, и тишина опускается..." Перевод Б. Слуцкого

"Да, это я такой, каким я стал в итоге..." Перевод Б. Слуцкого

Дактилография. Перевод Б. Слуцкого

"Я чувствую прежде всего усталость..." Перевод Б. Слуцкого

"В доме, стоящем напротив меня и моих снов..." Перевод Б. Слуцкого

"Древние, как известно, зывали к музам..." Перевод Б. Слуцкого

"Я устал, это ясно..." Перевод Б. Слуцкого

"Все любовные письма..." Перевод Б. Слуцкого

"Здесь, на верхней палубе, в кресле, смежил я ресницы..." Перевод Ю. Левитанского

"Очнуться от города Лиссабона, уже от других очнувшись..." Перевод Ю.

Левитанского

"Мы встретились, он столкнулся со мной на одной из улиц Байши..." Перевод Б.

Слуцкого

"На пристани уже слышно - он приближается..." Перевод Ю. Левитанского

Там, я не знаю где... Перевод Ю. Левитанского

Марциальная ода. Перевод Б. Слуцкого

Трехуха в томатном соусе. Перевод Е. Голубевой

Барроу-ин-Фернесс. Перевод Е. Витковского

КОЭЛЬО ПАШЕКО

За пределом других океанов. Перевод Е. Витковского

...И СНОВА ФЕРНАНДО ПЕССОА

Последнее колдовство. Перевод Е. Витковского

"В резьбе и в золоте, кадило..." Перевод Е. Витковского

Эрот и Психея. Перевод Е. Витковского

"Тайны древние прячутся рядом..." Перевод Е. Витковского

"Мы - в этом мире превратном..." Перевод Е. Витковского

Горизонт. Перевод Е. Витковского

Фернан Магеллан. Перевод Е. Витковского

Вознесение Васко да Гамы. Перевод Е. Витковского
Португальское море. Перевод Е. Витковского
Последняя каравелла. Перевод Г. Зельдовича
Молитва. Перевод Г. Зельдовича
Острова счастливых. Перевод Е. Витковского
Штиль. Перевод Г. Зельдовича
Элегия тени. Перевод Е. Витковского

ФЕРНАНДО ПЕССОА

Видение. Перевод Е. Витковского

Есть некая огромная страна,
Недостижимая для морехода;
Животворит и властвует она,
И от нее свой род ведет Природа.
Под небом там покой и тишина,
Там не грозит малейшая невзгода,
И мысли нет, что тучка хоть одна
Там проскользнет по глади небосвода.
Но это все же не земля, о нет,
Страну сию, лишенную примет,
Душа узрит столь странной, столь холодной:
Безмолвно простирается вокруг
Один лишь лес кроваво-красных рук,
Воздетых к небу грозно и бесплодно.

"О корабли перед тихим портом..." Перевод А. Гелескула

О корабли перед тихим портом
По возвращении счастливым
После невзгод на пути ночном...
Спит мое сердце озером мертвым,
И над озерным мертвым заливом
Рыцарский замок забылся сном.
У госпожи в этом замке смутном
Бескровны руки, и цвет их матов,
И знать не знает она о том,
Что где-то порт оживает утром,
Когда чернеют борта фрегатов
В рассветном мареве золотом...
И знать не знает она, что в мире
Есть этот замок... Душой черница,
Всему на свете она чужда...
И, покидая морские шири,
Пока впотьмах ей забвенье снится,
В средневековые плывут суда...

Абсурдный час. Перевод Е. Витковского

Молчанье твое - каравелла под парусом белым...
Улыбка твоя - словно вымпел в руках ветерка...
Молчанье твое почитает насущнейшим делом,
Чтоб я на ходули взобрался у края райка...
Я сердце мое уподоблю разбитой амфоре...
Молчанье твое сберегает тончайшую грань...
Но мысль о тебе - словно тело, которое море
Выносит на берег... Искусство, бесплотная ткань..
Распахнуты двери, и ветер приходит с разбоем
И мысль похищает про дым, про салонный досуг..
Душа моя - просто пещера, больная прибоем...
Я вижу тебя, и привал, и гимнастов вокруг...
Как дождь, тускловатое золото... Нет, не снаружи.
Во мне: ибо я - это час и чудес, и беды...
Я вижу вдову, что вовеки не плачет о муже...
На внутреннем небе моем - ни единой звезды...
Сейчас небеса - будто мысль, что корабль
не причалит...
И дождь моросит... Продолжается Час в тишине...
Ни койки в каюте!.. О, как бесконечно печалит
Твой взгляд отчужденный, - ни мысли в нем нет
обо мне...
Продляется Час и становится яшмою черной
Томления - мрамором, зыбким, как выдох и вдох...
О нет, не веселье, не боль - это праздник позорный,
И миг доброты для меня не хорош и не плох...
Вот фасции ликторов вижу у края дороги...
Знамена победы не взяты в крестовый поход...
Ин-фолио - стали стеной баррикады в итоге...
Трава на железных дорогах коварно растет...
Ах, время состарилось!.. Нет на воде ни фрегата!
Обрывки снастей и куски парусины одни
Вдоль берега шепчутся... Где-то на Юге, когда-то,
Нам сны примерещились, - о, как печальны они...
Дворец обветшал... О, как больно - в саду замолчали
Фонтаны... Как скорбно увидеть с осенней тоской
Прибежище вечной, ни с чем не сравнимой печали...
Пейзаж обернулся запиской с прекрасной строкой...
Да, все жирандоли безумство разбило в юдоли,
Клочками конвертов испачкана гладь озера...
Душа моя - свет, что не вспыхнет
ни в чьей жирандоли...
О ветер скорбей, иль тебе не бывает конца?
Зачем я хвораю?.. Доверюсь олуненным пущам,
Спят нимфы нагие... Заря догорела дотла...
Молчанье твое - это мысль о крушении грядущем,
И ложному Фебу твоя вознесется хвала...
Павлин оперенья глазастого в прошлом не прячет.
О грустные тени!.. Мерещатся в недрах аллей

Следы одеяний наставниц, быть может, и плачет
Услышавший эхо шагов меж пустых тополей...
Закаты в душе растопились подобием воска...
Босыми ногами - по травам ушедших годов...
Мечта о покое лишилась последнего лоска,
И память о ней - это гавань ушедших судов...
Все весла взлетели... По золоту зрелой пшеницы
Промчалась печаль отчуждения от моря... Гляди:
Пред троном моим отреченным - личин вереницы...
Как лампа, душа угасает и стынет в груди...
Молчанье твое - только взлет силуэтов неполных!..
Принцессы почуяли разом, что грудь стеснена...
Взглянуть на бойницы в стене цитадели - подсолнух
Виднеется, напоминая о странностях сна...
В неволе зачатые львы!.. Размышлять ли о Часе?..
Звонят с колоколен в Соседней Долине?.. Навряд...
Вот колледж пылает, а мальчики заперты в классе...
Что ж Север доселе не Юг? Отверзание врат?..
Но грежу... Пытаюсь проснуться... Все резче и резче...
Молчанье твое - не моя ль слепота?.. Я в бреду?..
На свете бывают и кобры, и рдяные вещи...
Я мыслю, и ужас на вкус опознаю, найду...
Отвергнуть тебя? Дождаться ли верного знака?
Молчанье твое - это веер, ласкающий глаз...
Да, веер, да, веер закрытый, прелестный, однако
Откроешь его ненароком - сломается Час...
Скрещенные руки уже коченеют заранее...
Как много цветов, как неждан их бегучий багрец...
Любовь моя - просто коллекция тайных молчаний,
И сны мои - лестница: вместо начала - конец...
Вот в дверь постучались... И воздух улыбкою сводит...
На саваны девственниц птицами скалится мрак
Досада - как статуя женщины, что не приходит,
И если бы астры запахи, то именно так...
Как можно скорее сломить осторожность понтонов,
Пейзажи одеть отчуждением незнаемой мглы,
Спрямить горизонты, при этом пространства не тронув,
И плакать о жизни, подобной визжанью пилы...
Как мало влюбленных в пейзажи людского рассудка!..
Умрешь, как ни сетуй,- а жизнь-то войдет в колею...
Молчанье твое - не туман: да не станет мне жутко,
Низвергнутый ангел,- вступаю в улыбку твою...
Столь нежная ночь приготовила небо как ложе...
Окончился дождь и улыбкою воздух облек...
Столь мысли о мыслях твоих на улыбку похожи,
А знанье улыбки твоей - это вялый цветок...
Два лика в витраже, о, если б возникнуть посмели!..
Двуцветное знамя - однако победа одна!..
Безглавая статуя в пыльном углу близ купели,
"Победа!" - на стяге поверженном надпись видна...
Что мучит меня?.. Для чего ты в рассудок мой целишь
Отравую опия,- опыт подобный не нов...

Не знаю... Ведь я же безумец, что страшен себе лишь...
Меня полюбили в стране за пределами снов...

"Мой облик, жесты, взгляд - не я..." Перевод А. Косе

Мой облик, жесты, взгляд - не я:
Так нереален небосвод.
Та суть во мне, что не моя,
Моею жизнью не живет.
Притихший ветер сном прогрет,
День смысла начисто лишен.
Моей тоске исхода нет.
Я выжат и опустошен.
Когда б на память мне пришли
Другие небеса, края,
Прекрасней жизни и земли,
Известных мне! Но мысль сия,
Плод умствующего ума,
Что праздным умствованиям рад,
В моей дремоте спит сама,
Как водоросли в море спят.
И лишь в чужой мне яви дня,
Забывшей обо мне давно,
Есть все места, где нет меня,
Есть все, чего мне не дано.
Мне нет ни сути, ни пути,
Ни знания, ни бытия.
Мне только снится жизнь моя.

"Мой колокол деревенский..." Перевод А. Гелескула

Мой колокол деревенский,
С душою наедине
Отплачется звон вечерний
И долго звучит во мне.
Твой голос, подобно жизни,
Печален, тягуч и глух,
И я уже в первом звуке
Повтор узнаю на слух.
Всплывая, как сон, над полем,
Где снова мой путь пролег,
Твой близкий, твой встречный голос
В душе моей так далек.
И с каждым твоим ударом,
Дошедшим издавека,
Все дальше мое бывшее,
Все ближе моя тоска.

Косой дождь. Перевод А. Гелескула

I

Вплывает в окрестность мираж небывалого порта,
И в купах соцветий сквозит белизна парусов,
За которыми стелются тенью
Вековые деревья пронизанной солнцем округи...
Та гавань, которая снится мне, вечно в тумане,
Как вечно на солнце окрестные рощи.
Но где-то во мне это солнце становится портом,
Прощально туманя залитые солнцем деревья...
И, дважды свободный, я трогаюсь в путь.
Портовая пристань - обочина тихой дороги
Встает, как стена,
И в отвесную горизонтальность
Уходят суда сквозь деревья,
С каждой ветки роняя швартовы...
Кто я сам в этом сне, я не знаю...
Внезапно на рейде становится море прозрачным,
И в нем, как огромный эстамп,
Видна вся округа, деревья, дорога на солнце,
И старинное судно - древнее, чем весь этот порт,
Затеняет окрестную явь,
Подплывает ко мне и мгновенье спустя,
Всколыхнув мою душу, плывет на другой ее берег...

II

В дожде загораются свечи,
И что ни свеча, то новые всплески в окне...
Сегодняшний дождь - это светом залитая церковь,
Где отсветы окон становятся отзвуком ливня...
Алтарь ее - горы, которые еле видны
Сквозь дождь, золотое шитье на алтарном покрове...
Идет литургия, и в окна латынью и ветром,
Стекло сотрясая, вторгается пасмурный хор...
Секвенция - шум лимузина, который рассек
Ряды прихожан, в день печали склонивших колени...
Вдруг ветер сотряс литургию
На высшей из нот - и все потонуло в дожде,
Лишь пасторский голос воды отозвался вдали
Гудению автомобиля...
И церковь задула огни
На исходе дождя...

III

В бумажном листе спит великий египетский Сфинкс...
Я пишу - и его очертанья сквозят под рукой,
А поодаль растут пирамиды.
Я пишу - и, нечаянно глянув на кончик пера,
Вижу профиль Хеопса...
Роняю перо.
Все темнеет. Я падаю в бездну веков...
В глубине пирамиды я горблюсь под этой же лампой,
И вся косность Египта хоронит меня и стихи...
Слышу в скрипе пера
Смех Великого Сфинкса,
И огромная, необозримая лапа
Сметает с бумаги слова
И в бумажной пустынности труп фараона
Не спускает с меня неподвижно расширенных глаз.
Наши взгляды встречаются,
И в глубине перспективы
На пути от меня к моим мыслям
Плещет Нил и на солнце играют
Весла, золото и вымпела.
Это древнее золото - я, саркофаг фараона...

IV

Тихий угол мой оглох от бубнов!
Это андалузский перекресток.
Жар весны и чувственного танца.
Все на свете разом замирает,
Цепенеет, ширится, пустеет...
Белая рука приоткрывает
В гуще строк заветное окошко,
Падает фиалковый букетик
И весенней ночью предстает
Моему невидящему взгляду.

V

Где-то солнечный вихрь карусельных лошадок.
Пляшут камни, деревья, холмы, замирая во мне...
Ночь в потешных огнях, полдень в лунных тенях.
И на свет балаганов ворчат хуторские ограды...
Стайка девушек, радуясь солнцу
И придерживая кувшины,
Встречается с буйной ватагой идущих на праздник.
С мельтешеньем людей, балаганных огней и потемок.
И обе процессии, та и другая,
Став одной, остаются двумя...
А праздник, и отсветы праздника,
и на праздник идущие люди,
И полночь, донесшая праздник до самого неба,

Плывут над вершинами залитых солнцем деревьев,
Плывут под обрывами выжженных солнцем утесов
Скользят по кувшинам, венчающим девичью стайку
И все это вешнее утро - луна над гуляньем,
И весь этот праздник в огнях - озаренная даль.
И вдруг будто кто-то потрянул надо мной решето,
И пыль этой сдвоенной яви легла в мои руки,
В ладони мои, где сквозят очертания порта
И уходят во мглу корабли, не надеясь вернуться
То белый, то черный песок золотится в ладонях,
Невесомых, как поступь той девушки, что
возвращается с тандев.
Одна, беспечальней, чем эта весенняя даль...

VI

Дирижерская палочка взмыла,
И зал наполняет томительно-грустная музыка...
Она так похожа на детство
И день, когда в нашем саду
Я играл у белой стены и кидал в нее мяч,
На котором с одной стороны был зеленый пес,
А с другой - голубая лошадка под желтым жокеем...
Музыка длится, и вдруг между мной и оркестром
Вырастает из детства стена, и вращается мяч,
И носится взад и вперед то зеленый мой пес,
То моя голубая лошадка под желтым жокеем...
Весь театр - это сад, мое детство
Обступает меня, отзывается музыкой мяч
Все смутней и смутней, и все слитней
под музыку скачут
Мой желтый жокей вперегонку с зеленой собакой...
(Так быстро вращается мяч между мной и оркестром...)
Я бросаю его в мое детство,
Он летит по театру, который готов, как ребенок,
У меня под ногами играть с моим желтым жокеем,
И зеленой собакой, и вскочившей на белую стену
Голубой лошадкой... И музыка звонко бросает
Мячи в мое детство... И так утомительно скачет
Дирижерская палочка над каруселью жокеев,
Голубых лошадей и зеленых собак на стене...
Весь театр - это музыка, ставшая белой стеной,
Где зеленому псу не угнаться за памятью детства,
Голубой моей лошастью, загнанной желтым жокеем...
И на всем протяжении, слева направо - деревья,
А на нижних ветвях музыканты
Провожают меня к пирамиде мячей на прилавке
И мужчина за ним улыбается в мареве детства...
Обрывается музыка, словно упала стена,
И мяч по обрыву скатился на дно сновидений.
Бросив палочку вслед, обернувшийся черным жокей

Осадил голубую лошадку
И с улыбкой склонился, качнув белый мяч на макушке,
И мяч этот белый исчез у него за спиной.

"Мне сердце тихая боль саднит..." Перевод А. Носе

Мне сердце тихая боль саднит.
Не знаю, откуда она и чья.
Над мнимой гордыней моею - нимб
Из сонного бреда и забытья.
Крупницы страха блестят под ним,
Как звезды с неба небытия.
Мне снег безмолвия полнит слух.
Вон всадник вглядывается в дом
Белесый холод недвижим, глух,
Мертвую ночь оковало льдом.
В оцепенении никнет дух,
Тоску я сглатываю с трудом.
Мне мысль мучительна и горька.
Дрожь пробегает по коже рук,
Словно по водам, когда река
Про то, что на дне, вспоминает вдруг.
В кузнице скорби кует тоска
Холодной ковкой ночной досуг.

Песня. Перевод Б. Дубина

Кобольдов или эльфов
Пение вдалеке?
Кружатся отголоски
В сумрачном сосняке.
Вслед за безвестной тропкой
Прянут за поворот,
Будто из рощи кто-то
Глянет - и пропадет.
Кто-то, чей призрак смутный
Тонет, уйдя во тьму...
Слышу - и чуть не плачу.
Плачу, но почему?
И наяву ли эта
Песня, что так легка,
Или она - лишь сосны,
Сумерки и тоска?
Но, улета с ветром,
Отзвук последний стих,
И ни единой ноты
В гуще стволов ночных.

"Ночи конца не видно!.." Перевод Б. Дубина

Ночи конца не видно!
Время - за часом час
Тянется еле-еле...
Сядь и склонись к постели,
Где не смыкаю глаз.
Это любил ребенком
И не сберег, взрослев...
Спой надо мною, няня:
Будит воспоминанья
Горестный твой напев.
Дочь короля влюбилась...
Сколько не верну!
Где это все? Ни тени
Спой же мне о забвенье,
Тихо клоня ко сну...
Вправду ли это было?
Вправду ли это я?
Спой, как над детской зыбкой,
Чтобы уснуть с улыбкой
Вечного забытья.

"В вышине - луна..." Перевод Е. Витковского

В вышине - луна.
О любовь, доколе
Мне стенать от боли?
Чем душа больна?..
Скорбный, бесприютный,
Я сожжен дотла...
Как луна тускла
Над равниной смутной...
Усмехнусь слегка,
Сердце успокою,
Сжатое тоскою
Так - издалека
Зов летит печальный
На короткий миг
(О, бесплодный клик!
Кто ты, друг мой дальний?
Это - лунный свет
Умножает боли
Здесь, в земной юдоли
И спасенья нет...
Горько и нелепо...
О, предел тоски
Смыслу вопреки,

Пробираться слепо
Дебрями ума
И страдать при этом.
Нежным лунным светом
Озарится тьма
Для того, кто сможет
Жить во имя сна:
Лишь его луна
Больше не встревожит.

"Пусть вихрь гудит ураганней..." Перевод Б. Дубина

Пусть вихрь гудит ураганней
И даст отдохнуть уму.
Маячит на дне сознания
Та суть, что вот-вот пойму.
Душа ль, что жизнью другою
Невыдуманной дарит...
Мгновение ли покоя,
Что душу животворит..
Все резче порывы ветра.
И мысль забытью страшна,
Что станет пытаться ответа,
Едва пробудясь от сна.
А вихрь то взмывает круто,
То рушится, пыль клубя...
О, если б хоть на минуту
Суметь разгадать себя!..

"Дождь? Да нет, покуда сухо..." Перевод Е. Витковского

Дождь? Да нет, покуда сухо.
Лишь однажды на веку
Сердцу дождь навеял глухо
Бесполезную тоску.
Где же рокот струй унылых,
Дождь, куда же ты исчез?
Улыбнуться я не в силах
Счастьем голубых небес.
Льнет завеса дождевая
К сердцу, к мыслям день и ночь.
Я - незримая кривая
На ветру, летящем прочь.
Небосвод, твоя окраска
Сердце ранит... Для меня
Нереален, словно маска,
Горний свет живого дня.
В сердце - пропасти, в которых

Солнце спит, не восходя,
И не умолкает шорох
Бесконечного дождя.
Где ж ты, друг, со мной не дружный?
Заалей, заголубей,
Свет небесный, свет наружный,
Гибель всех моих скорбей!

"Так поет она, бедная жница..." Перевод А. Гелескула

Так поет она, бедная жница,
Словно жизнь ее вправду легка,
И в беспечную песню рядится
Безымянная вдовья тоска.
Голос реет, как птица в зените;
Воздух чист, как воскресный наряд;
И, вплетаясь, лукавые нити
Домотканую песню пестрят.
И щемит ее голос, и греет,
А она все поет и поет,
Словно жизнь без нее не сумеет
Обрести этот песенный взлет.
Столько свежести в ритме упругом
И припев так затейливо спет,
Что дохнуло любовью и югом
И печаль улыбнулась в ответ.
Пой, о, пой же бездумно и мудро!
И в холодную грудь мою влей
Теплый голос, волнуемый смутно,
Беспричинную песню полей!
Всколыхни мое сердце тоскою
По душевной твоей тишине,
Где колышутся крылья покоя,
Отголосок рождая во мне!
Если б мог я, чужой, не от мира,
Стать тобой, горемыка жнея,
Чтобы душу мою вразумила
Неразумная радость твоя!
Знание тяжело, а жизнь тороплива.
Певчий вздох в вышине голубой!
Обрати меня в отзвук мотива
И возьми, отлетая, с собой!

"Ах, няня, видно, никогда..." Перевод В. Резниченко

Ах, няня, видно, никогда
Мне вновь не разыскать
Тот королевский сад, куда

Я раз пошла гулять.
(Ах, дочка, как мне знать?)
Была небесно-голубой
Голубизна небес.
Я - королева? Был он мой,
Сад, что потом исчез?
(Не разгадать чудес!)
Там было много ярких роз
Редчайшей красоты.
Я удержать не в силах слез,
Как вспомню те цветы.
(Как горестны мечты!)
Ах, если б, как по волшебству,
Той сказке не истлеть,
А возродиться наяву
И продолжаться впредь!
(Тогда бы - умереть!)
Все сказки слушаю подряд...
Все сказки - об одном:
Один лишь день, один лишь сад,
Я - королева в нем.

"Небосклон туманный..." Перевод Б. Дубина

Небосклон туманный
С ледяной луной.
Тянет с океана
Пылью водяной.
И - смутнее далее
По закате дня
Сходятся печали,
Сердце леденя.
Тяжелы движенья,
Мысли тяжелы.
Лед опустошенья
И бескрайней мглы.
Обняло ненастье
Сном небытия
Помыслы и страсти...
Спи, душа моя.

"Жизнь моя, ты откуда идешь и куда?.." Перевод Е. Витковского

Жизнь моя, ты откуда идешь и куда?
Отчего мне мой путь столь неясен и таен?
Для чего я не ведаю цели труда?
Почему я влеченьям своим не хозяин?
Я размеренно двигаюсь - вверх или вниз,

И свое назначенье исполнить способен,
Но сознание мое - неумелый эскиз:
Я подвластен ему, но ему не подобен.
Ничего не поняв ни внутри, ни вовне,
Не пытаюсь достичь понимания даже.
И не боль и не радость сопутствуют мне.
Я меняюсь душой, но изнанка все та же.
Кто же есмь я, о Господи, в этой мгле?
Что постигну, мечась в утомительной смуте?
Для чего я куда-то иду по земле,
Оставаясь недвижимым в собственной сути?
Путь мой пуст и бесплоден так нужен ли он,
Если смысл от деяний моих отодвинут?
Для чего мне сознание, которое - сон?
Для чего я в реальность жестокую кинут?
Да пребуду сознанием и слеп я, и нем.
О иллюзии! Стану под вашей защитой
Пребывать в тишине, наслаждаться ничем
И дремать бестревожно, как берег забытый.

Пауза. Перевод Е. Витковского

Эта мысль - о, молчанье прерви!
От которой бессмертной богини?
Эта ранняя тайна любви
Кем тебе приоткрыта донныне
Назови, назови!
Я иль некто - скажи, успокой,
Кто с тобою в потемках бывшего
К волосам прикасался щекой
И шептал сокровенное слово
Был ли, был ли другой?
Или в грезе - молю, не таи
Был тот миг бессознательно прожит?
Что слова, коль они не мои?
Что дела, если я их, быть может,
Намечтал в забытии?
Или тот, кто решился припасть
К твоему приоткрытому слуху,
Лишь мою тебе высказал страсть?
Нет покоя смятенному духу,
Это ревности власть.
Иль не смертные тело и рот,
А желанье одно лишь на ложе
Нашептало тебе наперед
Те слова, что богиням дороже
Олимпийских высот?

"Рассудок мой - подземная река..." Перевод Е. Витковского

Рассудок мой - подземная река.
Куда струится он, да и откуда?
Не знаю... Ночью, словно из-под спуда
В нем возникает шум - изглубока,
Из лона Тайны мысль спешит в дорогу
Так мнится мне... Не ведает никто
Путей на зачарованном плато
Мгновенья, устремившегося к Богу...
Как маяки в неизвестных просторах,
Печаль мою пронзают вспышки грез,
Они мерцают нехотя, вразброс,
И лишь волны не умолкает шорох...
И воскресают прежние года;
Былых иллюзий пересчет бесцелен,
Но, в памяти воспрыв, бушует зелень,
И так божественно чиста вода,
Что родина бывшая поневоле
Мое переполняет существо,
И больно от желания того,
Как велико мое желанье боли.
Я слушаю... Сколь отзвуки близки
Моей душе в ее мечте туманной...
Струя реки навеки безымянной
Реальней, чем струя любой реки...
В какие сокровеннейшие думы
Она стремится будто со стыдом,
В каких пещерах стынет подо льдом,
Уходит от меня во мрак угрюмый?
О, где она?.. Приходит день, спеша,
И будоражит блеском, и тревожит.
Когда река закончит бег - быть может,
С ней навсегда окончится душа...

"Закат окутал смутной дремой..." Перевод А. Косе

Закат окутал смутной дремой
Дома, как горы кряжа,
И в городе без окоема
Грусть, золотая пряжа.
Спускается с вечерней тенью
И отдается болью
Все, неподвластное забвенью
И ставшее судьбою.
В золе и золоте заката,
В неверный час,
Оплакиваю вас, утраты,
Не зная вас.
Восторг начала, весь мой путь,

И страх конечный,
И жажда претвориться в суть,
Что будет вечной,
Все в шепот мой, в мольбу войдет
Об отпущенье.
Да снидет ночь, да обретет
Душа прощенье.

"Всю ночь заснуть не мог. Как мрачен и угрюм..." Перевод Е. Витковского

Всю ночь заснуть не мог. Как мрачен и угрюм,
Лучится в глубине
Небесной пропасти - светила зрак холодный.
Что делать в мире мне?
И полночь, и рассвет переполняют ум
Заботою бесплодной.
В тоске бессонницы не зная забытья,
Слежу, смиряя дрожь:
Приходит новый день, но он сулит все то же
Обыденную ложь;
Он равен прошлым дням, у них одна семья
Как все они похожи!
Нет, символ свет пусть не ослепляет глаз!
Рассвета дивный миг
Не увлажнит слезой измученные вежды;
Кто сердцем ночь постиг
И кто надеялся напрасно столько раз
Свободен от надежды.

"О солнце будней унылых..." Перевод А. Гелескула

О солнце будней унылых,
Впотьмах забрезжи скорей,
И если душу не в силах,
Хотя бы руки согрей.
Пускай бы в этих ладонях
Душа свой холод могла
Укрыть от рук посторонних,
Вернув подобье тепла.
И если боль - до могилы
И мы должны ее длить,
Даруй нам, господи, силы
Ни с кем ее не делить.

**"Утро воскресло! И встало, коль верил ты прежде..." Перевод С.
Александровского**

Утро воскресло! И встало, коль верил ты прежде,
Веры светило:
Встало, и спящей - но только не мертвой! - надежде
День возвратило.
Те, кто мечтают и ночью и днем, сознавая
Тщетность мечты,
Все же мечтают: душа не приемлет живая
Лишь пустоты.
Но воздвигает мечта мирозданье, в котором
Солнце незримо;
И невидимкой оно пред мечтательным взором
Двигается мимо.

"Все легче мчатся прочь тяжелые мгновенья..." Перевод С. Александровского

Все легче мчатся прочь тяжелые мгновенья...
О нет! Судьбу не проведешь:
Все так же ни к чему и вера и сомненья
Во всем сокрыта ложь!
Все так же новый день походит на вчерашний...
Все так же тщетный взор
Вонзается в простор полей с высокой башни
В пустой простор!
Надежда и тоска - все минет без возврата...
Придет пора
И нищая душа припомнит, как богата
Была вчера.
Все тот же зыбкий миг, мерцающий над бездной
Бескрайних дней...
И вот я стал, прельстясь химерой бесполезной,
Еще бедней!
Все так же, день и ночь, бесцельно длится драма...
И не видать конца - все тот же тщетный взор
Стремится с высоты покинутого храма
В пустой простор!

"Опять я, на исходе сил..." Перевод А. Гелескула

Опять я, на исходе сил
Забыв усталость,
Глазами птицу проводил
И сердце сжалось.
Как удастся на лету
По небосклону
Себя нести сквозь пустоту
Так неуклонно?
И почему крылатым быть

Как символ воли,
Которой нет, но, чтобы жить,
Нужна до боли?
Душа чужда, и быть собой
Еще тоскливей,
И страх растет мой, как прибой,
В одном порыве
Нет, не летать, о том ли речь,
Но от полета
В бескрылой участи сберечь
Хотя бы что-то.

"Отраден день, когда живешь..." Перевод Е. Витковского

Отраден день, когда живешь
Дневным отрезком,
И свод небес вдвойне пригож
Лазурным блеском.
Но синева, являсь тебе,
Лишь боль умножит,
Коль место ей в твоей судьбе
Найтись не может.
Ах, если б зелень дальних гор,
Поля и реки
Вобрать и в сердце и во взор,
Вобрать навеки!
Но время обрывает нить
Как бы невольно.
Пытаться миг остановить
Смешно и больно.
Лишь созерцать, как хороши
Лазурь, дубрава
Кто не отдаст своей души
За это право?

"Уже за кромкой моря кливера!..." Перевод А. Гелескула

Уже за кромкой моря кливера!
Так горизонт ушедшего скрывает.
Не говори у смертного одра:
"Кончается". Скажи, что отплывает.
О море, непроглядное вдали,
Напоминай, чтоб верили и ждали!
В круговороте смерти и земли
Душа и парус выплывут из дали.

"Я грежу. Вряд ли это что-то значит..." Перевод Е. Витковского

Я грежу. Вряд ли это что-то значит.
Сплю, чувствуя. В полуночной тиши
Рассудок в мысли мысль упорно прячет,
И нет в душе души.
Я существую - это ложь, пожалуй.
Я пробуждаюсь - это тоже бред.
Ни страсти нет, ни власти самой малой,
Простейшей воли нет.
Обман, оплошность разума ночная,
Навязанное тьмою забытие.
Спи, о других сердцах не вспоминая,
Спи, сердце, ты ничье.

"Я вслушиваюсь: ветер, ночь..." Перевод С. Александровского

Я вслушиваюсь: ветер, ночь...
Привычное стремится прочь,
Неведомое мчится мимо.
Все слышно - и ничто не зримо.
Все родственно, и все едино
И ночь и ветер... Сердцевина
Одна: и ночь и ветер дети
Мечты, создавшей все на свете.
Все - только греза наяву.
И я тотчас ее прерву,
Поведав лишь, помыслив лишь
О ветре и о ночи. Тишь...
Все родственно, и все похоже.
И ночь прошла, и ветер тоже.
И день приблизился несмело.
Все грезилось - и отлетело.

"Спать! Забыв минуты и часы..." Перевод Е. Витковского

Спать! Забыв минуты и часы,
Облако плывет в небесной сини.
Волосы неведомой богини
В две прозрачных заплелись косы.
Но затишья миги нележки:
Снидут, сгинут - словно передумав.
Лабиринты сна, блужданье шумов,
Доброты отжившие зрачки.
О счастливый миг небытия!
Радость или боль? К оцепененью
Жизнь потянется обманной тенью
С ней могу и не считаться я.

Я ли это? Как постичь во сне,
На которые заброшен круги?
В смутном и томительном досуге,
Кажется, черед растаять мне.
Сохнет мысль, как летние ручьи.
Будто веер, жизнь моя закрыта.
Вот - цветы, но где для них защита?
Быстро вянут все цветы мои.
Неосознаваемая страсть
Не желать... запутанные тропки,
Что ведут от жизни прочь, за скобки..

"Навеяная сумрак смутный..." Перевод Е. Витковского

Навеяная сумрак смутный,
Землю осень пожелтила
Дуновением своим.
Ветер, странник бесприютный,
Как во сне, бредет уныло,
Одинокостью томим.
Вижу листьев желтых вьюгу:
Поднимаются бесцельно,
Падают, скользя к земле
По незамкнутому кругу,
Только ветер в тоске смертельной
Мертвенно бредет во мгле.
И надежда не тревожит,
И мечты все безнадежней,
Но из собственных же уст
Завтра мне уже, быть может,
Прозвучит: "О, где ты, прежний!"
Ветер хладен, ветер пуст.

"Кротко и нежно взлетев..." Перевод Е. Витковского

Кротко и нежно взлетев,
Птичий напев
Возвещает начало дня,
Звения.
Слушаю - вот и исчезло оно...
Лишь потому, что я слушал, звучать
Было ему дано.
Везде и всюду - зря
Всходила бы заря,
Догорал бы закат, восходил бы рассвет,
Если бы я вослед
От них удовольствия не получал:
Все потеряло бы смысл, когда не чередованье

Концов и начал.

"Простой мотив старинный!.." Перевод Б. Дубина

Простой мотив старинный!
Не знаю, почему
Прислушиваюсь плача
К звучанью твоему.
Когда тебя я слышал?
Не знаю, но давно...
Не в детстве ли, что эхом
Твоим возвращено,
Куда тянусь вернуться
Я из последних сил,
Не зная: был ли счастлив
И я ли это был?

"Пребывай в объятьях сна..." Перевод Е. Витковского

Пребывай в объятьях сна
В этот час ночной.
Пусть прекрасна, пусть нежна
Лишь для грез ты нужна,
Для нее одной.
Плоть манящая твоя
Грезам ни к чему.
И на грани забытья
Льнуть к тебе не стану я
И не обниму.
Нежность видишь ты во сне,
Так дремли, дремли,
И в полночной тишине
Низойдет мечта ко мне
От тебя вдали.

"В ночи свирель. Пастух ли взял от скуки?.." Перевод А. Гелескула

В ночи свирель. Пастух ли взял от скуки?
Не все равно? Из тьмы
Возникли, ничего не знача, звуки.
Как жизнь. Как мы.
И длится трель без замысла и лада,
Крылатая, как весть.
Вне музыки. Но бедная так рада,
Что все же она есть.
Не вспомнить ни конца и ни начала

Ее несвязных нот,
И мне уж горько, что она звучала
И что замрет.

"Искрится вода, мешая..." Перевод Б. Дубина

Искрится вода, мешая
Увидеть, что впереди.
И чья-то, совсем чужая,
Тоска поднялась в груди
Тоска сиротливой тени,
Пришедшей из той страны,
Где муки - благословенье,
А страсти - просветлены.
И с болью она взирает,
Как жизнь, идя стороной,
Обманутая,- стирает
И сон о себе иной.

"Склонись ко мне, мечтая..." Перевод Б. Дубина

Склонись ко мне, мечтая.
Забудься забытьем.
Томление читаю
В слепом зрачке твоём.
Забудься сном, что любим,
И сказкой, что живем.
Все мнимо, все напрасно:
Не лжет мечта одна.
Темно в дали безгласной.
Забудься явью сна
И улыбнись забвенью,
Умиротворена.
В слепом зрачке читаю
Незыблемый покой
Постигших небыль жизни
С блаженством и тоской.

"Вокруг меня стихией жизни..." Перевод А. Косе

Вокруг меня стихией жизни
Бурлят, рокочут, как прибой,
День, время и труды чужие,
Мир яви, сущий сам собой.
Но, пленник снов и наважденья,
Я силюсь лишь воссоздавать

Невольно, тщетно - те виденья,
Которым явью не бывать.
Я - вымысел, живой до боли,
Сон, хоть мне чувствовать дано,
Останки отгоревшей воли,
Созвучье, что обречено
Прервать полет в тоске бессилья,
Страшась найти удел чужой
Иль опустить навеки крылья
В пути меж сердцем и душой.
Да не пробьет он, час прозренья:
Быть может, видеть - тяжелей...
О солнце, свет, как прежде, лей
На сонное мое забвенье!

"Важно ль, откуда приносят..." Перевод Е. Витковского

Важно ль, откуда приносят
Запах чуть слышный ветра,
Если ответа не просит
Сердце о смысле добра?
Зачаровав, убаюкав,
Музыка льется в тиши
Важно ль, что магия звуков
Гасит порывы души?
Кто я, чтоб с миром делиться
Тем, что несет забытье?
Если мелодия длится
Длится дыханье мое.

"Еще не сгустились тени..." Перевод Б. Дубина

Еще не сгустились тени,
Но все холоднее высь.
Бичуя опустошенье,
Над сердцем ветра взвились.
О канувшие удачи,
Которых не нужно мне!
О сон, что живешь иначе!
И жизнь, что ведешь во сне...
Взвевайтесь, ветра, над глушью
Простершейся мглы ночной!
Безлюдье пугает душу
Бескрайнею тишиной.
И, слезы тайком глотая,
Вперяешься в миражи...
О жизнь ты моя пустая,
Хоть кто я такой, скажи!

Мамин сорванец. Перевод Б. Дубина

Бриз, дыша теплыню,
Травостой рябит.
Никого в долине.
Лишь посередине
Замер он, убит.
Бурые потеки
Форму кровенят.
И, голубоокий,
В небосклон далекий
Он уставил взгляд.
Бледный, русоватый
И совсем юнец!
Мертвого солдата
Мать звала когда-то
"Мамин сорванец".
Выпав из кармана,
Больше ни к чему
Портсигар чеканный,
На дорогу данный
Мамою ему.
И сквозит в бурьяне
Возле паренька
Строчка на прощанье
Снутого няней
Свежего платка.
Дома ждут бессонно,
Но нашел конец
На траве зеленой
(К вящей славе трона!)
Мамин сорванец.

Марина. Перевод Е. Витковского

Благо вам, благо! - безвольно
Я помагаю платком.
Счастливы будьте: вам больно.
С болями я не знаком.
Жизнь моя, повесть живая,
Но становлюсь сиротлив,
Словно сквозь сон прозревая,
Что оборвется прилив.
И, не спеша поначалу,
Словно пресытись борьбой,
Хлынет навеки к причалу
Дней беспощадный прибой.

("МАРИНА" - морской пейзаж)

"Не садись ни рядом со мной, ни против меня..." Перевод В. Резниченко

Не садись ни рядом со мной, ни против меня,
Разговорчивой и веселой не будь.
Так от всего устаю я день ото дня,
Что одного лишь хочу - уснуть.
Чтобы приснился мне какой-нибудь сон,
Или не приснилось снов никаких,
Чтобы, от всех забот отрешен,
В сладостном беспмятстве я затих.
Не мечтатель, не воздыхатель и не мудрец,
Веру свою растратил я в суете
И единственное слово "конец"
Написал на чистом бумажном листе.
Вопреки обещаньям не занял я трон,
Встретить сказочной принцессы не смог.
В моем сердце - жизнью людских миллион,
Сам же я до сих пор одинок.
Так что, если придешь, молча сядь в стороне,
Дай мне погрузиться в дрему,
В смерть, не несущую зла ни тебе и ни мне,
Не грозящую бедой никому.
В серой бумаге, в ломбарде - жизнь моя вся,
Вся моя будущность, вся надежда моя.
Запоздалый самоубийца, брожу, у судьбы прося
Только одного - забытья.
Полного забытья, без пышных обрядов. Так,
Путь держа из ниоткуда и никуда,
Тонут, уходя в непроглядный мрак,
Экипажем покинутые суда.
Капитан, ведущий корабль сквозь крутую волну,
Видит, как вдали, изможден и слаб,
Вместе с самой последней галерой идет ко дну
Не умеющий плавать раб.

"Я по дороге шел в своей печали вечной..." Перевод А. Косе

Я по дороге шел в своей печали вечной,
И мысли были зыбки.
И, глянув на меня, какой-то школьник встречный
Вдруг просиял в улыбке.
Да, знаю я: улыбка и всем и никому,
Случайная, не в счет.
Но все-таки досталась она мне одному,
Чего же мне еще?
Никто я в жизни этой, не-я, ничей, иду

К неведомым мне срокам.
Так пусть же улыбнется мне кто-то на ходу,
Хотя бы ненароком.

"Ветер чуть качает..." Перевод Г. Зельдовича

Ветер чуть качает
Стебли камыша.
Дрожью отвечает
И моя душа.
Сердце сиротливо
Плачет не о том,
Что слышны порывы
Ветра над прудом.
Это легче вздоха,
Чище ветерка:
Если сердцу плохо,
Где моя тоска?
Если ветер тронет
Блики на воде,
Знаю: сердце стонет,
Но не знаю где.

"Уж дотлевает свет дневной..." Перевод Г. Зельдовича

Уж дотлевает свет дневной...
В душе уныние сокрыто.
Душа... ей горько быть одной...
Лазурный лучик ледяной
Уперся в мостовые плиты...
То лучик, синий и туманный,
Угаснувшей поры дневной
Привет прощальный, безымянный..
Он весь во мне, он здесь со мной:
То луч лазурный, ледяной.

"Я иду с тобою рядом..." Перевод Е. Витковского

Я иду с тобою рядом.
Что ни слово - в сердце жалит
Стушком горечи и зла.
Все пронизано разладом.
Боль вчерашняя печалит
Тем, что мимо не прошла.
Да, сегодня день погожий,
Но ненужный, неуместный,

Жизни подлинной вразрез.
Не глазами и не кожей
Ощушаю: свод небесный
Только тень иных небес.
Не избыть печаль такую.
Нет, не спрашивай ответа
Что случилось там, в ночи?
В одиночестве тоскую.
Сон ли это? Смерть ли это?
Все напрасно. Помолчи.

После ярмарки. Перевод Е. Витковского

Кто знает, чем гонимы
Неверной ли мечтой,
Иль жаждой одержимы,
Иль верою пустой
Идут шуты и мимы,
Звучит напев простой.
Бредут поодиночке,
Попарно и толпой
Спешат без проволоочки
Незнаемой тропой.
Кто первым вспомнит строчки,
Тот первым их и спой.
Пажи легенды бренной,
Поведанной не раз,
Уйдя в самозабвенный
Лирический экстаз,
Не знайте о Вселенной,
Не знающей о вас.

"Сочельник... По захолустью..." Перевод А. Гелескула

Сочельник... По захолустью
Рождественские снега.
Дохнуло старинной грустью
У каждого очага.
И сердцу, для всех чужому,
Впервые она близка.
Мне снится тоска по дому,
Непрошенная тоска.
Смотреть так тепло и ново
На белую колею
Из окон гнезда родного,
Которого не совью.

"Твой голос так наполнен лаской..." Перевод С. Александровского

Твой голос так наполнен лаской,
Твоих речей так нежен пыл...
Искать обман под кроткой маской
У сердца неостанет сил.
О музыка - гораздо боле,
Чем просто сочетанье нот!
И твой напев не оттого ли
Неодолимо к сердцу льнет?
Меня? Любить? Но внемлю голос..
Звучит неискренний мотив,
С которым сердце не боролось.
Я внемлю, верю - и счастлив.
Я знаю: счастье чуждо фальши,
Доколе не прейдет оно.
Я знаю... Говори же дальше.
Пусть ты лжешь - не все ль равно?

Абазур. Перевод А. Гелескула

Этот свет уютный
(Не в моем окне)
Красотою смутной
Долетел ко мне
И застыл в покое
На полу моем,
Там, где я с тоскою
Заперся вдвоем.
И от света к тени
И опять назад
Проводил виденья
Мой дремотный взгляд.
Помню... Свет нездешний
Улыбался мне...
Это было прежде
И в иной стране...
И по светлой кромке
Я к нему плыву,
Берея потемки
Снами наяву.

"Здесь - простор, покой, дремота..." Перевод С. Александровского

Здесь - простор, покой, дремота.
В них - от бытия защита.
Прошлое похитил кто-то,

И грядущее забыто.
Здесь - простор, покой, дремота.
Взор невинный, безобидный
Вспоминаю - и тоскую.
Но незримые ехидны
В суету влекли мирскую
Взор невинный, безобидный.
Море, небо, тишина.
Меж водой и небосклоном
Тень тончайшая видна
Голубая на зеленом.
Море, небо, тишина.
Да, наверное, сбылось бы...
Но ни воле, ни уму
Не исполнить наши просьбы,
Не расторгнуть нашу тьму.
Да, наверное, сбылось бы...
Память! Ты сродни забвенью.
Слушаю, сомкнув глаза,
И струится зыбкой тенью
На зеленом - бирюза.
Память! Ты сродни забвенью!
Не намеренно, отнюдь...
Были взоры безобидны,
Но пронизывали грудь,
Как незримые ехидны.
Не намеренно, отнюдь.
Без стремленья, без усилья...
Жизнь! Влачу тебя доселе,
Как ветряк забытый - крылья,
Что вращаются без цели,
Без стремленья, без усилья.
Безысходность роковая,
Отрешенье гробовое...
Поникаю, сознавая,
Что один, увы, - не двое.
Безысходность роковая.

**"Здесь, в бесконечность морскую глядя, где свет и вода..." Перевод Е.
Витковского**

Здесь, в бесконечность морскую глядя, где свет и вода,
Где ничего не взыскую, где не влекусь никуда,
К смерти готовый заране, вверясь навек тишине,
Так и лежал бы в нирване, и отошел бы во сне.
Жизнь - это тень над рекою, что промелькнет ввечеру.
Так по пустому покою тихо идешь, по ковру.
Бредни любви суть отравы: станет реальностью бред.
Столь же бессмысленна слава, правды в религии нет.
Здесь, от блестящей пустыни прочь отойти не спеша,

Знаю: становится ныне меньше и меньше душа.
Грежу, не веруя в чудо, не обладав, отдаю
И, не родившись покуда, смерть принимаю свою.
Необычайна услада: бризом прохладным дышу,
И ничего мне не надо: бриза всего лишь прошу.
Это на счастье похоже, то, что дано мне теперь:
Мягко песчаное ложе, нет ни страстей, ни потерь.
Выбрав тишайшую участь, слушать, как плещет прибой,
Спать, не тревожась, не мучась и примирившись
с судьбой,
В успокоенье отрадном, от изменивших вдали,
Бризом пронизан прохладным здесь, у предела земли.

"Всю летнюю благую синь..." Перевод А. Косе

Всю летнюю благую синь
Мне застыт зимы небом сирым...
В геенну огненную сгинь
И отпусти мне душу с миром!
Мне горько по твоей вине:
Ум в скорби, чувство непокорно.
Мысль о тебе всегда при мне
И, как безденежье, упорна.
С мечтою мне не совладать.
Мне не влюбить тебя. И пусть.
Что делать мне? Грустить и ждать,
Когда пойдет на убыль грусть.
Да, знаю: сердце страждет, ноя,
Как зуб. Не я сказал. Не ново.
Любовь к тебе - как паранойя.
(Что толком значит это слово?)
Смешно? О да! И всем известно.
Но то, что это все и впрямь балаган,
сумел вложить я честно
В пять строф и в объективность ямба.

"В ночи, не ведающей обо мне..." Перевод А. Косе

В ночи, не ведающей обо мне,
Уже давно пора взойти луне,
Но проблески ее размылись в дрожи.
Забыл не знаю что. Живу во сне.
Какое выбрать "я", не знаю тоже.
Что за туман лег странной пеленой
Меж вечной смутой чувств моих и мной?
Час междущарствия, пора больная.
Ко мне прильнул бесстрастно бриз ночной.
Я сплю. Но кто уснувший "я", не знаю.

Вся суть моя, я сам - ничто, и вот
Все, чем я жив, во Мне как боль живет.
Ночь - меч в ножнах, не вступишь в споры с нею.
Ты алчешь, сердце? Все из рук плывет.
Уж лучше чувствуй, сердце: так вернее.

"Мне больно быть. И вот из этой боли..." Перевод А. Косе

Мне больно быть. И вот из этой боли
Вздымает мысль суровое чело,
Как будто сердце, спавшее дотолё,
В бескрайней стуже одинокой доли
Способность знать и думать обрело.
Я - только сгусток горечи притворной:
И вот, вершить обряд себе веля,
Идее, мне неведомой, покорный,
Ряжусь торжественно в наряд придворный,
Чтоб лицезреть притворство короля.
Лишь сны - и суть моя, и все желанья.
Все, чем владел, я выронил из рук
И жду, хоть безнадежно ожиданье,
Как нищий, что просил бы подаянья,
Да в безысходности смутился вдруг.

"Когда ушли все гости..." Перевод А. Косе

Когда ушли все гости
И день ушел впотьмах,
Остались меж тенями
Аллея пустого сада
Двое: я и мой страх.
Я не был зван на праздник.
Когда же он угас,
Остались меж тенями
Заросших аллея двое:
Я в прошлом и я сейчас.
Здесь все и всем дарилось.
Но вот с уходом дня
Остались меж тенями
Заросших аллея двое:
Я сам и я без меня.
Быть может, новый праздник
Вернется в сад чуть свет.
Остались меж тенями
Заросших аллея двое:
Я и тот, кого нет.

"Ухожу в себя как в рощу..." Перевод С. Александровского

Ухожу в себя, как в рощу,
Стану частью окоема,
О себе самом забыв.
И в мечтах - благая дрема,
И в желаниях - отлив.
Я внимаю, не внимая.
Голос ветра беспечален
И безрадостен пока...
Откровения прогалин,
Устремленья сосняка...
Улыбнусь, когда сквозь ветви,
Что сомкнулись над потоком,
Луч потянется к воде.
Под водой, на дне глубоком,
Камни скрыты кое-где.
Драгоценна боль ушибов,
Без нее ступить ни шага
Не дает коварный склон...
Где ты, призрачное благо,
Коим дух мой опьянен?
Эти тропы, эти травы!
Край лесной, который все же
Не похож на край лесной...
Я ли это? Боже, Боже,
Что же сделал Ты со мной?

"Раздумья дней монотонных..." Перевод А. Гелескула

Раздумья дней монотонных
Плывут, грустны и легки,
Как водоросли в затонах
Тенета волос зеленых
У топле нницы-реки.
Сплывают листвою осенней
Лохмотья небытия.
Пылинки, от света к тени
Плывущие в запустенье
Покинутого жилья.
Сон жизни, как пантомима
Не посланного судьбой,
Плывет неостановимо
Не знаю, вспять или мимо,
Не знаю, сон или боль.

"Над озерной волною..." Перевод А. Гелескула

Над озерной волною
Тишина, как во сне.
Вдалеке все земное
Или где-то во мне?
Ко всему безучастен
Или с жизнью в ладу,
Наяву ли я счастлив,
Да и счастья ли жду?
Блики, тени и пятна
Зыбью катятся вспять.
Как я мог, непонятно,
Жизнь на сны разменять?

"Память, странной казнишь ты карой..." Перевод А. Косе

Память, странной казнишь ты карой:
Копишь небыли все подряд.
Но утрата той были старой
Мне больнее других утрат.
Мне от были той мои бредни
Не оставили ни листка,
И низвержен мой бог последний:
Атеистка моя тоска.
Что ж, небывшее вспомяни,
Память, раз уж ты - его эхо.
Возврати меня в светлые дни,
Дай поплакать: устал я от смеха.

"Сколько душ сокрыто в теле?.." Перевод С. Александровского

Сколько душ сокрыто в теле?
Я менялся всякий миг.
Самого себя доселе
Не прозрел и не постиг.
И в душе ни на минуту
Я смирить не властен смуту,
Умножаясь и дробясь,
Сам с собой теряю связь.
Все, впиваемое взглядом,
Обратится тут же мной.
Я, терзаемый разладом,
Чуждый миру и родной,
Я - равнины, скалы, воды,
Я - привалы, переходы...
Переменчив, одинок,
Я - и семя и росток.
И душа моя стремится

Самое себя прочесть:
За страницей страница,
За благой - дурная весть;
Мимолетных мыслей прах,
Позабытый на полях...
Мой ли почерк? Мой ли слог?
Я не знаю. Знает Бог.

"Лунные лесные гномы..." Перевод С. Александровского

Лунные лесные гномы,
В полночь льнущие к полянам,
Мимолетны, невесомы,
Подмигнув издалика нам,
Завлекаете обманом;
И, мелькая с нами рядом,
Исчезаете, едва
Настигаемые взглядом!
Но шепнет о вас листва
Бессловесные слова...
Стать как вы - бесплотным блеском,
Бликом, чтобы в темноте
Мой полет по перелескам
Угадали только те,
Кто доверится мечте.
Стану пляской смутных пятен,
А потом вольюсь во тьму,
Не подвластен, не понятен
Никому и ничему
Ни безумью, ни уму.

"Пред наступлением бури..." Перевод Е. Витковского

Пред наступлением бури
Миг выдается такой:
Сердцу даруя покой,
В облаке - просверк лазури.
В оцепененье, в тиши,
Вдруг прерывается вялость:
Гонит тупую усталость
Просверк в глубинах души.
Непредсказуемы крайности,
Кто из живых - без греха?
Кроют кристаллы стиха
Донце бокала случайности.
Чувство - терзает и гложет,
Вспыхнет - уже не отстанет.
Тот, кто себя не обманет

Чувствовать тоже не сможет.
Мучимся? Горькие строки.
Лжем? Это снова они.
Все - листопадные дни,
Долгого ливня потоки.

"Не постыдная это подачка..." Перевод М. Березкиной

Не постыдная это подачка,
Не пустяк, что обижен чуть-чуть.
Приколите их там, гордячка,
Где слегка обозначилась грудь.
Я сорвал их на ближнем поле,
Чтобы только порадовать вас.
То ли вы не заметили, то ли
На меня не подняли вы глаз.
Такова моя бедная участь.
Я собрал их в чудесный букет
И поднес вам, немного мучась,
Что не слышу ни слова в ответ.

"Ветер нежен, и в кронах древесных..." Перевод Е. Витковского

Ветер нежен, и в кронах древесных
Без него зарождается дрожь.
Спит молчанье в пределах окрестных.
Даль, куда и зачем ты зовешь?
Я не знаю. По собственной воле
Меж собой и природою связь
Создаю, на зеленое поле
Как тяжелый мешок повалясь.
И душой - словно спинкой звериной,
Обращенной в простор голубой,
Ощушаю, как бриз над долиной
Бытие подменяет собой.
Взором медленным шарю без толку,
Нет ли в поле кого, на виду?
В стоге сена ищу я иголку
Дай-то бог, ничего не найду.

"Коль скоро все сущее - лживо..." Перевод М. Березкиной

Коль скоро все сущее - лживо,
То значит все сущее - ложь.
Ничто ничему не пожива,
В ничто ничего не вернешь.

Когда не важно, какою
Представлю я сущего суть,
Мне хочется не тоскою,
А радостью все обернуть.
У жизни есть высшая воля о
Умение жить умно.
Цветок засыхает в поле
И сорванный с ним заодно.
Все истинное - бесценно,
А прочее скроет трава.
Останется то, что нетленно,
Чтоб лишними стали слова.

"Недвижной мглой, как покрывалом..." Перевод В. Резниченко

Недвижной мглой, как покрывалом,
Застелен мой померкший взгляд.
Кто мал - довольствуется малым.
Жизнь все, что даст, возьмет назад.
Так будь и малым крохам рад!
Ночь, нисходящая, как тайна,
Верни меня на прежний круг,
Чтоб тут же, на тропе случайной,
Забыл я все, что вспомнил вдруг,
И мучился, и жаждал мук.
Одеты в серые одежды,
Лежат поля передо мной,
Где завтра все мои надежды
Я погребу, в тиши ночной
Найдя отраду и покой.
Поэзия - ничто. Мгновенья
Неслышно уплывают вдаль.
Так есть ли смысл искать забвенья?
Что прожито - того не жаль.
Но отчего в душе печаль?

"Смех, рождаемый листвою..." Перевод Е. Витковского

Смех, рождаемый листвою.
Ты со мной - как ветер зыбкий.
Ловишь взор - поймаю твой.
Обойтись ли без улыбки?
Смейся, не страшись ошибки.
Смейся вправду, наяву,
Не подсматривай неловко,
Как ласкает ветр листву,
У него на то - сноровка.
Все - лишь ветр, лишь маскировка.

Взора не встречает взор,
Но на сердце полегчало;
Возникает разговор,
Хоть ничто не прозвучало.
Где конец и где начало?

"В безвестности окна..." Перевод М. Березкиной

В безвестности окна
За неподвижной шторой
Виденью отдана
Душа моя, в которой
Мечта воплощена.
Любовью я богат,
Но все, чем я владею,
Отдать я был бы рад
За тонкий аромат
Той, что назвать не смею.
Зачем? Пусть воплотится
Мой выстраданный сон:
Взойдет Императрица,
Которая приснится,
На недоступный трон.
В видении слепом
Пространство есть для трона,
Есть обветшалый дом
С мечтой, живущей в нем
За шторой оконной.
По улицам петляю,
Полночный путь неведом.
Себя почти теряю
И тихо повторяю:
Остаться бы соседом...

"Котенок, ты спишь как дома..." Перевод А. Гелескула

Котенок, ты спишь как дома
На голой земле двора.
Твоя судьба невесома
Она ни зла, ни добра.
Рабы одного уклада,
Мы все под ее рукой.
Ты хочешь того, что надо,
И счастлив, что ты такой.
Ты истина прописная,
Но жизнь у тебя - твоя.
Я здесь, но где я - не знаю.
Я жив, но это не я.

"В листьях иссякли соки..." Перевод С. Александровского

В листьях иссякли соки,
В небе иссякла просинь.
Льются с ветвей потоки
Листьев - иссякли соки...
Морось. Ненастье. Осень.
Стали бесцельны мысли,
Стала душа пуста;
Вверх погляжу ли, вниз ли
Нынче бесцельны мысли,
Словно полет листа.
Листья, скорбей не зная,
Трепетный век скончали.
Доля у них иная...
Падает лист, не зная
Темной моей печали.

"Разноголосье улицы взлетело..." Перевод М. Березкиной

Разноголосье улицы взлетало,
Шумя над головою, как прибой:
Я вижу сущность вещи самой малой,
Я слышу звук в отдельности любой.
Я - берег моря. Вздрыбленные воды,
Обрушиваясь, тают без следа.
Ах, только в том вся истина исхода,
Что должен я исчезнуть навсегда.
Когда меня не станет, смолкнет пенье.
Нет, ничего я изменить не смог.
Растраченное мною вдохновенье
На мостовой потерянный цветок.

"Все пейзажи в сердце живы..." Перевод С. Александровского

Все пейзажи в сердце живы,
Все пейзажи мне близки
Светлое волненье нивы,
Солнца луч, ручьев извивы,
Тишь, безлюдье, тростники...
О пейзажи!.. Галерея:
Этот холст - замыслил Бог,
Этот - сотворила фея,
Этот - я писал как мог,
Вспоминая, сожалея...

О пейзажи... Если даже
Предстае́те в первый раз
Все же встарь картина та же
Завораживала нас
В открывавшемся пейзаже!
О пейзажи, коих суть
Не подвластна светотени!
Солнце. И простерся путь.
И душа - в оковах лени...
Пусто. Не на что взглянуть.

"Я спал... От сновидений к пробуждению..." Перевод С. Александровского

Я спал... От сновидений к пробуждению
Мучительно свершает переход
Моя душа, проникнутая ленью.
Я родствен зыби океанских вод,
Что словно и не движутся вперед.
Схож отлетевший сон с погасшим бликом...
Я был заморожен его игрой,
Я грезил о неясном и великом.
Я - океан бессолнечной порой:
Я - повесть, где отсутствует герой.
Ужели греза причиняет рану?
О, кто же я? Чем стражду обладать?
Подобен я ночному океану
Зыбь улеглась, и распростерлась гладь:
Плеснет, проблещет - и замрет опять.

"Растаяла дымка сквозная..." Перевод А. Гелескула

Растаяла дымка сквозная,
След облака в небе пустом.
Ничто не вернется, я знаю,
Но плачу совсем не о том.
Гнетет мою душу иное,
А если чего-то и жаль
Виной облака надо мною,
Следы в нелюдимую даль.
Они чем-то схожи с печалью,
И сходство печалит меня
И смутной тоске я вручаю
Кипучие горести дня.
Но то, что гнетет, нарастая,
И плачет всему вопреки,
Живет выше облачной стаи,
Почти за пределом тоски.
Я даже не знаю, дано ли

Душе разгадать его суть.
И силюсь поверхностью боли
Ее глубину обмануть.

"Клубятся тучи в вышине..." Перевод Г. Зельдовича

Клубятся тучи в вышине
И небо облегли:
Последний синий лоскуток
Печалится вдали.
Вот так и безутешный ум,
В безвыходной глуши,
Припомнит светлым лоскутком
О бытии души.
Прекрасной правды лоскуток
А правде суждено
Стать вечной по другую грань
Того, что нам дано.

Автопсихография. Перевод А. Гелескула

Поэт измышляет миражи
Обманщик, правдивый до слез,
Настолько, что вымыслит даже
И боль, если больно всерьез.
Но те, кто листает наследье,
Почувствуют в час тишины
Не две эти боли, а третью,
Которой они лишены.
И так, остановки не зная
И голос рассудка глуша,
Игрушка кружит заводная,
А все говорят - душа.

"Когда я дольше, чем мгновенье..." Перевод М. Березкиной

Когда я дольше чем мгновенье
Разгадываю жизни ход,
По собственному разуменью,
Я - труп, что воскресенья ждет.
Кончается мое скитанье.
(Кто жил, тот прожил мало лет.)
Я - заблужденье, я - желанье,
Я - обладанье и запрет.
Я стану на земле незримым.
Чужим, бесчувственным, не мной,

Под солнцем я рассеюсь дымом
Иль опьянюсь зарей иной.
Я потеряю непременно
Обогревающую связь
С людьми, с мечтой, со всей
Где цепь времен оборвалась.
И сколько б солнечная ласка
Земной ни золотила лик,
Все это маска, только маска,
Все - ночь, повсюду мрак проник.

Возведение лесов. Перевод Е. Витковского

Я часто вижу сны о том,
Как чахнут прежней жизни всходы.
Я написать сумел бы том
Про то, как миновали годы
В мечтах о будущем пустом.
Ручей - подобьем вижу я
Всего, что пережил доселе:
Спешит прозрачная струя,
Изображая бытия
Бесстрастный бег, лишенный цели.
Надежда, нужен ли отгадчик,
Чтоб распознать, как ты слаба?
Взлетает выше детский мячик,
Чем ты, и не хочу подачек,
Что мне еще сулит судьба.
Вода быстrobeгущих рек
Вода ли ты иль сон текущий?
Проходит час, проходит век,
Иссохнет зелень, сгинет снег,
Чуть сгинуть подвернется случай.
Иллюзия так долго длилась:
Быть королевой - чем не роль?
Но вот она явила милость,
Пред королем разоблачилась
И умер в тот же час король.
Как нежно, берег размывая,
Журчать доводится волне!
О, эта память чуть живая,
Туманная и вековая,
И сон, приснившийся во сне!
Что сделал я с самим собой?
В итоге встречи слишком поздней,
Решив не лезть в бесплодный бой,
Оставил я вдвоем с судьбой
Безумца, жертву темных козней.
Как мертвая, течет вода,
Не зажурчит, пути не спросит;

Воспоминанья без следа
Она смывает в никуда,
Надежды - губит и уносит.
Я сгину через миг короткий,
Я жив, покуда сном объят,
О сон несвязный и нечеткий,
В нем только стены и решетки,
Мой окружающие сад.
О волны, в море через мол
Да будет жизнь моя влекома
Туда, где мне сужден прикол,
Туда, где я леса возвел,
Однако не построил дома.

"Сегодня я с собой наедине..." Перевод С. Александровского

Сегодня я с собой наедине,
И различает мой душевный взор
Все облики, погибшие во мне,
Все, чем я не был до сих пор.
Сегодня, в сути собственной изверясь,
Никем останусь - невелик урон:
Я от себя самим собой за ересь
Высокомерно отлучен.
Во всем я проиграл судьбе строптивой:
Не сделал, не осмелился, не смог...
Жизнь от меня сокрыла под крапивой
Блаженства зыбкого цветок.
Я знаю, не дано свершиться чуду,
Но, бедный,- уподоблюсь богачу:
Я равнодушным до конца пребуду
И расписаться в том хочу.

"Сегодня, в ясной тишине заката..." Перевод С. Александровского

Сегодня, в ясной тишине заката,
Когда неспешно подступает мрак,
Хочу постичь, каким я был когда-то,
Каким я стал, и почему, и как.
Но прошлое пронизываю взглядом
И вижу: я всечасно походил
На все и вся, что обреталось рядом,
Собою быть не доставало сил.
Минувшее! забытая страница
С изображеньем чуждого лица!
Осколок истины во мне таится,
Стремление без начала и конца.
Мне цель была от века незнакомая,

Из двух путей годился мне любой;
Я был в миру - частицей окоема
И был ничем наедине с собой.
Я, чуждый очертаниям доныне,
Разнообразен там же, где безлик.
Я по себе влачусь, как по пустыне,
Свой собственный изменчивый двойник.
Быть может, я (все быть на свете может)
Из обликов нездешних соткан весь,
И суть мою душа пространства множит,
И есмь лишь потому, что явлен здесь?
А может (не положено предела
Стремленью мысли!) - о, быть может, я
Продленный миг, который жаждал тела,
Дабы вкусить земного бытия?

"Песня с горных отрогов взлетела..." Перевод М. Березкиной

Песня с горных отрогов взлетела,
Мне ее донесла тишина:
Чем бы только душа ни владела,
Несчастливою будет она.
Этот мир для нее не приют,
Не очаг, не домашний кров.
Все на свете душе дают,
Ей не нужно земных даров.
Так ли пелось? Не знаю. Без слов
Эта песня. Стою одиноко
У окна. И мелодии зов
Как сиянье звезды далекой.

"Я год не бился над строкой..." Перевод М. Березкиной

Я год не бился над строкой.
Давящее раздумье
Оберегает мой покой
От вещего безумья.
Тоскую о себе самом.
Паря под небесами,
Я жил в пространстве неземном,
Стихи слагались сами.
Теперь стихи - плоды ума,
И в мыслях - постоянство.
Кого же угнетает тьма
Из вечного пространства?

"Сменившая ночь в ее блеске и лоске..." Перевод В. Резниченко

Сменившая ночь в ее блеске и лоске
Промозглая рань
Как траур вдовы, после длительной носки
Поблекшая ткань.
И в небе рассветном, где завесь сырая
Все так же темна,
Несбыточность рая - от края до края
Глухая стена.
Бессмысленный день уготован мне снова
И холод в душе
Из-за несвершенности дела, какого
Не сделать уже.

"Смерть - поворот дороги..." Перевод А. Гелескула

Смерть - поворот дороги,
Кто завернул - незрим.
Снова твой шаг далекий
Слился в одно с моим.
Стерты земные грани.
Смертью не обмануть.
Призрачно расставанье.
Подлинен только путь.

"Кто в дверь стучит мою..." Перевод Е. Витковского

Кто в дверь стучит мою,
В столь горькую годину
Постиг ли, как таю
Своей души кончину?
Он тайну ли постиг
Моей судьбы несчастной?
Как ночью каждый миг
Томлюсь тоской напрасной?
Что на устах - печать?
Что прозябаю сирот?
Зачем же в дверь стучать
До окончания мира?

"Старая песня в соседней таверне..." Перевод Е. Витковского

Старая песня в соседней таверне:
Скольким похожим внимал на веку.
Слушаю, в сумрак уставясь вечерний,

И без причины впадаю в тоску.
Пусть я не знал этой песенки старой,
Это не важно, не важно ничуть.
До крови ранено сердце гитарой,
Кончились слезы - а то бы всплакнуть.
Вызвана кем и явилась откуда
Эта печаль, не моя и ничья?
Всем на земле одинаково худо,
Прошное - вечная боль бытия.
Жизнь завершается, скоро - в потемки.
Грустная песня, печальная весть.
Есть лишь мотив, незнакомый, негромкий.
Есть только то, что пока еще есть.

"Один на один..." Перевод А. Гелескула

Один на один
С той болью, которой мечен,
Ее до седин
Стремлюсь оправдать, да нечем.
Все так же она
Бессменна и беспричинна.
Как небо, видна,
Как воздух, неразличима.

"Нелегко, когда мысли нахлынут..." Перевод А. Гелескула

Нелегко, когда мысли нахлынут.
Еле брезжит, и тьма за стеной
И в беззвучную тьму запрокинут
Одиночества лик ледяной.
На рассвете, бессонном и грустном,
Безнадежней становится путь
И реальность бесформенным грузом
Тяготит, не давая вздохнуть.
Это все - и не будет иного.
И порукой оглохшая ночь,
Что мертвы эти дали для зова
И что жить этой жизнью невмочь.
(Это все - и не будет иного.
Но и звезды, и холод, и мрак,
И молчание мира немого
Все на свете не то и не так!)

"Чертою белой являясь взору..." Перевод С. Александровского

Чертою белой являясь взору,
Штрихом на лоне холма зеленом,
Тропа восходит по кособогу
И пропадает за дальним склоном.
Тропою этой на гребень ската
Влекутся люди, как муравьи.
Они бездумно спешат куда-то,
Теряя в спешке черты свои.
Людскому роду причастный тоже,
Я все же вижу со стороны,
Как друг на друга они похожи
И как друг другу они равны.
У них, возможно, различны лица,
Но предо мною безликой цепью
Ползет бесцельно их вереница,
Навек чужая великолепью.
Себе подобных не узнавая,
Душа скудеет с теченьем дней.
И вниз по склону идет кривая,
И мчится сердце мое по ней.

"Мечтаю, глядя на морскую гладь..." Перевод С. Александровского

Мечтаю, глядя на морскую гладь,
Где, кроме глади, не на что взирать.
Душа, питаясь пустотой лазури,
Не называет Божьей благодать.
Мы жаждем видеть верно. И плутаем
Столицей буйной иль безлюдным краем,
Мним, будто видим, но всегда и всюду
Мечтаем, и мечтаем, и мечтаем.
Деревья отдаленного леса
Так изумительны издалека!
Чудесно все, пока на расстояние...
Всему цена, увы, невелика.
Любовь? Ее не помню я нимало:
Уже меня вчерашнего не стало.
Пей, ибо все течет и опьяняет,
Но сякнет там же, где берет начало.
Срываешь розы? Губишь, обратив
Напевы красок в меркнувший мотив?
Срывай! Ведь так и так на свете этом
Лишаешься всего, покуда жив.

"Я сломлен. Обращаются светила..." Перевод С. Александровского

Я сломлен. Обращаются светила
Душа моя! Твой давний блеск исчез,

И ты в потемках нынче приютила
Мой разум, отлученный от небес.
Я сломлен. И отныне успокоюсь.
Я неизбывно одинок и сир:
Налево - полюс, и направо - полюс,
А посреди простерся чуждый мир.
Я сломлен. Я ничто. Влачатся дни...
Никчемен я, как ветхие поленья,
Что поднесенной жаждут головни:
Иного не сыскать употребленья.

"Ту повесть, что осталась втуне..." Перевод М. Березкиной

Ту повесть, что осталась втуне,
Мечта дополнила моя.
Нет, не о принце иль колдунье,
Но лишь о том, кем был не я.
Мой голос слышался сквозь дали,
Но я был тот, кто не был мной.
Цветы весною расцветали,
Но не была весна весной.
Легенда грез подобна мигу
Чем жил, того не отыскать.
Из рук моих кто вырвал книгу,
Что я хотел всю жизнь читать?

"На свете этом есть у всех вещей..." Перевод М. Березкиной

На свете этом есть у всех вещей
Предназначение,
И лишь лягушки в памяти моей
Как исключенье.
В подлунном этом мире есть приют
Любой гнилушке,
Но лишь в болоте грез моих поют
Мои лягушки.
Во мне встает поддельная луна,
И лунным светом
Вся заросль камышей оттенена
В болоте этом.
Откуда, из какого бытия
За мною следом
Воспоминанье шло - не помню я,
И путь неведом.
Безмолвствует ничто среди камыша,
Где нет в помине
Меня. И чья-то квакает душа
В ночной пустыне.

"Услышал и вспомнил лето..." Перевод А. Гелескула

Услышал и вспомнил лето,
Пропахший цветами сквер...
Оркестрик, возникший где-то,
Воздушный цветник химер.
Вернулась ничьей улыбкой
Мелодия давних лет
С какой-то надеждой зыбкой,
В которой надежды нет...
Я слушаю. Что мне в этом?
Себе не отдам отчет.
Но дарит улыбка светом
И в дар ничего не ждет.

"То ли в яви, то ли в сонной тайне..." Перевод Е. Витковского

То ли в яви, то ли в сонной тайне,
То ли там, где слиты явь и сон,
Расположен остров южный, крайний,
Тот, что нежностью заворочен.
Только там, на юге, только там
Место есть и счастьем и мечтам.
Может быть, кокосовые рощи
В никому неведомом краю
Сделали бы жизнь милей и проще
Для поверивших в мечту свою.
Счастливо - быть может, о, быть может
Был бы век наш в тех пределах прожит.
Но как много тягостных вопросов!
Так что грезить - стоит ли труда?
Лунный свет среди листвы кокосов
От луны доносит холода.
Ах, и там печаль стара, стара:
Много зла, и нет почти добра.
Нет, не островком на крайнем юге,
Нет, не рощей, виденной во сне,
Исцелит душа свои недуги:
Все лекарства - в ней самой, на дне.
Только там, в душе, о, только там
Место есть и счастьем и мечтам.

"Пусть вихри в спираль..." Перевод В. Резниченко

Пусть вихри в спираль

Скрутит ветер шальной.
Мечта моя, вдаль
Улети вслед за мной.
Узнай, как в лесу
Над обрывом, легки,
Держась на весу,
Не дрожат сквозняки.
Вглядишься в мою душу:
Иным ли я стал
С тех пор, как подслушал,
Что ветер шептал?

"Шаги среди растений.." Перевод С. Александровского

Шаги среди растений,
Среди лучей луны...
Шаги бесплотных теней
Неспешны, неслышны.
Шаги подобны эти
Падению пылинок.
В лесу, при лунном свете,
Шаги среди былинки.
Ужели гном или фея,
Незримые для нас?..
Очнусь, мечтать не смея,
И загрущу тотчас.

"Что печалит - не знаю..." Перевод А. Гелескула

Что печалит - не знаю,
Но не в сердце ютится
То, чему в этом мире
Не дано воплотиться.
Только смутные тени
Тают сами собою
И любви недоснились,
И не узнаны болью...
Словно грусть облетает
И, увядшие рано,
Листья след застилают
На границе тумана.

"Зачем, не убаюкав..." Перевод С. Александровского

Зачем, не убаюкав,
Волнует душу сон?

Душа во власти звуков
Я с нею разлучен.
Тревожная дремота,
Пришедшая извне,
Гнетет меня без гнета
И не очнуться мне.
Становятся чужими
Мои судьба и суть.
Ужели между ними
Я обречен уснуть?
Не будет мне возврата,
И нет за мной следа.
Во сне спешу куда-то.
Куда-то... Никуда.

"Не разойтись туману..." Перевод А. Гелескула

Не разойтись туману.
Поздно, и ночь темна.
Всюду, куда ни гляну,
Передо мной стена.
Небо над ней бездонно,
Ветер утих ночной,
Но задышало сонно
Дерево за стеной.
Ночь он не сделал шире,
Этот нездешний шум
В потустороннем мире
Потусторонних дум.
Жизнь лишь канва сквозная
Яви и забытья...
Грустен ли я, не знаю.
Грустно, что это я.

"В затишшей ночи..." Перевод А. Гелескула

В затишшей ночи
На паперти смутной
Бессонной свечи
Огонь бесприютный.
Спокойны черты,
Где жизнь отлетела.
Спокойны цветы
У бедного тела.
Кто снился ему,
Кем он себе снился
Дорогой во тьму,
С которой сроднился?

"Между сном и тем, что снится..." Перевод А. Гелескула

Между сном и тем, что снится,
Между мной и чем я жив
По реке идет граница
В нескончаемый разлив.
И рекой неодолимой
Я плыву издалека,
Вечно вдаль и вечно мимо,
Так же вечно, как река.
Под чужим недолгим кровом
Я лишь место, где живу:
Задремлю - сменилось новым,
Просыпаюсь на плаву.
И того, в ком я страдаю,
С кем порвать я не могу,
Снова спящим покидаю
Одного на берегу.

"Хлеба под ровным светом..." Перевод Б. Дубина

Хлеба под ровным светом,
Волнуются, рябя.
Бреду, себе неведом,
Вновь обманув себя.
О, если б хоть когда-то
Забыть судьбу свою,
Всей сутью без возврата
Вверяясь забытью!
Шумящая пшеница
Все тот же свет чужой...
И беглой тенью мнится
Владевшее душой.

"Отбивает усердная прачка..." Перевод М. Березкиной

Отбивает усердная прачка
О прибрежные камни белье
И поет, оттого что ей грустно
Жизнь, как песня ее, безыскусна
В этой песне вся радость ее.
Мне бы тоже стихи отстирать,
Словно прачка стирает холстины.
Этой стирки познав благодать,
Мне бы судьбы свои растерять,

Обрета только жребий единый.
С жизнью истинной единенье
Петь бездумно, как будто во сне,
Пусть почти не звучит это пенье,
Колотить полотно в белой пене...
Кто же сердце отмоем мне?

"Прожить всю жизнь, над речкой стоя..." Перевод В. Резниченко

Прожить всю жизнь, над речкой стоя,
Той или этой, все равно,
Где дни проходят чередою,
Где всеми я забыт давно,
Где нет ни холода, ни зноя.
Узнать, чем занята река,
Нельзя - ведь реки все безлики,
Они влачат издалека
Лишь отраженья, только блики
Того, что кануло в века
А мне разгадывать движенье
Не искр, летящих на волне,
А своего воображенья:
Ведь суть невидима на дне
Под толщей вечного скольженья.
И вновь на берегу стою,
И вновь движенью водной глади
Здесь или там, я жизнь свою
Вверяю - глядя и не глядя
На бесконечную струю.

"Льет. Тишина, словно мглой дождевою..." Перевод 'А. Гелескула

Льет. Тишина, словно мглой дождевою
Гасятся звуки. На небе дремота
Слепнет душа безучастной вдовою,
Не распознав и утратив кого-то.
Льет. Я покинут собою...
Тихо, и словно не мгла дождевая
В небе стоит - и не тучи нависли,
Но шелестит, сам себя забывая,
Жалобный шепот и путает мысли.
Льет. Ко всему остываю...
Воздух незыблемый, небо чужое.
Льет отдаленно и неразлично.
Словно расплескано что-то большое.
Словно обмануто все, что любимое.
Льет. Ничего за душою...

"Сон безысходный коснулся чела..." Перевод Е. Витковского

Сон безысходный коснулся чела
Тягостен, горек.
Слышу: гармоника вновь забрела
Прямо во дворик.
Вьется незримою нитью мотив,
Весел, несложен.
Разум, соломинку счастья схватив,
Странно встревожен.
Ритмику танца ловлю на лету
Смерть всем заботам!
Сердце, отдай же свою теплоту
Простеньким нотам!
Снова мотив сквозь окошко проник
Так же, как прежде.
Рвется душа - хоть на час, хоть на миг
К новой надежде.
Что же, исчезнуть и ей, отгорев.
Сумрак все ближе.
Вечной гармонике вечный напев,
Не уходи же!
Если б отдаться мечте, забытью
Мог навсегда я!
Губит гармоника душу мою,
Не сострада.

"Думаю все чаще..." Перевод Е. Витковского

Думаю все чаще,
Как спокойно я
Отошел бы, спящий,
В море забытья,
Без стыда и боли,
Мирно, в тишине
Но не просто в поле,
А дремать бы мне
Под древесной кроной,
Там, где так легка
Тень листвы зеленой,
Тень у родника.

"Волна, переплеск зеленый..." Перевод А. Гелескула

Волна, переплеск зеленый,
Ты раковины витой

Уходишь в морское лоно,
Клонясь, как над пустотой.
Зачем же ты в хаос древний,
Где нет ни добра, ни зла,
Несла свою смерть на гребне
И сердце не унесла?
Так долго оно сгорало,
Что я от него устал.
Неси его в гул хорала,
С которым уходит вал!

"Горы - и столько покоя над ними..." Перевод А. Гелескула

Горы - и столько покоя над ними,
Если они далеко.
Свыклась душа моя с мыслью о схиме,
Но принимать нелегко.
Будь я иным - верно, было б иначе.
С этим я жизнь и пройду.
Словно глаза поднимаю незряче
На незнакомых в саду.
Кто там? Не знаю. Но веет от сада
Миром, которого нет.
И отвожу, не сводя с нее взгляда,
Книгу, где канул ответ.

"Отринул я грехи былой судьбы..." Перевод С. Александровского

Отринул я грехи былой судьбы,
Отринул я грехи былой мечты.
Настал мой час - и отлетел, дабы
Я в счастье не изведаль полноты.
Свое бывшее, словно груды хлама,
Отринул я, спеша по той дороге,
Где остановка - маленькая драма,
Где спутник - отступление в монологе.
Отринул я бесцельное бывшее
Как будто путешествовал в плаще,
И скинул плащ на беспощадном зное,
И бросил, чтобы не влачить вотще.

"Хочу заснуть. Зову ли смерть со стоном..." Перевод М. Березкиной

Хочу заснуть. Зову ли смерть со стоном,
И какова она?
Но будь судьба хоть верой, хоть законом,

Она мне не страшна.
Хочу лугам оставить отдаленным
Свою земную суть,
Безмолвным беспредельностям зеленым
Любовь мою вернуть.
Хочу я жизнь создать в воображение,
Похожую на бред,
И промотать ее без сожаленья
В мечтах, где боли нет.
Хочу я все разрушить во вселенной
И, подводя итог,
Разрозненное сочленить мгновенно
С тем, что являет рок.
Хочу я быть в грядущем коронован
Король небытия,
Где мой неколебимый трон основан,
Где скипетр - жизнь моя.

"Я знаю, южнее полуденной дали..." Перевод М. Березкиной

Я знаю, южнее полуденной дали
Лежат неизведанные острова.
Пейзажей таких на земле не видали,
Там бархатным тканям подобна трава.
Я знаю, деревья, что смотрятся в море,
Кораллы и горы - той жизни черты
Как отсвет любви в угасающем взоре,
Как преображение вечерней мечты.
Я знаю, там ветви висят онемело,
Но ветер пронесся, слегка их задев.
И мысль дуновеньем ко мне прилетела:
Любовь - это ветра немолчный напев.
Да, знаю я, отсвет прекрасный и зримый
Немыслимый, призрачный сон наяву. .
Он есть, он имеет предел ощутимый,
Он брезжит во мне, оттого я живу.
Да, знаю, я знаю все это, и даже,
Что все невозможное - именно там.
Мне видится свет, что рисует пейзажи,
И по морю путь к этим дивным местам.

"Лазурен, изумруден и лилов..." Перевод Е. Витковского

Лазурен, изумруден и лилов
В закатный час, в багряности сусальной,
О море, твой изменчивый покров,
Порою - взвихренный, порой - зеркальный;
В годину старости печальной

Зову тебя в душе, простор морской,
Пусть нет к тому причины никакой.
Для капитанов и для моряков
Один причал в воде глубин стоячей,
Где спят они, наперсники веков,
Забвения и горькой неудачи.
Лишь для немногих все иначе,
Когда взнесет валы простор морской
И прогремит о них за упокой.
Я грежу... Море - попросту вода,
Окованная сумрачным экстазом,
Он, как стихи, приходит иногда,
Уходит вновь, послушен лунным фазам.
Но если слушать - с каждым разом
Бормочет все ясней прибой морской:
Он лишь отлива жаждет день-деньской.
Что есть душа? Чему она дана,
Дана ли вообще, по крайней мере?
Тревожна мысль, но истина темна.
В пустой простор отворены ли двери?
О греза, дай прийти мне к вере,
Что если не внимать волне морской,
То к сердцу снидут благость и покой.
Вы, капитаны пролетевших лет,
Вы, боцманы, - к которой смутной цели,
Мелодии неведомой вослед
Сквозь океаны кочевать посмели?
Быть может, вам сирены пели,
Но встречи не судил простор морской
С сиренами - лишь с песней колдовской.
Кто посылал вам из-за моря весть,
Тот все предвидел, несомненно зная,
Что не один лишь зов богатства есть
Для вас и не одна алчба земная,
Но жажда есть еще иная
Желанье вслушаться в простор морской
И вознестись над суетой мирской.
Но если истину проведал я,
Что суть одна и в вас и в океане,
И мысль о вас - превыше бытия,
А за пределом самой тайной грани
Душа, которую заране
Вместить не в силах весь простор морской,
К чему томлюсь сомненьем и тоской?
Пусть в аргонавта превратится дух,
Пусть ноше древней я подставлю плечи
И песне прежней мой внимает слух,
Пусть донесутся звуки издалече
Старинной португальской речи,
Ее от века слышит род людской
В извечном шорохе волны морской!

"Чуть брезжит в предвесье рассвета..." Перевод М. Березкиной

Чуть брезжит в предвесье рассвета
У самой небесной кромки,
Окрашенной негустой,
Редющей чернотой,
Мерцанье студеного цвета,
Рассеявшее потемки.
Где сумрак пепельно-синий
Разлился по небу незримо,
Окутала вялая дрема
Восточный край окоема.
Безветрие утренней стыни
В пространстве едва ощутимо.
Но я в полудреме неверной
Не чувствую утренней дрожи,
Зари не жду приближенья
В пустыне уединенья,
Лишь чувствую, как безмерна
Душа, пустынная тоже.
Напрасно рассвет наступает,
Ведь ночь провожу без сна я,
Как те, в ком сердца глубины
Не истиной живы единой,
В ком жизнь себя отрицает,
Кто любит, любви не зная.
Напрасно небо, напрасно
Сквозит бирюзой ледяной,
Пепельно-зеленоватой.
Каким же чувством объята
Душа, что ко мне безучастна,
Ночью смертельно больной?

"Я слушал мудрецов ученый спор..." Перевод С. Александровского

Я слушал мудрецов ученый спор,
Я опровергнуть мог весь этот вздор,
Но предпочел вино в тени пригубить
И молча слушать чуждый разговор.
Правитель правит, потому что он,
Худой ли, добрый, править вознесен.
Как мы велики в час благоприятный
И как смиренны, покидая трон.
Зачем нужны величие и власть?
Владыку тоже доведется класть
Во гроб - и век людской совсем недолог,
И бедность - быстротечная напасть.

Совет. Перевод Е. Витковского

То, что видишь во сне, окружи частоколом,
Сад устрой, оборудуй дорожки к жилью,
А затем, возле самых ворот, впереди,
Посади и цветы - пусть по краскам веселым
Опознают зеваки усадьбу твою.
Там, где зрителей нет, ничего не сади.
Делай клумбы у входа как можно богаче,
На парадный фасад не жалей красоты,
За порядком приглядывай ночью и днем.
Но на заднем дворе все да будет иначе:
Пусть покроют его полевые цветы
И простая трава разрастется на нем.
Защитись от реальности жизнью двойною,
Не давай покушаться на тайны твои,
Ни морщинкой не выдай на гордом челе,
Что душа твоя - сад за высокой стеною,
Но такой, где одни сорняки да репы
И сухие былинки на скудной земле.

"В расплесканной пучине злата..." Перевод Е. Витковского

В расплесканной пучине злата,
В предошущенье мертвой мглы,
В непрошеном огне заката
И золоте золы,
В разливе зелени безгласной,
В золотоносной тишине
Я помню. Ты была прекрасна,
Ты все еще во мне.
Перед разлукой неизбежной
Лицо еще хоть раз яви!
Ты - словно ветерок прибрежный,
Ты - слезы о любви.
Непостижимая утрата,
Где сновиденье вторглось в явь.
Но все небывшее когда-то
На память мне оставь:
Любви не преступлю запрета,
Я знаю, мыслью ни одной
Но да не снидет час рассвета
К томленью тьмы ночной.

"Системы, идеалы, мифы, сны..." Перевод Е. Витковского

Системы, идеалы, мифы, сны
Щербинки на поверхности волны
Здесь, под причалом, - как клочки бумаги,
Судьбой врученные тяжелой влаге;
Гляжу на них, гляжу со стороны
Глазами равнодушного бродяги.
Я нахожу в них радость и ответ
На множество болезненных сомнений,
И это я, за столько долгих лет
Обретший только тени, только тени,
Уставший от надежд, и от сует,
И даже от богов, которых нет!

"Ничего не свершив и не зная труда..." Перевод М. Березкиной

Ничего не свершив и не зная труда,
Только грезил бездумно и вяло.
Видел, дни мои мимо текли в никуда
И усталость во мне нарастала.
Юность длилась и длилась, себя пережив,
Пережив, все же двигалась дальше.
Слабый голос надежды был скучен и лжив,
Даже юность устала от фальши.
Бесполезных часов неизбежен полет,
Дней пустых бесконечно скольжение.
Так хоть раз опоздавший всегда отстает,
Так ленивый лежит без движенья.
Суть моя неподвижно бредет стороной,
Видит: я прозябаю без цели.
Вечер скуку зеленую льет надо мной,
Чьи желанья давно оскудели.
Как забытые морем на суше суда,
Жизнь ненужная, полупустая.
Без надежды позвольте уснуть навсегда,
Лучшей книги вовек не читая!

"Ветшает жизнь - покинутая шхуна..." Перевод А. Гелескула

Ветшает жизнь - покинутая шхуна
В пустом порту, где бьет ее волна.
Когда же прочь от мутного буруна
Уйдет она, с судьбой обручена?
Кто окрылил бы плеском полотна
Ее снастей оборванные струны
И той дорогой вывел из лагуны,
Где ждет заря, свежа и солона?
Но зыбь тоски защелкнула капканом
Плавучий гроб покоящихся сил

И никого, кто б мертвых воскресил.
Не слышно ветра в такелаже рваном,
В зеленый тлен засасывает ил,
А милая земля - за океаном.

"Коль не слетит весна к душе сновидца..." Перевод Е. Витковского

Коль не слетит весна к душе сновидца
В своем сиянье вечном,
То где ему, на чем остановиться
В скитанье бесконечном?
Коль дерево цвести весной не станет,
Виденьям вверясь темным
То чем природа мысль мою поманит
К свершеньям самым скромным?
Нет: пусть легчайший ветер с бескорыстьем
Слетит к деревьям сада,
Пусть ласково прошелестит по листьям
Вот вся моя отрада.

Наша новая держава. Перевод Е. Витковского

Это - Новая Держава,
Будь, о Нация, горда:
Раз Держава - значит, слава
Ждет тебя, а ты об этом
Не мечтала никогда!
Всюду радостей навалом.
Каждый счастлив быть готов
В упоенье небывалом,
Радость столь же вездесуща,
Как, допустим, Саваоф.
Есть дороги, но при этом
Есть еще и Главный Путь,
Обеспеченный бюджетом
И в грядущее ведущий:
Только как с него свернуть?
Порт, и пристань, и так далее
Перечислить нелегко.
Впрочем, судна "Португалия"
Не видать: оно утопло
Далеко и глубоко.
Есть отряды... Не возропщем
И признаемся смелей:
Не совсем отряды... В общем
Это, стало быть, название
Полицейских патрулей.
Зависть, злоба - с буквы строчной:

Убедим весь белый свет,
Что скорбеть - неправомерно!
Есть Союз Единства Нации,
Жаль, как раз единства нет.
А Империя? Дорогу
Пролагает большинство
Христианству, значит - Богу,
Это делается мягко,
Знать бы только для чего.
О, счастливые години!
Совладавши с косной тьмой,
Аполлон и Марс едины,
Правя сценою Театра
(Раньше он служил тюрьмой).
К Вере путь тяжел и долог;
Нынче вряд ли кто поймет
Где священник, где теолог.
На Брехне Вранье женато,
Нет надежды на развод.
Нас Всевышний не осудит,
Наши помыслы чисты!
Сплетня, что жратвы не будет.
Эскапизм! Возвеселимся!
Нынче - на обед мечты!

Антонио де Оливейра Салазар. Перевод Е. Витковского

Антонио де Оливейра Салазар.
Три имени - божий дар.
Антонио, правда, всего лишь Антонио.
Оливейра, ясно, большая олива.
Салазар - фамилия, отвлеченный предмет.
Положенье, казалось бы, равное.
Но то, в чем значения нет,
Имеет значение главное.

...

Ох, господин Салазар-то!
Весь из сала да из азарта.
Если сало кто-нибудь съест
Или останется слишком мало
Сала,
То, кроме азарта,
Ни навара, ни фарта.
Черт побери!
Сало кто-то уплел, да в один присест..

...

Пропусти стаканчик,
Бедный наш тиранчик!
Тиранчик пить не хочет,
Он только зубы точит.
Он, как воду,
Пьет свободу,
Он терзаем жаждой!
Так, что на базаре
Прячет свой товар торговец каждый.
Сущий болванчик
Наш тиранчик!
Мой-то братанчик
Выслан на гвинейские берега.
Все расчеты с крестным моим папашей
В Лимоейро, обители нашей,
Тут, рядом, за углом.
Известно лишь то, что сидит поделом.
Но мы начеку!
Достоверное произреку:
Будет чем утешиться
На нашем веку.
Ведь наш болванчик,
То бишь наш тиранчик,
Не то что не выпьет вина стаканчик,
Он не пьет ни чайку,
Ни кофейку!

ФЕРНАНДО ПЕССОА
Перевод с английского

ИЗ СБОРНИКА "35 СОНЕТОВ"
Перевод Е. Витковского

1. "Ни взгляд, ни разговор, ни письма..."

Ни взгляд, ни разговор, ни письма
Нас передать не могут. Наша суть
Не может в книгу быть заключена.
Душа к душе найти не в силах путь.
Бессмысленно желанье: без конца
Пытаться о себе сплести рассказ.
Как прежде, связи лишены сердца,
И сущности души не видит глаз.
Меж душами не создадут моста
Ни колкость, ни софизм, ни каламбур,
Передавая мысль, солгут уста,
Рассудок слаб и косен чересчур.
Меж душами не создадут моста

Ни колкость, ни софизм, ни каламбур,
Передавая мысль, солгут уста,
Рассудок слаб и косен чересчур.
Мы - сновиденья, зримые душой,
И непостижен сон души чужой.

2. "Когда б не плотским оком обозреть..."

Когда б не плотским оком обозреть
Живую долю прелести земной.
Я полагаю, блага жизни впредь
Предстанут только ширмой расписной.
Непреходящих форм в природе нет,
Непостижима Истина извне.
Возможно, мир - всего лишь странный бред,
Глазам закрытым явленный во сне.
Где жизни подтверждение? Нигде.
Все - лишь обманный сумрак бытия,
И ложь сравнения - в ее вреде
Сомнений нет. И ощущаю я
Лишь тело, что погрязло в маете,
И ненависть души к своей мечте.

9. "Бездействие, возвышенный удел!.."

Бездействие, возвышенный удел!
Бездействую, сгорая со стыда.
Сколь сильно бы трудиться ни хотел
Не приступаю к делу никогда.
Как лютый зверь, забравшийся в нору,
Бездействием томлюсь, оцепенев:
Впадаю в безысходную хандру
И на нее же низвергаю гнев.
Так путнику не выйти из песка,
Из ласковых, предательских зыбей:
Вотще за воздух держится рука,
Она слаба, а мысль еще слабей.
Иной судьбы не знаю искони:
Средь мертвых дел за днями длятся дни.

11. "Людские души - те же корабли..."

Людские души - те же корабли,
Скользящие по вспененным волнам.
Мы тем верней доходим до земли,
Чем больше тягот выпадает нам.

И если шторм в безумье одичал
Грохочет сердце, наполняя грудь.
Чем с каждым часом далее отчал,
Тем ближе порт, куда нацелен путь.
Мы пожинаем знание с лихвой,
Там, где лишь смерть маячила сперва.
Нам ведомо - за бездной штормовой
Встает небес далеких синева.
Черед за малым: чтоб от слов людских
Меняли путь громады волн морских.

14. "Родясь в ночи, до утра гибнем мы..."

Родясь в ночи, до утра гибнем мы,
Один лишь мрак успев познать вполне.
Откуда же у нас, питомцев тьмы,
Берется мысль о лучезарном дне?
Да, это звезд слепые огоньки
Наводят нас на чуть заметный след,
Сквозь маску ночи смотрят их зрачки,
Сказать не в силах, что такое свет.
Зачем такую крохотную весть
Во искушение небо нам дало?
Зачем всегда должны мы предпочесть
Большому небу - то, что так мало?
Длиннеет ночь, рассудок наш дразня,
И в темноте смутнеет образ дня.

22. "Моя душа - египтян череда..."

Моя душа - египтян череда,
Блюдущая неведомый устав.
Кто сделал эту роспись и когда,
Сработал склеп, поставил кенотаф?
Но что б ни значил этот ритуал,
Он, несомненно, вдвое старше тех,
Кто на Земле близ Господа стоял,
Кто в знанье видел величайший грех.
Я действо древнее хочу порой
Постичь сквозь вековую немоту
Но вижу лишь людей застывший строй
И смысла ни на миг не обрету.
И память столь же бесполезна мне,
Как лицезренье фрески на стене.

28. "Шипит волна, в пути меняя цвет..."

Шипит волна, в пути меняя цвет,
Чтоб пеной стать и на песке осесть.
Не может быть, чтоб это не был бред,
Но где-то есть же то, что все же есть!
Лазурь - и в глубине и в вышине,
Которую в душе боготворим,
Лишь странный образ, явленный извне:
Он невозможен, потому что зрим.
Хоть жаль почесть реальностью пустой
Весь этот яркий, грубо-вещный сон,
Я пью мечту - магический настой:
Пусть к истине меня приблизит он.
И отметаю, горечь затая,
Всеобщий сон людского бытия.

31. "Я старше времени во много раз..."

Я старше времени во много раз,
Взрослей во много раз, чем мир земной.
Я позабыл о родине сейчас,
Но родина по-прежнему со мной.
Как часто посреди земных забот
И суеты - случайно, на бегу
Передо мною образ предстает
Страны, которой вспомнить не могу.
Мечты ребячьей свет и тяжкий груз,
Его не отмету, покуда жив:
Все обретает струй летейских вкус,
И целый мир становится фальшив.
Надежды нет, меня объемлет мрак
Но что, как не надежда, мой маяк?

Антиной. Перевод В. Топорова

Как дождь, душа дрожала Адриана.
Был отрок тих
В испарине последнего тумана,
И зренье Адриана страх постиг
Затмением смерти, павшим в этот миг.
Был отрок тих, во мрак свернулся свет
И дождь долбил и был как скверный бред
Убийцы - перепуганной Природы.
Прошло очарованье прежних лет,
Врата восторга затворили входы.
О руки, к Адриановым рукам
Тянувшиеся, - сколь сегодня стылы!

О волосы, привычные к венкам!
О взор, своей не ведающий силы!
О тело - то ли девы, то ли нет,
Божественный посул земного счастья!
О губы, чей вишневый вешний цвет
Таил секрет любви и сладострастья!
Перстов неопиcуемый язык!
И влажный зов, каким звучал язык!
И полная победа совершенства
В самодержавном скипетре блаженства!
Отныне все - тоска, туман, обман
И небыль. Дождь стихает. Адриан
Склоняется над телом. Горе гневно:
Нам жизнь даруют боги - и берут,
И красоту, создав ее, крадут,
Но самый плач щемит в груди плачевно:
Объемлет стон грядущие века,
И боль в душе настолько велика,
Что нас не оставляет повседневно.
Он мертв и не вернется никогда.
Сама Венера, зная Антиноя
И зная - он погублен навсегда,
Былые по Адонису печали
Смещала с Адриановой тоскою.
Но все слова любви бессильны стали.
И Аполлон поник, когда объяли
Уж не само ль объятье? - холода.
Соски его двуглавою горою
Лобзаний позабудут горный снег,
Застынет кровь в теснине прежних нег,
Твердыня страсти станет грудой льда.
Тепло не ощутит тепла другого
И руки на затылке не скрестит,
Когда, навскрыт распахнут и раскрыт,
Всем телом ждешь касания чужого.
Дождь падает, а отрок возлежит,
Как будто позабыв уроки страсти,
Но ожидая: обожжет она
Внезапным возвращеньем. Надлежит
Былому жару быть у льда во власти.
Не плоть, а пепел; смерть сильнее сна.
Как быть отныне с жизнью Адриану?
С империей? Чем горе превозмочь?
Кому запеть блаженную осанну?
Настала ночь
И новых нег не чаешь и невмочь.
Ночь вдовствует на ложе одиноком,
Сиротствует не ждущий ночи день,
Уста сомкнулись, только ненароком
На миг окликнув на пути далеком
В объятья смерти схваченную тень.
Блуждают руки, радость уронив.

Дождь кончился, не ведаешь, давно ли,
В нагое тело тусклый взор вперив.
Лежит он, наготу полуприкрыв
Движеньем сладострастья, а не боли.
Он, возбуждавший страсть и поневоле,
Любое пресыщенье претворив
В любовный нескончаемый порыв.
Его уста и руки поспешали,
Куда едва за ним ты поспевал.
Казалось: он тебя опустошал.
Усталости не ведая, печали
И чувства. Он тебя околдовал,
И наставлял карнальный карнавал,
Взывая окончаньем о начале.
"Любовь моя как пленница была
И в муках отдавалась и брала,
И боль свила гнездо в ее глубинах.
Тебя похоронил великий Нил
И выдал нам - и смерть зажала в львиных
Объятиях превыше наших сил".
И с этой мыслью страсть его (а страсть
Всего лишь память о страстях минувших)
Очнулась победительно в уснувших
Бессильно чреслах и выиграла всласть.
Мертвец восстал, и ожил, и, все ближе,
Все ближе подходя, манил на ложе
И смертью не смиренная рука
Проведала все подступы и входы
Туда, где плоть не ведает свободы,
Нежна, неосязаемо легка...
Парфянцы, вы жестоки и бесстыжи!
И вот припал к влюбленному влюбленный,
И оба стали стылы и мертвы
В слиянности, столь неопределенной,
Что каждый поцелуй их воспаленный
Был ледяным ожогом, и, увы,
Как тени были оба, как волхвы,
Как дух живой и дух непогребенный
Был каждый - и витал речной травы
Вкус на устах, ленивой и зеленой.
Туман или иная пелена,
Меж Антиноем пав и Адрианом,
Дышать им не давали. И, влажна,
Скользила по округлостям желанным
Рука, в них вызвать пламя не вольна;
Бог умер, бог казался деревянным!
Он взор воздел и руку в небеса,
Но боги были символ безучастья,
Иль их неразличимы голоса.
Бессмертные! Свою отрину власть я!
В пустыню я навеки удалюсь,
Меж варваров простым рабом представлюсь,

Лишь с отроком, прошу вас, не прощусь,
Покуда сам покойно не преставлюсь.
Податливую женственность земли
Избудьте, не изведав сожаленья.
Но ты, Юпитер, внемлющий вдали,
Ты, юноше отдавший предпочтенье
Пред девою, во имя восполненья
Того, чем губы Гебы не могли
Откликнуться желаньям в исполнении,
Отринь, отец богов, бездушный прах
Постылой женской плоти - ив мирах
Восставь, поставь над ними Ганимеда!
Иль сжал уже в завистливых руках
Ты Антиноя? В том твоя победа?
Котенком он играл с мужским желаньем
И с отроческим - то их сочетая,
То чередуя, - и игра такая,
Где промедленье сходно с обладаньем,
Где загляденье слитно с упоеньем,
Неведение чревато нападеньем,
Разнузданность лукава обузданьем,
Игра - игрой, волнение - волненьем,
Часам давала волю, как мгновеньям,
И сочетала малость с мирозданьем.
Часы струились из сплетенных рук,
Лобзаньям срока не было - и пыткам:
Бил в пальцах вечный ключ то нег, то мук,
То чашей были губы, то напитком,
То был туманен, то был чуток взор,
То чудились призывы, то отпор,
То был листом распластным, то свитком.
Богослуженьем их любовь была
И боговоплощеньем это было:
Над алтарем порой витала мгла,
Порой светило страсти восходило
И матовая мраморность царила
Богов в пылу, спалившем их дотла.
Он был Венерой, вышедшей из пены,
И Аполлоном юно-золотым.
Юпитером на троне восседал он
Влюбленный раб склонялся перед ним.
И Вакхом победительно ступал он
В предел мистериально-сокровенный.
Он был плебеем, подлым и больным,
В уничижение высшего величья.
Все, что угодно, лишь не безразличье!
Но безразличье овладело им.
И Адриан блуждает, как в тумане,
По лабиринту боли и любви.
Одолевают не воспоминанья,
А привиденья, образ потеряв.
То рядом Антиной - лишь позови,

То изнываешь, пустоту обняв.
Дождь зарядил с болезнетворной силой,
И сырость загустела, как тоска.
И Адриан на свой альков унылый
Взглянул, как сквозь века, издавека.
Увидел тело тихое на ложе,
Себя в слезах над ним увидел тоже
И в мыслях, не отличных от скорбей,
Промолвил приговор души своей:
"Я статую воздвигну на века
Свидетельством незыблемым тому,
Каков он был, каким сошел во тьму.
Такой красе и вечность коротка.
Божественности подлинную суть
Она вдохнуть умела мне во грудь,
И если смерть и жизнь и страсть затмила,
Ваятель одолеет естество
И возвратит потомкам божество
Из глубины веков и Нила.
И статую я эту вознесу
На высоту невиданной колонны,
Чтоб времени завистливые стоны
Не посягнули на ее красу
Чредой сражений и землетрясений.
Рок не таков! Богами правит рок,
Рукою рока часто служит бог,
И роковых страшится сам гонений,
Ни бог, ни рок не смеет в здешний срок
Сразить уже сраженный ими гений.
Из прошлого в грядущие века
Мост нашей страсти белый перекинем.
Как Рим над миром, в вечности застынем.
Чтобы потомок понял: высока
Любовь и бесконечна в небе синем.
Но подлинной тоски не передашь...
Ты - обонянья розовая дрожь.
С зеленым лавром ты безмерно схож
И с пламенем любви из винных чаш.
Воистину алтарь повержен наш,
И ты меня из бездны упрекнешь,
Мол, пыл бессилен и напрасен раж
И ничего из мрака не вернешь,
А может, головы не повернешь,
А может, возвратишься, как мираж,
И боль мою, кровавую, как нож,
Глухим ножнам отчаянья предашь".
Как тщетно ожидающий свиданья,
По анфиладам собственной души
Он мечется - то полон упованья,
То ужаса - и муки хороши,
Чтоб время скоротать в такой тиши.
Там, где сошлись любовь и смерть, - туман.

Там, где в любовь проникла смерть, - неясность
Опасность превратилась в безопасность,
А безопасность - в морок и обман,
И пустоты прекрасный истукан
Вдохнул огонь в минутную безгласность.
"Мне твой удел внушил иную страсть
По вечности великую печаль:
Достойна ль императорская власть
Державного стремленья ввысь и вдаль
Туда, где боги, жизни не поправ,
Но подлинную жизнь даруя ей,
Тебя скрывают в вечности своей
Еще прекрасней, но не столь желанным,
Как некогда любим был Адрианом,
И ждет забвенье всех земных забав?
Любимый мой, любимый мой, ты - бог!
Ты бог уже - так я велю и жажду!
Не жажду, не велю, а вижу - в срок,
Отмеренный богами, нашу жажду
Любви переливающими в чаши,
Где пламенем горят желанья наши,
Где жизнь - не только в жизнь заточена,
И чувство не повязано на чувство,
Где и желанье - только лишь искусство
Желать того, чем боль обделена,
Иначе бы звалась она блаженством.
Ты на Олимпе - и завершена
Земная жизнь небесным совершенством.
Душа моя, как птица, запоеет.
Надежда к ней направится с небес
С известием: зла не содеял тот,
Кто вовсе не попал в водоворот,
А лишь в бессмертье собственном исчез.
Любимый мой! Мой бог! О, дай прильнуть
К твоим остывшим мертвенно устам.
Они как пламя в вечности. Ведь там
Земную смерть дано перечеркнуть.
Не будь Олимпа, я б его сложил
По камушку - и там тебе служил
Единственному богу и один
Превыше всех заоблачных вершин.
Божествен был тогда бы космос наш
Любви и поклоненья. Мир вдвоем
И вечность бесконечная кругом,
И прошлое - лишь призрачный мираж...
Но вся твоя божественная сила
Есть плоть твоя, изваянная мной,
И если плоть победно покорила
И если победила мир земной,
То страсть моя была тому виной
Та страсть, что вознесла тебя превыше
Затмения, и забвения, и затишья,

Из праха вырвав горькою ценой.
Полки молитв моих полны тобой:
Не ты, а мощь их - вот что небу мило.
Создатель твой, а не любовник твой,
Созданье я любил, а не находку
Любил твой облик и твою походку,
Тебя любил, но более - себя,
И, возроптав, склоняюсь все же кротко
Пред тою, что и губит не губя.
Любимый мой, любимый мой! На Небо
Моей великой властью вознесен
Там кравчий Ганимед, там он и Геба
Поникнут пред тобой! Но будь влюблен
В божественной телесности отныне
И в тех, кого найдешь в небесной сини,
В старейших небожителей... Не там,
А здесь тебе воздвигнут будет храм!
Но истинно бессмертным изваяньем
Не мрамор станет или же гранит,
А боль моя, которая кричит,
Проникнувшись неслыханным страданьем,
Кричит, чтоб стать всеобщим достояньем.
Пусть боль моя и память о былом
Предстанут обнаженным божеством
Над Времени великим океаном.
Одни сочтут такое горе странным,
Другие - непростительным грехом,
И, красоту земную ненавидя,
Рванутся в оскорбленье и в обиде
С холодным оскотительным ножом
К тому, в ком подражателя найдем,
Но весь Восток Любви своим восходом
Сиять во мраке будет год за годом,
И боги снидут в мир, как мы вдвоем.
Не ты один поник, а мы с тобой.
Любовь образовала двуединство
И в узел плоть стянула - столь тугой,
Что жизнь стряхнула пошлое бесчинство,
Божественной омывшись чистотой,
Не признавая никакой другой.
Но не душой - глазами смотрят люди,
Лишь мрамор им внушает мысль о чуде,
Тогда как плоть - лишь трепет вожделья,
Поэтому во мрамор облеку
Мою невыразимую тоску,
Печаль утраты, тяжесть сожаленья.
Столь много было на моем веку
Достойного любви и поклоненья,
Что зов фанфар услышат поколенья,
Зов от материка к материку;
Любовь и боль - цепи единой звенья,
Свет вечности - не ровня светлячку.

Двойным напоминаньем мы застынем;
Обнявшись, мы друг друга не покинем,
Хоть не в прикосновенье суть любви.
Нас видеть будут люди, будут боги,
Века на нескончаемой дороге
Узнают очертания твои.
Ты Золотого века будешь эхо,
Его возврата будешь знак и вежа.
Дни кончатся, Юпитер вновь родится
И кравчим станет снова Ганимед
Но наш союз, взаимный наш обет
В мирах превыше сроков укрепит
Дано любви продлиться,
И даже если сгинет белый свет
И станут прахом мрамор и гранит,
Над прахом будет веять вышний свет,
И небо наши тени сохранит,
И все, что было с нами, повторится".
Дождь не кончался. Наступала тьма,
Любому чувству веки опуская
И самый ум души сводя с ума.
Ночь наставала, длилась, наставая.
Забылся Адриан, уже не зная,
Не понимая, где он и зачем,
И голос скорби стал не глух, а нем,
Все отошло, ушло, свернулось в свиток,
Дрожа вдали, как круглая луна,
Когда ущербом кажется избыток...
Бесчувственна была и холодна
Рука, надбровья пальцами терзая.
Глаза закрыты были. И, теряя
Связь с явью, силуэты полусна
Струились. Он хрипел и, значит, жил.
И ветер оглашал потемки воем,
И душу он вытягивал из жил.
Спал император.
Боги, он забыл!
Берите же порывом мощных крыл
Блаженный груз, проникнутый покоем.

АЛБЕРТО КАЭЙРО

ПАСТУХ

"В жизни ни разу не пас я стада..." Перевод Ю. Левитанского

В жизни ни разу не пас я стада.
А все мне кажется - пас когда-то.
Моя душа, как пастух прилежный,

Близко знакома с солнцем и ветром
И, подчиняясь времени года,
Бродит, вдаль напряженно глядя.
Мир безлюдной этой природы
Со мной в согласии пребывает.
Лишь позже я становлюсь печальным,
Когда солнце, как кажется нам, уходит,
И тянет холодом из долины,
И ночь наступающая влетает,
Словно бабочка, к нам в окошко.
Впрочем, печаль моя, она спокойна,
Ибо естественна в своей сути
Лишь ею и должно наполнить душу,
Когда ухе знаешь о ней, и руки
Обрывают цветы, хотя ей об этом
Ни за что на свете не догадаться.
От звона бубенчиков, зазвеневших
Где-то за поворотом дороги,
Вмиг благодать на меня нисходит.
Одно только жаль - что я о ней знаю,
Потому что, когда б я о ней не ведал,
Мои мысли, полные благодати,
Отзывались бы радостью, а не грустью.
Беспокойные мысли - они как дорога,
На которой все время и дождь и ветер.
У меня ни стремлений нет, ни желаний.
И не в том моя цель, чтобы быть поэтом.
Это просто мой способ быть одиноким.
Ну, а если мне хочется временами
На мгновенье представить себя барашком
(Или даже целым огромным стадом,
На заре рассыпавшимся по склону,
Или тысячью разных вещей счастливых)
Это лишь оттого, что я сам ощущаю
Все, о чем я пишу на закате или
Когда туча свет прикрывает лапой
И по траве пробегает молчанье.
Когда я сию, стихи сочиняя,
Или тихо по горной бреду тропинке
И пишу стихи свои на бумаге,
Воображаемой лишь условно,
Я ощущаю в руках своих посох
И вижу свой силуэт, одиноко
Маячащий где-нибудь на вершине.
Когда я поглядываю на стадо,
Я вижу собственные свои мысли,
А когда я заглядываю в свои мысли,
Я вижу стадо свое и смутно
Тогда улыбаюсь, как тот, кто смысла
Собственной речи не понимает,
А лишь притворяется, что понимает.
Приветствую всех, кто меня читает.

Я молча снимаю пред ними шляпу,
Когда по дороге ползет телега
И они замечают меня у двери.
Я приветствую их, я желаю им солнца,
А также дождя, когда дождь им нужен,
А также чтоб возле окна в их доме
Всегда стоял бы их стул любимый,
На котором они, удобно усевшись,
Под вечер стихи бы мои читали.
И чтобы, читая стихи, считали,
Что я тоже некая часть природы,
Вроде старого дерева, под которым
В своем давнем детстве, уже забытом;
Наигравшись вдоволь, они сидели,
Утирая лоб свой разгоряченный
Рукавом полосатой своей рубашки.

"Из моей деревни глазу открывается такой простор..." Перевод М. Березкиной

Из моей деревни глазу открывается такой простор,
словно из вселенной.
А раз так, то моя деревня не меньше целой страны,
Значит, и я столь же велик, как то, что мне видно,
А не такой, как на самом деле...
Просто в городе жизнь ростом поменьше,
Чем в моем доме, что стоит на юру.
Здания в городе запирают нам глаза на ключ,
Скрывают горизонт, застыт небо,
Отнимают у нас то, что дают нам глаза,
И мы уменьшаемся и беднеем, потому что видеть
это наш единственный дар.

"В тусклом свете сумерек..." Перевод М. Березкин

В тусклом свете сумерек
Поля за окном.
Я читаю до потемнения в глазах
Книгу стихов Сезарио Верде.
Что за горе! Он, бывший крестьянин,
Стал узником города, чья тюрьма - свобода.
Он так вглядывался в каждую улицу,
В каждый дом,
Пытаясь постичь все, что вокруг,
Как глядят на деревья,
На тропу под ногами,
Как смотрят на полевые цветы.
Его душу терзала такая тоска,
Что и в словах не мог он излить.

Шел он по улице, как идут вдоль межи,
И грустил, будто сорвал цветок,
В книге засушил или в вазу поставил...

"Однажды в полдень, в день конца весны..." Перевод Ю. Левитанского

Однажды в полдень, в день конца весны,
Мне сон приснился - четкий, словно фото.
Я видел, как Христос сошел на землю.
Вновь став ребенком,
Он бежал с горы,
Бежал с горы, катился по траве
И рвал цветы, бросал их и смеялся
Был слышен его смех издалека.
Он убежал с небес.
Он слишком нашим был, чтоб притворяться
Второй персоной в Троице небесной.
Там, в небе, было все ненастоящим,
Так явно контрастируя с земными
Деревьями, цветами и камнями.
Там должно было быть ему серьезным,
И становиться взрослым то и дело,
И на кресте все время умирать,
Венец надев с колючими шипами,
С ногами, приколоченными крепко
Гвоздями, и с набедренной повязкой,
Какие встарь носили дикари.
И мать с отцом ему иметь не полагалось
Таких же, как у всех других детей.
Его отец в двух лицах был - старик
По имени Иосиф, был он плотник
И не был, в сущности, ему отцом;
Другой был просто голубем, к тому же
Весьма престранным голубем, настолько,
Что голубем, по сути, не был он.
А мать его - она и не познала
Любви пред тем, как в свет ему явиться.
Она была как бы лишь колыбелью,
В которой он спустился к нам с небес.
И что ж, они хотели, чтобы он,
Рожденный лишь от матери одной
И не имевший никогда отца,
Которого бы мог он полюбить,
Чтоб он носил с собою и в себе
Одну лишь доброту и справедливость!
Однажды, когда Бог-отец уснул,
А Дух Святой парил в небесной сини,
Из ящика чудес похитил он три чуда.
И первым сделал он, чтобы никто не
О том, что он навек покинул небо.

При помощи второго чуда стал он
Навечно человеком и ребенком.
А третьим чудом сотворил Христа,
Который на кресте пребудет вечно,
Там, в небесах, распятый на кресте,
Служа моделью для своих подобий.
Затем бегом пустился к солнцу
И по его лучу спустился наземь.
Теперь со мною он живет в моей деревне.
Отличный малый, и смешливый, и притом
Сама естественность. То бегаёт по лужам,
То рвет цветы, любуясь ими,
А то в осла запустит камнем.
Охотно рвет плоды в чужих садах
И от собаки удирает с криком.
Еще и за девицами не прочь
Побегать, хоть и знает, что они
Едва ли с одобреньем принимают
Забавы эти, важно проходя
С кувшинами на смуглых головах.
Он научил меня всему. Он научил
Меня внимательнее вглядываться в вещи.
Он показал мне все, что есть в цветах.
Он обратил мое внимание на изящность
Камней, когда в руках их держат люди
И не спеша разглядывают их.
Он очень странно говорит о Боге
Как о больном и о наивном старце,
Который произносит иногда
Такие речи, коих смысл неясен.
Он о Марии говорит - она
Дни вечности проводит за вязаньем.
А Дух Святой все чистит клювом перья,
И там, где он сидел, витает дух,
Одним лишь голубям, увы, присущий.
И все на небесах примерно так же,
Как в церкви католической земной.
Он говорит мне, что Господь едва ли
Все понимает в том, что сам когда-то
Он сотворил, - "хоть я и сомневаюсь,
Что это он-то сам и сотворил".
Вот, например, он говорит, что "все живое
Хвалу ему поет, - но ничего
Живое не поет, иначе были б
Певцами все живые существа.
Живое - оно просто существует,
И оттого зовут его живым".
Затем, устав от этих разговоров
О Господе престранных, засыпает
Мой мальчик Иисус, и я несу,
К своей груди прижав его, домой.

.....

Он в доме моем живет посреди холма.
Он - это Вечное Дитя, тот именно бог,
которого так нам недоставало.
Он - сама человечность, для которой
естественность - это суть.
Он - божество, которое к шалостям склонно
и улыбаться умеет.
Вот поэтому-то я и знаю точно,
Что именно он - настоящий маленький Иисус.
Этот ребенок, такой человеческий и потому
Божественный, всю повседневную жизнь поэта
Наполнил легко собою, и потому
Что он всегда и повсюду ходит со мною,
Я остаюсь поэтом всегда и везде.
Самый беглый мой взгляд
Наполняет меня ощущеньем,
И все тайные звуки
Адресуются именно мне.
Новый Ребенок, живущий там же, где я,
Простирает ко мне одну руку,
А другую протягивает всему остальному
Сущему в мире.
И так мы идем втроем по любой дороге,
Смеемся, поем и скачем,
Храня нашу тайну,
Которая состоит в максимальном знанье
Того, что в мире секретов не существует
И в мире достойно вниманья буквально все.
Вечный Ребенок пребывает всегда со мною.
И куда мне смотреть - указывает его палец.
И слух мой радостно внемлет каждому звуку
Это он, расшалившись, щекочет в моих ушах.
Нам так хорошо друг с другом
И со всем, что нас окружает,
Что мы никогда и не думаем друг о друге,
А просто вместе живем
И живем вдвоем
В полном согласье,
Как левая с правой рука.
В сумерки
Мы играем в пять камешков
На пороге нашего дома,
Неторопливо,
Как подобает поэту и богу,
Так, словно каждый камешек - это Вселенная,
И поэтому так опасно
Его уронить.
Потом я рассказываю ему истории о делах
человеческих,
И он улыбается, ибо трудно ему в них поверить.

Он смеется над королями, и не только над ними,
И печалится, слыша рассказы мои о войнах,
О торговле и о громоздких морских судах.
Потому что он знает, что во всем этом
нет той правды,
Которую в себе заключает цветок расцветший
И которая бродит повсюду с солнечным светом,
Что спокойно струится от побеленных стен.
Потом он засыпает. Осторожно
Прижав к груди, несу его домой,
Кладу в постель и раздеваю догола,
Над ним по-матерински наклоняясь,
Как бы верша священный ритуал.
Он спит в моей душе, там, в глубине,
А ночью просыпаясь, он играет
Моими снами, вертит как попало,
Переворачивает вверх ногами,
И перемешивает, как захочет,
И хлопает в ладоши, улыбаясь
Причудливости снов моих ночных.

.....

Когда умру, мой мальчик, пусть я стану
Ребенком малым. Ты меня прижми
К своей груди
И отнеси в свой дом.
Раздень мое земное существо
Усталое, и уложи в постель,
И расскажи мне парочку историй,
Когда проснусь, чтоб я уснул опять.
И дай мне сны свои, чтоб поиграть
Я ими мог, покуда день родится,
Покуда день придет,
Какой - ты знаешь.

.....

Вот такова история о нем,
О Мальчике моем, об Иисусе.
Так на каком разумном основанье
Не быть ей достоверней и правдивей,
Чем все, что нам философы твердят,
И все, чему религии нас учат?

"Четыре песни, что идут вслед за этой..." Перевод М. Березкиной

Четыре песни, что идут вслед за этой,
Не похожи на мои мысли.
Они лгут о моих чувствах,

В них я вывернут наизнанку.
Я был болен, когда их писал.
Они потому так естественны,
Что точно выражают все то, что я чувствовал,
И согласны с моим несогласием...
Когда я болен,
Мои мысли противоречат мне
(А. если нет, значит, я не болен),
И все чувства мои наизнанку,
Когда я болен.
Я вынужден лгать собственному естеству,
Способному чувствовать.
Все должно быть больным: мысли, чувства.
Я болею, чтобы были больны мои мысли и
чувства.
Вот почему эти песни-предатели
Не способны меня предать.
Они - пейзаж моей ночной души,
Все той же, только наизнанку.

"Что за обилие даров Земли на блюде!.." Перевод М. Березкиной

Что за обилие даров Земли на блюде!
Мои сестры - травы лугов
Подруги живых родников
Святые, хоть им и не молятся люди...
Срезают травы, подают к столу, забыв о чуде,
Гостям, что вваливаются в трактир,
С поклажей, с ворохом тюков,
"Неси, - кричат, - салат, закатим пир!",
Забыв, что требуют подать детей Земли,
Ее младенцев, первенцев,
Зеленые слова, что проросли,
Новорожденные создания,
Которые увидел Ной,
Когда схлынули воды потопа и обнажилась
вершина горы
Над зеленой затопленной землей,
Где белый голубь расправил крылья
И воздух радуги прочертили...

"Река Тежо лучше реки, что течет в моей деревне..." Перевод М. Березкиной

Река Тежо лучше реки, что течет в моей деревне,
Но все же она не лучше реки, что течет
в моей деревне,
Ведь Тежо не та река, что течет в моей деревне.
Как прежде, ходят по Тежо большие суда,

И хранит она память
О кораблях минувших времен
Для тех, кто видит то, чего нет.
Река Тежо течет из Испании,
Впадает в океан в Португалии.
Об этом знают все.
Но мало кто знает, какая река течет в моей деревне,
По каким краям она протекает,
Где ее исток.
У моей реки мало хозяев,
Потому она так велика и свободна.
Река Тежо уходит в огромный мир,
Где в дальней дали - Америка.
И где ждет удача счастливых.
Но никто не думает
О заповедном берегу моей реки.
Река деревни моей никуда не манит,
Кто стоит на ее берегу - тот всего лишь стоит
на ее берегу.

"Если б смог я вонзить зубы в землю..." Перевод М. Березкиной

Если б смог я вонзить зубы в землю
И ощутить вкус земли,
Я стал бы счастливее, хотя б на миг...
Но я не хочу быть счастливым всегда.
Время от времени нужно быть несчастным,
Чтоб оставаться самим собой.
Ведь не всякий день светит солнце.
И когда долго нет дождя, его призывают.
Вот почему я приемлю несчастье как счастье,
Как неизбежность.
Ведь не удивляет нас, что есть горы и долины,
Скалы и травы...
Нужно быть самим собой, быть спокойным
В счастье и в несчастье,
Чувствовать как видится,
Думать как дышится,
И когда придется умирать, вспомнить,
что и день умирает,
Что закат прекрасен и прекрасна ночь,
идущая следом...
Таков этот мир, пусть таким и останется...

"Мыльные пузыри, которые ребенок..." Перевод М. Березкиной

Мыльные пузыри, которые ребенок,
Забавляясь, пускает из соломинки,

Полупрозрачны, как любая философия,
Ясны, бескорыстны, уязвимы, как Природа.
И они друзья моих глаз.
Они - такие, как есть:
Явь округлая и воздушная.
И все, даже сам ребенок, который их выдувает,
Считают их лишь тем, чем они кажутся.
Мыльные пузыри едва различимы в лучистом воздухе,
Невесомы, как ветерок, что слегка задевает цветы,
Ведь мы ощущаем ветер лишь потому,
Что сами становимся легки и воздушны,
И обнажаются все наши чувства.

"Порою, при освещении ярком и точном..." Перевод Ю. Левитанского

Порою, при освещении ярком и точном,
Когда вещи до осязаемости реальны,
Я сам себя вопрошаю в недоуменье
Почему я вещам приписываю красоту?
Разве сам по себе цветок красотой обладает?
Разве плод обладает сам по себе красотой?
Нет, они только цвет имеют, имеют форму,
Да жизнь еще им дана - не более того.
Красота - лишь название чего-то, чего в природе
Не существует. Чем я наделяю предметы
В обмен на ту радость, что они доставляют мне.
Само же оно ничего не означает.
Почему ж я зову прекрасным то или то?
Да, даже меня, живущего так, как живется,
Касаются тоже все выдумки эти людские
О вещах,
О вещах, которые просто живут.
До чего же не просто оставаться самим собою
И видеть лишь то, что видно, - не более того!

"Вчера на закате один горожанин..." Перевод М. Березкиной

Вчера на закате один горожанин
Толковал с людьми у ворот
Нашего постоянного двора.
Толковал о справедливости и борьбе
за справедливость,
О рабочих, которые гнут спину с утра допоздна
И живут впроголодь весь свой век,
О богачах, которые поворачиваются к ним спиной.
Взглянув мне в глаза, он улыбнулся, довольный,
Что пронял меня до слез,
Внушив ненависть, которую испытывал,

И сострадание, которое якобы чувствовал...
(Я же слушал его вполуха:
Что мне за дело до тех несчастных,
Коль их страдания мнимы.
Будь они как я, они бы не мучились.
Все беды оттого, что мы заняты друг другом,
Творя либо добро, либо зло.
У нас есть душа, есть земля и небо
этого ль недостаточно?
А желать большего - значит терять,
что имеешь, и скорбеть об утрате.)
Горожанин толковал о любви к человеку,
А я все думал и думал о своем
(И, думая, не мог сдержать слез):
Бренчанье колокольцев с окрестных пастбищ
Врывалось в печальный благовест,
Что плыл из деревенской церквушки
И сзывал на вечернюю службу
Цветы, и ручьи, и простые души вроде меня.
(Благословен будь господь, что не сотворил
меня добрым.
Я живу по законам своего естества:
Ведь истинное назначение цветов - цвести,
А ручьев - струиться,
В этом и есть смысл и суть бытия.
Каждый живет лишь в той мере,
В какой исполняет свое предназначение,
Не размышляя, зачем оно, почему и для чего.)
И приезжий больше не говорил, только
смотрел на закат.
Но что до заката тому, в ком живы
ненависть и любовь?

"Порой на закате летнего дня..." Перевод М. Березкиной

Порой на закате летнего дня
И ветра вроде бы нет, а все кажется,
Будтодохнул мимолетный ветерок,
Но деревья стоят не шелохнувшись,
Лист листа не коснется,
Значит, мы попусту тешим себя
Обольстительным самообманом.
Ах, чувства-страдальцы, что видят и слышат!
Будь мы такими, как подобает,
Стали б мы обманывать самих себя
Просто жили бы себе и чувствовали,
А не размышляли всеу, для чего существуют чувства.
Возблагодарим всевышнего, что есть на свете
несовершенство.
Без него мир был бы неполон.

Без страдальцев неприкаянных и бродяг
Он показался бы пресным,
Из него исчезла бы человечность,
Будь он лишен изъяснов.
В мире должно быть разнообразие,
Чтобы было что слушать, чтоб было на что смотреть...

"Теми словами или не теми..." Перевод М. Березкиной

Теми словами или не теми,
Кстати или нестати,
Иногда мне удастся сказать, что думаю.
Порой неумело и путано,
Я всегда пишу стихи по наитию.
Писать стихи - вовсе не означает водить
пером по бумаге,
Стихотворство - это потребность моего существа,
То, что в меня привносит солнце.
Я пытаюсь поведать о том, что чувствую,
Мысль моя - тоже чувство.
Облекая мысли в слова, я слов не ищу
Они приходят сами,
Я не прогоняю слова сквозь коридоры рассудка;
Не всегда удается добыть истину.
Моя мысль медленно переплывает реку!
Тяжелы ей одежды, в которые ее облекли.
Я стараюсь сбросить с себя все, чему обучен,
Разбередить память,
Соскоблить краску, которой замазаны чувства,
Расцарапать истинные ощущения,
Освежать себя, чтобы стать самим собой
не Алберто Казейро,
Но человеческим животным в доподлинном естестве.

"Я пишу, чтобы понять Природу, хотя бы не как человек..." Перевод М. Березкиной

Я пишу, чтобы понять Природу, хотя бы
не как человек,
Но как некое живое существо, единое с Природой,
не более того.
Так я пишу - то хорошо, то плохо,
То попадая в цель, то промахиваясь,
Падая здесь, поднимаясь там,
Но всегда иду своим путем с упорством слепца.
Только так я познаю себя.
Я - Открыватель Природы,
Я - Аргонавт, плывущий на поиски истинных чувств.

Я привношу во Вселенную новую Вселенную,
Потому что хочу вернуть Вселенной ее изначальность.
Так я чувствую, и так я пишу.
Отлично зная,
Что уже пять утра,
Что солнце еще не высунуло голову
Из-за стены горизонта,
Но уже показались кончики его пальцев,
Уцепившиеся за край стены горизонта
В зазубринах отдаленных хребтов.

"Затворяю окно - снова в комнате я один..." Перевод Ю. Левитанского

Затворяю окно - снова в комнате я один.
Вносят лампу. Желают спокойной ночи.
Благодушный мой голос отвечает: спокойной ночи.
Я хотел бы, чтоб этим одним моя жизнь и была:
Днем, наполненным солнцем или теплым от летнего
ливня,
Днем ненастным и темным, как день перед Страшным
судом,
И случайным вечерним прохожим, бредущим
неспешно
И с большим интересом глядящим в окошко мое,
Взглядом дружеским, тихим на тихие эти деревья,
Ну, а там уж - закрытым окном и зажженной лампой,
Чтоб не думать уже ни о чем и лежать,
ничего не читая,
Ощущая, как жизнь пробегает по мне - как по руслу
струиется река,
А снаружи такая стоит тишина - будто дремлет
Господь.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАСТУХ

Перевод М. Березкиной

"Покуда у меня не было тебя..."

Покуда у меня не было тебя,
Я любил Природу, как тихий монах любит Христа.
Теперь я люблю Природу,
Как тихий монах любит Деву Марию,
Истово, на свой лад, как и прежде.
Она стала мне ближе, больше меня волнует.
Я лучше понимаю реки, когда иду с тобой
Лугами до речного берега,
Когда ты рядом,

Я пристальней гляжу на облака.
Ты не отняла у меня Природу,
Ты изменила ее.
Ты приблизила Природу ко мне.
Ты есть - и я лучше вижу Природу, а она все та же.
Ты меня любишь - и я люблю ее все так же,
только сильнее.
Ты меня избрала, чтобы я был твоим и любил тебя,
И я стал пристальней вглядываться
Во все, что меня окружает.
Я не жалею о себе прежнем,
Ведь я остался самим собой.

"Всю ночь я провел без сна, видя только ее..."

Всю ночь я провел без сна, видя только ее.
Представлял ее в разных обликах, но не такой,
как в жизни.
Раздумья о ней уточняю воспоминаниями,
в которых она говорит со мной.
В каждой моей мысли она выглядит по-иному,
оставаясь при этом собой.
Любить - значит думать.
Я забываю о чувствах, чтобы думать о ней.
И даже не зная толком, чего я хочу, думаю только
о ней.
Предвкушая встречу, я хочу встретиться с ней,
Но боюсь этой встречи,
Потому что боюсь расставанья.
Я не знаю, чего я хочу, и не желаю знать,
хочу только
Думать о ней.
Ни у кого, даже у нее, не прошу ничего,
Думать, и только.

БЕССВЯЗНЫЕ СТИХИ

**"Грязный чужой ребенок, играющий у моего порога..." Перевод Ю.
Левитанского**

Грязный чужой ребенок, играющий у моего порога,
Я не спрашиваю, доставил ли ты мне посланье,
Исполненное некоего таинственного значенья.
Ты мне интересен тем, что я не видал тебя прежде,
И несомненно, будь ты хоть чуть почище
ты выглядел бы иначе и сюда играть не пришел бы.
Играй же на пыльной этой земле, мой мальчик.

Я отмечаю твое присутствие лишь глазами.
Лучше видеть что-то впервые, чем знать это прежде.
Потому что знать - это ни разу не видеть впервые,
А не видеть впервые - это значит знать понаслышке.
Грязь, которой грязен этот ребенок,
она особого рода.
Играй же! Хватаясь за камень, оказавшийся у тебя
под рукою,
Ты знаешь, что и зачем ты берешь в свою руку.
Может ли быть философия достоверней, чем эта?
Никакая другая никогда не придет играть к моему
порогу.

"Мистик, пытаешься ты проникнуть в суть вещей..." Перевод М. Березкиной

Мистик, пытаешься ты проникнуть в суть вещей,
Все зримое ты наделяешь скрытым смыслом,
Лишь для того, чтоб в каждой вещи
Отыскивать ее иную суть.
Мои глаза даны мне, чтобы видеть,
Поэтому я вижу бессмыслицу вещей.
И, видя это, люблю себя за то, что я есть вещь
и ничего не значу,
И потому не поддаюсь истолкованию.

"Каждый день я открываю жуткую сущность вещей..." Перевод М. Березкиной

Каждый день я открываю жуткую сущность вещей.
Каждая вещь есть то, что она есть.
Мне трудно поведать людям, как я счастлив
этим открытием
И достаточно ли мне его
Для полноты бытия.
Я написал много стихов,
Я напишу еще больше...
В каждом стихе я говорю об одном,
Хотя все они разные.
Любая реальность бытия подтверждает
правильность этой мысли.
Иногда мой взгляд падает на камень,
Но я не задумываюсь, чувствует ли он,
Не пытаюсь назвать его братом,
Просто он мне нравится, потому что он - камень,
Он мне нравится, потому что ничего не чувствует,
Он мне нравится, потому что не похож на меня.
Иногда я слушаю, как дует ветер.
Я считаю, что стоит родиться, хотя бы затем,
чтобы почувствовать ветер.

Я не знаю, о чем люди подумают,
прочитав эти строки,
Но скорее всего они должны им понравиться,
потому что мысли мои приходят ко мне сами...
Я не боюсь, что другие подслушают мои мысли,
Потому что думаю, как мне думается,
Говорю, как слова мои говорятся.
Однажды меня назвали поэтом-материалистом.
Я удивился, потому что не думал,
Что меня можно как-то назвать.
Я не поэт, я просто вижу:
Если то, что я пишу, имеет какую-то ценность,
то сам я таковой не имею.
Мой талант здесь, в моих стихах.
Они совершенно не зависят от воли.

"В те дни, когда опять придет весна..." Перевод Ю. Левитанского

В те дни, когда опять придет весна,
Меня уже, возможно, и не будет.
Хотел бы думать, что весна - как мы, как люди,
И может горько плакать, потеряв
Любимого единственного друга.
Но нет, она ведь даже не предмет
Она скорее способ выраженья.
Не возвращаются ни листья, ни цветы.
Есть новые цветы, и есть другие листья.
Другие есть отраднейшие дни.
Ничто не может возвратиться, повториться,
Все сущее - оно, увы, реально.

**"Ты говоришь о цивилизации - мол, ни к чему она..." Перевод Ю.
Левитанского**

Ты говоришь о цивилизации - мол, ни к чему она,
Во всяком случае - в нынешнем ее виде.
Ты говоришь - все люди страдают - по крайней мере
Большая часть - при таком положении дел.
Ты говоришь - мол, будь по-другому,
страдающих было бы меньше.
Я слушаю тебя и не слышу.
А что толку было бы - слышать?
Услыхав - ничего не узнал бы.
Если б все было иначе - все было б иначе,
и только.
Если б все по-твоему было - было б по-твоему все,
и не боле.
Горе тебе и всем прочим, свой век посвятившим

Изобретению машины, творящей счастье.

"Если кто-нибудь после смерти моей пожелает..." Перевод Ю. Левитанского

Если кто-нибудь после смерти моей пожелает
Написать мою биографию - это будет весьма
несложно.
Имеются две основные даты - рожденья моего
и смерти.
Между этими датами - все дела мои и все дни мои
остальные.
Описать меня - дело простое.
Мир разглядывал пристально - как одержимый.
Все сущее любил любовью отнюдь
не сентиментальной.
Не имел желаний, которые не осуществимы,
не обольщался.
"Слышать" было для меня всегда дополнением
к "видеть".
Я понял, что все на свете реально
И все вещи друг с другом не схожи:
Я не разумом это понял - понял глазами,
А иначе я бы не видел различий меж ними.
Однажды мне захотелось спать - как ребенку.
Я закрыл глаза и уснул спокойно.
Кроме того, я был поэтом Природы,
Единственным в своем роде.

**"Когда холод приходит порой холодов - это мне по душе..." Перевод Ю.
Левитанского**

Когда холод приходит порой холодов - это мне
по душе,
Ибо мне, этой малой частице всего, что вокруг,
Все приятно в природе уже потому, что оно
от природы.
Я все трудное в жизни приемлю, как долю свою,
Как приемлю и холод чрезмерный в разгаре зимы
Так приемлю спокойно, без жалоб, как всякий, кто
просто приемлет
И находит великую радость в самом этом факте
приятъя,
В этом трудном и мудром приятъе велений природы.
Что такое болезни мои и невзгоды,
Как не та же зима моего существа
и всей жизни моей?
Та зима, что приходит внезапно, и мне неизвестны
законы ее появления,

Но в которой я вижу высокую ту неизбежность,
Как во всем неизбежном, что есть вне меня
и помимо меня,
Как тепло, что восходит от летней земли,
Или холод от зимней земли.
Я приемлю, поскольку я есть человек.
Я, как все, обречен от рожденья иметь недостатки
и делать ошибки,
Но не эту ошибку - желание понять слишком много,
И не эту ошибку - желание понять одним разумом
только,
И не тот недостаток - желать, чтобы в жизни
Было нечто такое, что не было б жизнью.

"Строить догадки о том и о том - это я тоже умею..." Перевод Ю. Левитанского

Строить догадки о том и о том - это я тоже умею.
В каждой вещи есть нечто, которое есть ее суть,
И оно-то и делает вещи живыми.
В растение мы его видим глазом невооруженным
этакой крохотной нимфой.
В животном - оно существо, притаившееся в глубине.
В человеке - это душа, существующая с ним вместе
неразделимо.
В богах оно, это нечто, имеет те же размеры,
И пространство оно занимает то же, что тело.
Это и есть их тело.
По этой причине мы говорим, что боги бессмертны.
Боги не состоят из души и тела.
У них есть одно лишь тело, и они совершенны.
Тело для них - душа,
И сознание их - в их же божественной плоти.

"Кто знает, это, быть может, мой день последний..." Перевод Ю. Левитанского

Кто знает, это, быть может, мой день последний.
Приветствуя солнце - оно восходило справа,
Прощаться с ним не стал, говоря этим как бы,
Что видеть его мне было всегда приятно.

РИКАРДО РЕЙС
Перевод Л. Цывьяна

"Сплети мне венок из роз..."

Сплети мне венок из роз,
Из вьющихся роз венки
Ароматный
Из роз, что столь быстротечны
И на челе увядают
Так скоро!
Сплети мне венок из роз
И быстрвянувших листьев.
И только.

"С небосвода скрылась упряжка Феба..."

С небосвода скрылась упряжка Феба.
Пыль, что поднялась от копыт квадриги,
Затянула легкой прозрачной дымкой
Даль окоема;
Слышится звучанье свирели Пана,
В воздухе недвижимом струятся трели,
Горестно и сладостно отпевая
День уходящий.
Полная печали, для ласк созревшая
Жница златокудрая знойной нивы,
Ты невольно ловишь напев далекий,
Шаг замедляя,
Внемлешь древней флейте лесного бога,
Песне, что доносит вечерний ветер,
Но я знаю - думаешь о богине
Пенорожденной;
И смятенье в сердце плывет волнами,
Твое лоно млеет в истоме сладкой,
А свирель чуть слышно поет, смеется
Словно сквозь слезы.

"Лидия, сядем рядом, будем следить за теченьем..."

Лидия, сядем рядом, будем следить за теченьем
Вод речных, постигая, как утекает жизнь,
Как недолго осталось, руки сплетая, сидеть нам.
(Соединим же руки.)
Скоро, большие младенцы, мы поймем, что бесследно,
Безвозвратно уходит жизнь и уносит радость,
В дальнее море стремясь к подножью всемогущего Рока,
Что даже дальше, чем боги.
Разъединим же руки, чтоб после тоской не томиться.
Будем любить или нет - все равно мы пройдем,
Словно воды реки. Но лучше пройти свой путь,

Ни о чем не жалея.
Без любви и вражды, распаляющих душу,
Без страстей и страданий, возбуждающих голос.
Даже любя и страдая, река продолжала бы течь
В извечном стремлении к морю.
Лидия, мы ведь могли бы, если бы пожелали,
В ласках свиваться, сливать в лобзаннях уста,
но лучше
Любящим рядом сидеть, смотреть, как река бежит,
Слушать журчанье струй.
Лучше цветы срывать - ты приколи их на грудь;
Пусть аромат их тонкий слышен только мгновенье,
В это мгновенье мы, язычники простодушные,
Не верим в небытие.
Вспомни цветы, когда во тьму сойду я, - иначе
Память твоя обо мне будет саднящей и горькой,
Ибо мы рук не сплетали и не сливали уст,
Мы были подобны детям.
Если же раньше меня ты обол уплатишь Харону,
Память не муча, я вспомню их аромат и сразу
Берег увижу речной и тебя, язычницу грустную,
С букетом цветов на груди.

"Даже знать, что опять цветы распустились..."

Даже знать, что опять цветы распустились
В бесконечных садовых аллеях, довольно,
Чтобы жизнь показалась нам
Светлой и легкой.
От любого усилья наши слабые руки
Сбережем и удержим, чтобы случайно
Не поддаться ему,
И жизнь проживем,
Отвергая избыток страданья и радости
И по каплям смакуя прохладу мгновений,
Что прозрачней воды
В узорчатой чаше,
Принимая от блеклой жизни лишь розы
Мимолетные, да улыбки неясные,
Да бегущих мгновений
Поспешные ласки.
Легок груз наших рук, ибо мы, непричастные
К сокровенному знанью, уносим с собою
Из того, чем мы были,
Лишь самое лучшее,
Чтоб потом, когда пряжу кончат будут Парки,
В белой немощной старости было что вспомнить
Перед скорою встречей
Со скорбной ладьею,
На которой нам плыть через темную реку

К девяти кругам безмолвного ужаса,
В ненасытное чрево
Владений Плутона.

"Ничего в руках не держи..."

Ничего в руках не держи,
Ничего не храни в душе,
И когда тебе в руки вложат
После смерти последний обол,
Растворятся твои ладони
И уронишь из них пустоту.
Где найдешь ты царский венец,
Чтобы Атропос не отняла?
Где лавровый венок, что не вянет
Перед Миносом, грозным судьей?
Что тебе быстротечное время,
Когда смутною тенью станешь?
Что там станет, когда сойдешь
В бесконечную вечную ночь?
Рви цветы, но на землю бросай,
Чуть натетишь ими свой взор.
От всего отрекись, кроме солнца.
Будь царем над самим собой.

"Мудр поистине тот, кто доволен театром жизни..."

Мудр поистине тот, кто доволен театром жизни,
Кто за чашей не вспоминает
Вино, что выпил он прежде,
Ведь каждый день ему нов
И жизнь для него свежа.
Свейте ему венок из роз и лоз виноградных,
Он знает, что жизнь уходит,
И - как цветы срезают
Ножницы Атропос в срок
Нить его перережут.
Знание он топит в вине, и привкус оргиастический
Вина отбивает горечь
Вечного бега дней
Так же, как пенье вакханок
Стоны плакальщиц глушит.
Бражник блаженный, он пьет чашу свою, и доволен,
И ждет, когда выйдет срок,
Но только надеется втайне,
Что злой летейской воды
Испить придется не скоро.

"Розы милы мне садов Адониса..."

Розы милы мне садов Адониса,
Розы милы мимолетные, Лидия,
Что расцветают с зарей
И до заката умрут.
Свет для них вечен, ведь розы рождаются
После рождения солнца и вянут,
Прежде чем Феб завершит
По небу зримый свой бег.
Так обратим нашу жизнь в беззакатный
День и забудем, что вышел из мрака
И снова канет во мрак
Краткий миг бытия.

"Только такую свободу даруют..."

Только такую свободу даруют
Боги - по собственной воле
Произволению их покоряться.
Нам это только во благо:
Ведь в невозможности полной свободы
И существует свобода.
Боги от нас не отличны: над ними
Рок тяготеет извечный,
Хоть в безмятежной, бесстрастной гордыне
Мнится привычно бессмертным,
Что всемогущи они и свободны.
Как и они на Олимпе,
Мы не вольны в своей жизни. Так станем
Строить судьбу, как детишки
Строят дворцы из песка, и возможно,
Что благосклонные боги,
Вознаграждая послушливость нашу,
Нас уравниют с собою.

"Я помню повесть давнюю, как некогда..."

Я помню повесть давнюю, как некогда
Война сжигала Персию,
Как враг жестокий, взяв столицу приступом,
Средь павших стен бесчинствовал...
А в этот страшный час два шахматиста
Играли в шахматы.
Под сенью дерева они склонились
Над старою доской,

И под рукой стоял у каждого
Бокал с вином прохладным,
Чтобы игрок, фигуру передвинув,
Мог жажду утолить,
Пока противник долго размышляет,
Каким ответить ходом.
Горят дома, разрушены святыни,
Разграблены дворцы,
И солдатня средь бела дня бесчестит
Несчастных женщин, стон стоит
На стогнах городских, и в лужах крови
Лежат убитые младенцы...
А здесь, от города неподалеку,
Но далеко от шума битвы,
Над бесконечной партией сидели
Два шахматиста.
И хоть с порывом ветра долетал
К ним отзвук боя, беспокоя
Их души отраженной тревогой,
И хоть на улицах горящих
Враг, овладевший городом, бесчестил
Жен и невинных дев,
И хоть мгновенной скорбной тенью
Их лица омрачались
При беглой мысли о беде сограждан,
От шахматной доски
Они не отрывали ни на миг
Сосредоточенного взгляда.
Ведь если под угрозой король,
Что значат слезы матерей,
Что кровь на копья поднятых младенцев?
И если белая ладья
Ферзя прикрыть не может, что пред этим
Паденье города?
А в миг, когда противник, торжествуя,
С улыбкой объявляет шах,
Ужели душу омрачит, что рядом
В сражение гибнут юноши?
И даже если на стене садовой
Появится внезапно
Свирепый воин и взмахнет мечом,
Чтоб нанести удар,
Невозмутимый шахматист бесстрастно
Над ходом будет думать,
И если смерть прервет его расчеты,
Он примет смерть спокойно,
Захваченный любимой игрой
Всех безразличных к жизни.
Пусть города горят и гибнут царства,
Пусть мирные народы
Лишаются свободы и богатств,
Влачат оковы рабства,

Но если вдруг война прервет игру,
Не будет шаха королю,
И проходная пешка ненароком
Побьет ладью.
О мои братья в мудром Эпикуре,
Но превзошедшие его
Уменьем жить в согласии с собой,
Нам эта повесть давняя
О двух бесстрастных игроках - урок
Тщеты всего земного.
Нас не волнуют сложные вопросы,
Не тяготят нисколько
Инстинкты, страсти, жажды - ведь они
Вмиг отступают перед
Спокойным бесполезным наслаждением
От шахматной игры.
Известность, слава, мудрость, жизнь,
любовь
Вся суета, к которой
Так люди льнут, для нас равны в цене,
Но навсегда пребудет
В нас память об искусных шахматистах,
О сладости победы
Над сильным игроком.
Известность изнуряет, как горячка,
Несносно бремя славы,
Докучна и томительна любовь,
Недостижима мудрость,
Жизнь коротка, исполнена страданий,
И только шахматы
Всю душу отнимают, но ничтожна
Утрата эта и не удручает.
В тени древесной дружественной сидя
С бокалом белого вина
И бесполезному труду игры
Прилежно предаваясь
(Хоть нету ни партнера, ни доски
Есть только зыбкий полусон),
Мы стародавним персам подражаем
И, если вдруг услышим,
Что родина иль жизнь вызывают к нам,
Не отзовемся, не пойдем.
В дремоту впав под лиственную сенью,
Тем безразличным игрокам
И безразличным шахматным фигурам
Любой из нас подобен.

"Не хочу принимать даров..."

Не хочу принимать даров

Тех, что вы, лицемерные,
Непритворно мне дарите,
Ибо я утеряю их
И утрату свою вдвойне
За себя и за вас - оплачу.
Лучше уж, посулив дары,
Не спешите мне их отдать
Легче в будущем ждать утрат,
Чем с тоской вспоминать былые.
Мне останется лишь скорбеть,
Что бегут чередою дни,
Не исполнив моих надежд,
И несут пустоту с собою.

"Вновь лето, и обманной новизною..."

Вновь лето, и обманной новизною
Цветы прельщают, и опять нам внове
Зеленый древний цвет
Новорожденных листьев.
Но никогда из бездны неизбывной,
Что немо поглощает все земное,
На свет отрадный дня
Не возвратить ушедших.
Вотще потомки, веря в жизнь иную,
Взывают к тем, кто ни девять запоров
Теперь навек закрыт
В Аиде безотрадном.
И тот, кто средь певцов был богоравен,
Кто глас, к нему взывающий с Олимпа,
Услышал и постиг,
Стал ныне тенью, тленом.
И все ж венки ему сплетайте, ибо
Кто лавров более достоин? Станут
Не трауром они,
Но данью громкой славе.
Над славой ни земля, ни Орк не властны.
И ты, из волн Улиссом вознесенный
О семихолмый остров
Огигия, гордись!
Тем городам семи, что за Гомера
Вступили в спор, и Лесбосу ты равен,
И Фивам семивратным,
Где Пиндар был рожден.

1 Орк - древнеримское божество смерти.

2 Огигия - остров, где обитала нимфа Калипсо, в плену у которой Одиссей провел семь лет.

"О, как жизнь коротка, даже самая долгая..."

О, как жизнь коротка, даже самая долгая,
Как стремительна юность! Хлоя, о Хлоя,
В твоих ласках и хмеле
Ищу я забвения,
Ибо страшен мне рок беспощадный, и болью
Отзывается время быстробегущее,
И до слуха доносится
Шуршанье тростинок
На неведомом берегу стигийском, где холодных
Асфodelей поля, где воды, привычные
Только к сумраку вечному,
Струятся, стена.

"Всех равняет закон неминуемой смерти..."

Всех равняет закон неминуемой смерти.
Неизвестный судья произнес приговор
Мудрецу и глупцу. Но сейчас карнавал,
И они веселы - в них бурлит и ликует
Жизнь, им данная в долг.
Если знать - это жить, то мудрец - лишь невежда.
О, сколь мало отличен по внутренней сути
Человек от животных! Тсс! Не порти веселья
Обреченным на смерть.
Пусть сплетают венки из поддельных цветов.
Срок, отпущенный им, столь ничтожен и краток;
Только из милосердия свою эфемерность
Не дано им узнать.

"Скудное поле сохой поднимая..."

Скудное поле сохой поднимая,
Пахарь глядит на него горделиво
Взглядом отцовским, и в жизни безвестной
Он подлинно счастлив.
И не помеха сохе перекройка
Мнимых границ, и не думает пахарь
О договорах, решающих судьбы
Покорных народов.
В будущем столь же уверен, как травы,
Что его лемех срезает, живет он
Верною жизнью - как встарь, неизменной
И разнообразной.

"Все, что минует, мертво, и я умираю..."

Все, что минует, мертво, и я умираю
В том, что прошло для меня. Листва облетает,
И жизни моей частица
Уходит с нею навеки.
Я растворился во всем, что видел, по каплям,
Чуть миновало оно - и я исчезаю,
А память не различает,
Чем был я и что я видел.

"Что ты мне даришь - любовь или ложь, я не знаю..."

Что ты мне даришь - любовь или ложь, я не знаю
И не хочу узнавать. Я и этим доволен.
Пусть по ошибке, но снова
Юность вернулась ко мне.
Боги так скупко нас дарят, и, знаю, обманны
Эти даянья, но все же они - как награда
Подлинная. Принимаю,
Даже не глядя, их дар.
Чего же еще мне желать?

"Голубою грядою горы встали..."

Голубою грядою горы встали,
Между ними и мною поле тянется
И, под ветром волнуясь, видится мне
То зеленым, то золотистым.
Меня, слабого, словно стебель мака,
Подкрепляет мгновение. Все отринул я.
На весах бытия так мало весят
Размышленья и колебанья.
Переменчивый, словно поле, полностью
От себя отделясь, я - стебель слабый,
Блудный отпрыск Тьмы и Хаоса - праздно
Предаюсь канулам жизни.

"Тишайший ветер по полям пустынным..."

Тишайший ветер по полям пустынным
Неслышно пробегает.
От робости, наверно, не от ветра
Едва дрожат травинки.
И облака медлительною цепью

Плывут в высоком небе
Лишь оттого, что шар земной, вращаясь,
Меня от них уносит.
Здесь, в тишине, в спокойствии бескрайнем,
Навек отрину память,
Чтоб не пришла ко мне незваной гостьей
Тоска забытой жизни.
И дней моих обманное течение
Мне снова будет в радость.

"Так покоен закат сегодня, о Лидия..."

Так покоен закат сегодня, о Лидия,
Что почудилось мне, будто жизнь наша замерла.
Этот миг нам даруют,
Верно, боги бессмертные,
Воздавая за то, что мы в осязаемой
Отрешенности плоти веру в богов таим,
И, даря нас наградой,
Позволяют нам, Лидия,
Стать гостями на пиршестве безмятежности,
У мгновенья узнать уменье бесценное,
Как прожить жизнь без боли
За мгновенье единое
За мгновенье, в которое мы, отрешенные
От печалей земных, впиваем утешную
Олимпийскую радость
Просветленными душами.
Только миг мы с тобою равны небожителям,
Облекаясь покоем, ласковой ясностью,
Безразличием полнясь
Ко всему преходящему.
Как герой бережет венок триумфальный свой,
Так и мы сохраним в морщинистой старости
Эти блеклые лавры
Незабвенного вечера,
Чтоб всегда пред очами было свидетельство,
Что бессмертные боги, смертных, любили нас,
Даровав нам мгновенье,
Олимпийски блаженное.

"Рукой разворошил я..."

Рукой разворошил я
Жилище муравьев.
Моя рука для них - десница божья,
Хоть для себя, конечно, я не бог.
Ведь олимпийцы тоже

Не боги для себя,
Но, оттого что нас они сильнее,
Мы, слабые, обожествляем их.
И если будет случай
Поверить, что мы боги,
Не будем слепо отдаваться вере
Или, всего вернее, заблуждению.

"Ты мнишь, неразумный, влача с собою..."

Ты мнишь, неразумный, влача с собою
Никчемные дни трудов бесполезных,
Как охапку поленьев,
Что следуешь жизни.
Ты эти дрова, словно бремя, тащишь,
Хоть нет очага, чтоб смог ты согреться.
Не гнетет это бремя
Лишь в тени в Аиде.
Не ведаешь отдыха и в наследство
Не груды богатств - пример оставляешь,
Как непрочно и кратка
Наша зыбкая жизнь.
Нам данную малость нелепо тратим,
Нас труд утомляет, злато не впрок нам.
Посмеется над нами
Капризная слава,
Когда допрядут нашу пряжу Парки
И мы подойдем - не старцы, но тени
К неминуемой встрече
С той страшной ладьею,
Что нас повезет через реку мрака,
Где холод нас девятижды объемлет,
В ненасытное чрево
Владений Плутона.

"В свое время всему наступает срок..."

В свое время всему наступает срок,
И в садах не цветут зимой деревья,
А весною не стынут
Под снегами поля.
Ночь подходит, в которой нет, Лидия,
Угнетающего дневного зноя.
Ночью будет нам в радость
Наша зыбкая жизнь.
Сидя у очага, утомленные
Не трудами - нам время
Мы не будем о тайном

Вслух с тобой говорить.
И пусть смутные воспоминания
В нас отрывистые слова рожают
(Большого и не даст нам
Солнца небытие).
Постепенно пусть вспомнится прошлое,
И рассказы былые, став отныне
Вдвое - втрое! - былыми,
Пусть поведают нам
О цветах, что в дни детства ушедшего
Мы срывали с иным, неясным чувством
Ведь иными глазами
Мы смотрели на мир.
И как те, кто чулки тихо штопает,
У огня подле лар с тобою сядем,
Станем, Лидия, штопать
Канувшее навек,
Беспокойством томимы, что с отдыхом
К нам приходит, когда представишь, будто
Мы с тобою - былые,
А вокруг только ночь.

"Здесь, Неера, вдали..."

Здесь, Неера, вдали
От людей и селений,
Где никто не встает
На пути, где дома
Кругозор нам не застыт,
Будем в мыслях свободны.
Знаю, о светлокудая,
Плоть - лишь путы для жизни,
И рукой не достичь,
Что душой достигаем;
Знаю: даже и здесь
Точно так же ветшает
Плоть, что должно оставить
У порога Аида.
Но зато, кроме жизни,
Нас ничто здесь не держит,
Чьи-то руки чужие
За руку не хватают,
И чужих нет следов
Здесь на нашей тропинке.
Мы свой плен ощущаем,
Только вспомнив о плене,
Так забудем о нем
И решимся поверить
Нашей тайной свободе,
Ибо, хоть она мнима,

С ней мы равны богам.

"Трепещет огонек..."

Трепещет огонек
Ночной лампы,
Меняя облик дома.
Но боги порешили:
Для всех, кто верит в них,
Не дрогнет никогда
В лампаде жизни пламя,
Дабы не исказить
Текущий облик мира;
Для них нетленно-чистым,
Как драгоценный камень,
Извечно совершенный
В спокойствии бесстрастном,
Прекрасное пребудет.

"Вы, что верите в Христа и Марию..."

Вы, что верите в Христа и Марию,
В роднике моем вы воду мутите,
Чтоб сказать: существуют
В мире воды и чище,
Что поят луга, где сладостней время,
И узнать хотите, сего ли мира
И насколько мне в радость
Мой родник и лужайка.
Мне реальность эта дана богами
Вся вовне меня и всегда мне явна.
Как же мнимость сумеет
Больше быть их даянья?
Так оставьте мне Реальность мгновенья
И богов моих безмятежно-близких,
Обитающих рядом,
А не в Небе пустынном.
Дайте мне пройти язычником путь мой,
Слушая на нем звучанье свирелей
Тростников над рекою,
Что-то шепчущих Пану,
И живите в вашем призрачном мире,
Но оставьте мне мой алтарь бессмертный
И общение зримое
С дружескими богами.
Нет на свете благ прекраснее жизни,
Дайте жить и тем, чья древнее вера
Вашего Иисуса

И Марии скорбящей.
Мне же утешенье дают Деметра,
Аполлон, Венера, Уран прадревний
И перуны, что мечет
Нам Зевес в предвещанье.

"После нас кроны тех же деревьев..."

После нас кроны тех же деревьев
Будет ветер такой же привычно трепать,
И листва шелестеть
Так же будет, как нынче.
Суета и волненья - все тщетно.
В мире сущем не громче ведь отзвук от нас,
Чем от зыбкой листвы
Под порывами ветра.
Значит, нужно со вздохом покорным
Перед вечной Природой гордыню смирить,
Жить отпущенный срок,
Словно эти деревья.
И напрасно в величье играем:
В целом свете никто, кроме нас, не сочтет,
Что великие мы,
И служить нам не станет.
Если здесь на песчаном побережье
Море третьей волною стирает мой след,
Что же станет там
Там, где море есть Время?

"Пускай у меня..."

Пускай у меня
Бессмертные боги
Отнимут суровым своим приговором
Все - славу, богатство, любовь,
Но пусть, отнимая,
Оставят лишь только
Возможность увидеть все сущее в мире
Живое и то, что мертво.
Любовь или слава
Не стоят вниманья:
Богатство бесплодно, а слава обманна,
Любовь - только зыбкая тень.
Зато постижение,
Что пристально ловит
И зримые формы, и образы мира,
Надежно и прочно в себе.
Его побужденье

Весь свет наш бескрайний,
Любовь - о безмятежный покой
мироздания,
Богатство - всеобщая жизнь,
А слава его
Высокая гордость,
Уверенность ясная, что обладаешь
Обличьем всего, что вокруг.
Все прочее смертно
И смерти страшится,
И лишь созерцанье бесцельное мира
Бесстрашно, бесстрастно всегда.
Собой оно полно
И жаждет так мало
Возможности гордой отчетливо
Пока не угаснет мой взор.

"Сколь счастлив тот, кто здесь в сени деревьев..."

Сколь счастлив тот, кто здесь в сени деревьев
Сырой землей укрыт,
От солнца не страдает он, не мучит
Его в ночи луна.
И пусть несет в разодранном пространстве
Лохмотья туч Эол,
Пусть Посейдон взъяренный клочья пены
Швыряет в небеса,
Он безразличен, и пастух, пришедший
Под вечер отдохнуть
В дубраву, где зарыт когда-то сливший
Подобьем божества,
Не ведает, что ныне попирает
Того, кто мог бы стать,
Коль жизнь была бы вечной, воплощением
Нетленной красоты.

"Ваша веселая дивная молодость..."

Ваша веселая дивная молодость,
Счастье, так полно в себя погруженное,
Взгляд ваш, каким вы на взгляд отвечаете,
Ваше незнание себя
Делают вас поразительно схожею
С жизнью всеобщей, и тихо прощаешь вам
За безотчетную нежность к любимому,
Что забываете вы,
Как много юных на берегу безвременном
Крона, отца правосудья неправого,

Море смывает, оставив лишь в памяти
Шелест белесой волны.

"О, сколько горестей смутною делают..."

О, сколько горестей смутною делают
Жизнь нашу краткую! О, сколько бедствий,
Жалких, нелепо-ничтожных,
Нам уготовано свыше!
Сколь счастлив бык, что пасется на пастбище,
Не сознавая себя, и уходит
В смерть, словно в стойло родное,
Или мудрец, погруженный
В тайны науки, вдали от нас строящий
Жизнь, нам чужую, как дым, что возносит
Руки, которые тают
В несуществующем небе.

"Это лето уже оплакиваю..."

Это лето уже оплакиваю
И во вспять опрокинутой памяти
По цветам, что утрачу вновь,
Слезы горькие лью.
Через двери годов, мной прожитых,
Проходя, представляю густую тьму
Бездны, гулом наполненной,
Где не будет цветов.
Розу утром сорвав случайную,
Не бросаю, пусть вянет со мной, пока
Не свершит поворота в ночь
Вместе с нами земля.

"Лидия, отринем знание, не способное..."

Лидия, отринем знание, не способное
Сотворить цветы, что приносит Флора,
Иль свернуть колесницу
Аполлона с пути его.
И отринем созерцание, далекое
От всего, что близко для нас с тобою,
Оно смотрит, не видя
Мир глазами усталыми.
Но взгляни: Церера, вечно неизменная,
Поле золотистое полнит дрожью,
А потом флейта Пана

Ниву вновь успокаивает.
Посмотри на нимф и на прадревний танец их,
Что рожден в лазурной богов отчизне,
Вот они в хороводе
Нескончаемом кружатся.
Посмотри: дриады, как и древле, шепчутся,
Подражая шуму листвы зеленой,
Даже Пан замечтался
И свирель отложил свою.
Так и мы должны, богам своим подобные,
Мирной жизнью жить, находя в ней счастье,
Аполлон ли сияет
Или бледной Дианы диск.
Пусть Зевес грохочет в небе помрачившемся,
Пусть Нептун свирепо валы бросает
На песчаные пляжи,
На утесы скалистые,
Но пребудет жизнь извечно неизменною.
Мы не видим Парок, прядущих пряжу,
И про них забываем,
Словно нет их и не было,
И цветы срываем, внемлем пенью птичьему.
Жизнь идет, не зная про наши страхи,
Так не стоит и думать
О грядущем, нам ведомом,
О том дне, когда погаснет солнца свет в глазах
И уйдем в края, где Цереры нету
И где Пан не подманит
Флейтой нимфу пугливую.
Станем же хранить, в лукавстве сотоварищи,
Лишь часы блаженства, богам подобно,
И тогда, быть может,
Ощутим их спокойствие.
А потом пускай приходит старость дряхлая,
Если только боги ее даруют
И отнять не позволят
Кроносу беспощадному.
Но да будет храм, в котором будем, Лидия,
Для себя богами, хотя и знаем:
Богом ставший себе
Не нуждается в читателях.

АЛВАРО ДЕ КАМПОС

Курильщик опиума. Перевод Е. Витковского

Господину Марио де Са-Карнейро
Душа больна, - и пусть не столь жестоко
Хворать и выздоровливать в бреду,

Я погружаюсь в опий и бреду
Искать Восток к востоку от Востока.
Я много дней страдаю на борту
От боли головной и от горячки,
И сил, чтоб выносить мученья качки,
Должно быть, никогда не обрету.
Презрев устав космического круга,
По шрамам золотым свой путь продлив,
Я грежу, что в приливе есть отлив
И наслаждение - в ганглиях недуга...
Но механизм несчастья таков,
Что вал не совершает оборотов,
И я плыву меж смутных эшафотов
В саду, где все цветы - без черенков.
Вхожу, на произвол судьбы оставлен,
В сплетенный сердцем кружевной узор.
Мне чудится: в моей руке топор,
Которым был Предтеча обезглавлен.
Я, заточенный, сызнава плачу
За все, что прежде натворили предки.
Мои больные нервы - в тесной клетке,
Я в опий, словно в ямину, лечу.
На зов его, не говоря ни слова,
В прозрачные спускаюсь погребя,
И вот луна восходит, как Судьба,
И ночь алмазами искрится снова.
А наш корабль сегодня, как вчера,
Плетется по Суэцкому каналу,
И жизнь моя на нем течет помалу,
Тягучая, как камфара с утра.
Я зову дней растраченных не внемлю
И утомлен, меня берет тоска
Она во мне, как жесткая рука,
Что душит, но не даст упасть на землю.
Я в захолустье португальском жил
И познавал природу человечью.
Я с детства овладел английской речью
И упражняюсь в ней по мере сил.
Приятно было бы порой в "Меркюре"
Стихи свои увидеть иль рассказ
Мы все плывем, и я грущу подчас,
Что до сих пор не видел даже бури!
Тоскливо дни проходят на плаву,
Хотя порой со мной ведут беседы
Какие-то британцы, немцы, шведы
Я болен тем, что до сих пор живу.
И я смотрю уже как на причуду
На путь в Китай и прочие края:
Ведь есть один лишь способ бытия,
А мир и мал, и очень сер повсюду.
И только опий помогает мне
От бытия - от скуки и болезни;

Я в подсознание прячусь, в утлой бездне.
Как блекнет все, что не внутри, а вне!
Курю. Томлюсь. Чем далее к востоку
Тем ближе запад, и наоборот.
Коль скоро Индия во мне живет,
То в Индии реальной много ль проку?
Мне горько быть наследником в роду.
Видать, везенье увезли цыгане.
И перед смертью - ведаю заранее!
На собственном замерзну холоду!
Я лгал, что делом инженерным занят,
По Лондонам и Дублинам спеша.
Старушка-нищенка - моя душа
За подаянием Счастья руку тянет.
Корабль, не направляйся в Порт-Саид!
Плыви уж сразу к дальнему Китаю!
Я в смокинг-рум'е время коротаю,
Со мною - граф (болтун и сибарит).
Зазря к Востоку плавал я, похоже.
Печально, что ни сил, ни денег нет.
Я есмь сомнамбулический поэт
И монархист, но не католик все же.
Вот так и жить с людьми бы, в их числе,
И не вести бы счет любой банкноте!
Однако нынче я в конечном счете
Всего лишь пассажир на корабле.
Я неприметней всех людей на свете.
Скорей слугу заметишь вон того,
Как жердь, сухого, - посчитав его
Шотландским лэрдом (правда, на диете).
Нет дома у меня. Растрочен пыл.
Скабресный тип, помощник капитана,
Видал, как я иду из ресторана
Со шведкою... и сплетню распустил.
Кому-нибудь я поломал бы кости
В один прекрасный день и повод дал
Для разговора бы, что вот, скандал...
Нет, выше сил молчать, кипя от злости.
Я целый день курю и что-то пью
Американское, тупея разом.
Что выпивка! Поддерживал бы разум
Похожую на розу жизнь мою!
Ложатся долгой чередой строки.
Талантик мой, как вижу, мне не впрок.
Вся жизнь моя - убогий хуторок,
Где дух изнемогает одинокий.
Британцы - хладнокровнейший народ,
Спокойнейший. Подобных в мире нету.
Для них судьба ясна: подбрось монету
И счастье к одному из них придет.
Но я - из той породы португальцев,
Что без работы, Индию открыв,

Остались. Правда, я покуда жив,
Но только смерть - удел таких страдальцев.
А, дьявол побери весь белый свет!
Наскучила и жизнь и обстановка.
Мне мерзок стал Восток. Он - как циновка,
Скатать ее - всех красок нет как нет.
И снова опий. Бесконечно жуток
Долг проползти сквозь столько дней подряд.
А тех благонадежных, что едят
И спят в одно и то же время суток,
Побрал бы черт! Но вся моя беда
Расстройство нервов, безнадежно хворых.
Кто увезет меня в края, в которых
Я захочу остаться навсегда?
Увы! И сам томленья не отрину!
Мне стал бы нужен опий, но иной
Что в краткий миг покончил бы со мной
И в смерть меня вогнал бы, как в трясины!
О лихорадка! Это ль не она?
Нет, в самом деле, это лихорадка.
Жизнь длится от припадков до припадков.
Что ж, истина открылась - хоть одна.
Настала ночь. Рожок зовет на ужин.
Общественная жизнь - всего важнее!
Блюди, блюди чередование дней!
Вот так-то! И хомут тебе не нужен!
Нет, вряд ли это все мне с рук сойдет.
Увы - не обойтись без револьвера,
И лишь тогда вернется в сердце вера
И, может быть, закончится разброд.
Кто взглянет на меня, сочтет банальной
Всю жизнь мою... Ах, мой наивный друг...
Ведь это мой монокль на все вокруг
Глядит с усмешкой неоригинальной.
Любое сердце сгнуло б давно,
Лишь встретившись с моим астральным
мраком.
Сколь многим под таким же точно фракком
Мой вечный страх скрывать не суждено?
Еще хотя б настолько я снаружи
Изящно сложен был, как изнутри!
Скольжу в Мальстрем, - увы, держу пари,
Что я хочу скользнуть в него к тому же!
Я лишний человек, и в этом суть.
Пусть протерт рукав, засален лацкан,
Но ты, мечтой высокою заласкан,
С презрением можешь на других взглянуть!
Мне хочется порой завывать от злобы,
Кусать и грызть свои же кулаки.
Да, это было б нормам вопреки
И зрителей почтенных развлекло бы.
Абсурд, на сказочный цветок похож

Той Индии, которой нет в помине
В морях Индийских, - мне зажегся ныне.
Спаси меня, Господь, иль уничтожь!
Лежать бы, ничего не замечая
Здесь, в кресле, - а конец для всех един.
Я по призванию - истый мандарин,
Но нет циновки, полога и чая.
Ах, как бы очутиться я хотел
В гробу, в могиле, под земным покровом.
Жизнь провоняла табаком лавровым.
Куренье - мой позор и мой удел.
Избавь меня, о Боже, от обузы
Всей тьмы, скопившейся во мне, внутри!
Достаточно комедий! Отвори
Моей душе спасительные шлюзы!
Суэцкий канал, с борта парохода

Приветствие Уолту Уитмену. Перевод Е. Витковского

Португалия - Всюду - Всегда, одиннадцатое июня
тысяча девятьсот пятнадцатого...
Эла-а-а-а-а!
Отсюда, из Португалии, где все эпохи едины
в моем мозгу,
Приветствую тебя, Уолт, мой брат по Вселенной,
Я, с моноклем, в пиджаке с зауженной талией,
Тебя недостойн, ты это знаешь, Уолт,
Нестойн посылать тебе приветствие, мне этого
не дано...
Во мне слишком много инерции, я слишком часто
скупаю,
Но я породы твоей, ты знаешь об этом, я понимаю
тебя и люблю,
И хотя я не знал о тебе, рождаясь в год,
когда ты умирал,
Но знаю, что ты меня тоже любил и знал меня,
в этом счастье мое,
Я знаю, что ты меня знал, увидел меня и постиг,
Я знаю, что это был я, хоть в Бруклине лет
за десять до моего же рождения,
Хоть на Руа-де-Оуро, в размышлениях обо всем,
чего нет на Руа-де-Оуро,
И так же, как чувствовал ты, - чувствую я,
так пожмем же руки друг другу,
Руки друг другу пожмем, Уолт, руки пожмем,
а Вселенная будет в душах у нас танцевать.
О всегда современный и вечный певец конкретности
абсолюта,
Страстный любовник растленной Вселенной,
Великий развратник, причастный растленью предметов,

Возбуждаемый деревом, камнем, личностью или
профессией,
Гон событий, случайных встреч, наблюдений
серьезных,
Мой основной возбудитель, на котором держится все,
Мой великий герой, перепрыгнувший Смерть,
Мычанием, визгом и ревом славящий Бога!
Певец жестокого братства и всеобщей нежности,
Демократ величайший, причастный всему душою
и телом,
Карнавал поступков, вакханалия тем,
Близнец любого порыва,
Жан-Жак Руссо природы, творящей машины,
Гомер ускользающей плоти, почти что бесплотной,
Шекспир ощущений, постигших котел паровой,
И Мильтон, и Шелли горизонта грядущего
электричества!
Плацента всех выражений лица,
Спазм неизбежный всего, в чем просыпаются силы,
Платный сожитель Вселенной,
Публичная девка звездных систем...
Сколько раз я целую твой портрет!
Там, где ты пребываешь (где - не знаю, но знаю:
у Бога),
Ты чувствуешь поцелуи мои, чувствуешь их настоящую
страстность (не стесняюсь),
И тебе, уж хочешь не хочешь, приятны они, и ты
благодарен,
Я откуда-то знаю об этом, это - духовная
радость моя.
Непривлекателен ты, но циклопичен и мускулист,
Пусть пред Вселенной бывал ты как женщина робок,
А любая травинка и камень, любой человек были порой
для тебя Вселенной.
Эвоэ, старина Уолт, мой великий товарищ!
Я причастен твоей вакханалии чувства свободы,
Я - из собратий твоих, от подошв и до снов,
Я - из собратий твоих, посмотри на меня, вот я
пред тобою, стало быть, и перед Богом:
Внешность - нутро... Тело мое для тебя лишь догадка,
но душу ты видишь
Посмотри на меня: вот я, Алваро де Кампос,
морской инженер,
Поэт - сенсационист,
Я не твой ученик, и не друг, и не панегирист,
Ты знаешь, что я - это попросту Ты, и ты этим
доволен!
Я читать умею тебя строку за строкой...
В них избыток всего, что чувствам доступно...
Рассекаю стихи твои словно толпу, что меня обступает,
Слыша запахи пота, машинного масла, я жажду
конкретного дела,

Читая твои стихи, достигаю высот и не знаю, читаю
или живу,
Не знаю, где место мое в реальности или
в твоих стихах.
Не знаю, когда ногами стою на земле,- вверх ли
моя голова,
Или вниз головою вишу на каком-то устройстве,
На потолке настоящем тобою придуманных толп,
Посреди потолка твоих невозможных энергий.
Все двери да распахнутся передо мной!
В силу того, что я обязан пройти!
Мой пропуск? Уолт Уитмен!
Пропуска, впрочем, не нужно...
Прохожу без вопросов...
Если было бы нужно - я бы высадил двери...
Да, сколь я ни хрупок, ни цивилизован,
Высажу двери, ибо в этот момент я не хрупок ничуть,
Ибо я - плоть, что мыслит, Вселенная, требующая
дороги,
И я пройду, ибо если желаю пройти, то я - Бог!
Пусть мусор отживший уберут с моей тропы!
Фургонами прочь все эти эмоции!
Долой отсюда, политики, литераторы,
Мирные коммерсанты, полиция, девочки, их партнеры,
Все это - буква, несущая смерть, не дух, дарующий
жизнь.
Однако дух, дарующий жизнь в сей миг,- это Я!
Ничьему бы сыну... не пересечь мне дорогу!
Дорога моя - бесконечно куда-то наружу,
пока не дойду до конца!
Способен ли я дойти до конца или нет, это тебе
неизвестно,
Также и мне и, видимо, Богу, моему чувству
Бесконечности...
Впрочем, вперед!
Шпоры в бока!
Вот они, шпоры, я - собственный конь,
на себя же сажусь,
Ибо я по собственной воле сливаюсь субстанцией
с Богом,
Чем угодно могу быть, также ничем или чем-то,
Как пожелаю... И дела нет никому...
Безумие, бешенство! Можно прыгать и можно
визжать,
Рычать, и реветь, и скакать, и стоять на макушке,
всем телом вопить,
Вцепляться в колеса повозок, бросаться под них,
Лезть под хлыст, который щелкнет вот-вот;
Быть сукою всем кобелям,- вот их-то не хватит,
Быть в каждой машине рулем,- но скорость
имеет предел,
Быть расплюснутым, брошенным, кинутым,

конченным,
Танцуй же со мною, Уолт, не от мира сего, в ярость
впади,
Прыгай со мной на батуте, к звездам лети,
Падай на землю без сил,
Вместе со мной налетай на стены,
Разрывайся в клочья вместе со мной,
Во всем, для всего, в круговерти всего, безо всего
вообще,
Словно абстрактная бездна Мальстрима в глубинах
души...
Да! Так пойдем же вперед!
Даже если Бог не позволит, все же пойдем...
Безразлично...
Вперед, все равно для чего...
Бесконечность! Вселенная! Предел без предела!
Отчего бы не так?
(Дай-ка галстук сниму, расстегну воротничок.
Гибнет энергия цивилизации на колесе захлестнутой
шеи...)
Пойдем же теперь, да, я уже шагаю вперед.
В факельном-марше-по-всем-городам-Европы,
В великом военном марше, где коммерция вместе
с досугом,
В великом забеге, в большом восхождении, в спуске
отвесном
С криком и прыганьем - я далеко не один
Прыгаю, чтобы тебе вознести хвалу,
Мычу, чтобы тебя восхвалить,
Все оковы снимаю с себя, прыгаю, делаю стойку
на темени, даже на сальто способен, чтобы тебя
восхвалить!
Посему обращаюсь к тебе:
Мой каждый стих - прыжок, мой каждый стих
скачок, судорога порою,
Каждый мой стих - истерическая атака,
Каждый мой стих - коренник для повозки нервов
моих.
Падая, я вдохновляюсь,
Я неважно умею дышать, но падаю прямо в экстаз,
Стихи мои суть невозможность взорваться во имя
жизни!
Откройте все окна!
Взломайте все двери!
Надвиньтесь, дома, на меня!
Я хочу быть свободен и на воздухе жить.
Я хочу, чтоб гримасы мои отделились от тела,
Как дождь, сбегать я по стенам хочу,
Пусть на широких дорогах топчут меня, словно камень,
Как тяжелое нечто, я в море хочу потонуть,
Сладострастьем объят, мне, впрочем,
уже недоступным!

Не желаю замков на дверях!
Не желаю щеколд на комодах!
Я желаю мешать, на дороге торчать, быть без цели
таскаем,
Я хочу быть безумною частью кого-то, чего-то
вовсе чужого,
Я хочу ни за грош мозоли коленей отдать,
Я хочу быть брошенным в море,
Пусть для меня отыскался бы дом непотребный,
Только не быть бы вовеки сидящим, спокойным,
Только бы не остаться всего лишь пишущим эти стихи!
Да сгинет прерывистость в мире!
Да возникнет взаимокасание всех вещей, всех материй!
Пусть души физических тел торжествуют
Не только физически, но эстетически!
Я желаю летать и падать с огромных высот!
Я желаю быть брошен подобно гранате!
Задержаться неведомо где... Быть несомым
до каких-то пределов...
Абстракция, апогей - в конце и меня и всего!
Истерия железных моторов!
Эскалатор, взносящийся вверх, без ступенек!
Гидравлический пресс, разрывающий напроочь
гнилое нутро!
Пусть оденут мне на ноги цепи - я их разобью!
Разорву их зубами, чтоб десны кровоточили,
Мазохистская радость, кровавые спазмы,
доказательство жизни!
Моряками я взят под арест,
В темноте мне руки связали,
Я сознание на время теряю,
Вытекает душа из меня прямо на карцерный пол,
И сверчок невозможный стрекочет, злоба моя.
Что же, прыгай, скачи, закуси удила,
Докрасна-раскаленный-Пегас моих тревожных
томлений,
Ну и место судьба отыскала моя на колесах моторов!
ВСЁ НА СВЕТЕ УОЛТ:
Дверь - для всего!
Мост - для всего!
Дорога - всему!
Всеядна душа твоя,
Она - и птица, и рыба, и зверь, и женщина,
и мужчина,
Она двоекратно там, где встречаются двое,
Она однократно, если двое слиты в одно,
Она - пространство, стрела или луч,
Объятие, связь, Техас, Каролина, Нью-Йорк,
Бруклин по вечерам,
Бруклин - чтобы бродить и чтоб возвращаться!
Свобода! Цель - демократия! Двадцатый век впереди!
Вам! Бам! Вам! Вам!

БАМ!
Ты был, ты видел, ты слышал,
Ты - подлежащее, ты - дополнение, активный,
пассивный залог,
Везде и повсюду - ты,
Круг, замкнувший возможности чувства,
Путевая отметка всего, что возможно в природе,
Бог-Преградитель всего, что возможно представить
это именно ты!
Ты - час,
Ты - Минута,
И ты же - Секунда!
Ты - вмешавшийся в дело чужое, раскрытый,
ушедший,
Вмешательство, освобождение, раскрытие, уход,
Штемпель на каждом письме,
Имя в адресе каждом,
Товар адресованный, но возвращенный с пути...
Поезд людских ощущений, с душой,
измеряемой скоростью в час,
В минуту, даже в секунду. БАМ!
Сейчас я почти что мертв, и вижу особенно ясно,
Великий Освободитель, как я покорен тебе.
Без сомнения, личность моя - конечна.
Я это постиг, ибо высечь из камня она захотела себя,
захотела сказать обо многом,
Однако сегодня назад я взглянул и обрел лишь
тоску
Спокойствия мне твоего не дано для меня самого,
А ты - свободен, ты - изукрашен Великою Ночью.
Возможно, что не было роли совсем никакой у меня
на земле.
Для тебя я устрою триумф
Оглушительный и не сравнимый ни с чем,
Весь стук инструментов Вселенной людской,
Все возможности всех эмоций,
Все формы, все мысли,
Колеса, рули и поршни души - все для тебя.
Вот что я кричу для тебя,
И меня расслышать нетрудно даже в свите твоей
При том, что я изъясняюсь то метафизично,
то очень понятно,
Ибо таков беспорядок вещей, в природе лишенных
связи.
Славься, будь многократно здоров, живи,
незаконный сын Аполлона,
Любовник бессильный и страстный всех девяти харит,
Фуникулер олимпийский - к нам и к Олимпу от нас.

"Не знаю ничего. И для чего, не знаю..." Перевод Б. Слуцкого

Не знаю ничего. И для чего, не знаю,
Жизнь, слава и любовь. Познать не удалось,
И почему событие сбылось
Или история, та или же иная.
Я пуст, я одинок. Так что же происходит?
Ни прежде, ни потом, что было - все прошло.
Мгновения, ступая тяжело,
Не глядя на меня, мимо меня проходят.
Раздумывать? Не верю я мыслишкам.
Сон в тягость мне. Я долго не засну.
Отброшу книгу, чуть в нее взгляну.
А чувственность известна слишком, слишком.
Быть ирреальной тенью на стене,
Такой же ирреальной,
Персонажем
Нелепого романа и миражем,
Быть сном, быть трансом остается мне.

Уже устаревший сонет. Перевод Б. Слуцкого

О Дейзи, как только умру, должна ты
Сказать моим друзьям, что ты скорбишь,
А если ты душою покривишь,
Раскаиваться, право же, не надо.
Потом из Лондона отправься в Йорк скорей
(Ты родилась - я часто слышал - в Йорке,
Но это все обман и отговорки)
И расскажи о гибели моей
Мальчишке бедному. Лишь с ним был счастлив я,
О чем ты не имела представления.
Он вести тоже не предаст значенья.
И Сесили пусть знает про меня,
Что верила спроста в мое величье...
Пусть гром разит всех в мире без различья!

"Если ты хочешь кончить с собой, почему ты не хочешь кончить с собой?.." **Перевод Б. Слуцкого**

Если ты хочешь кончить с собой, почему
ты не хочешь кончить с собой?
Ну что же ты! Я так люблю и смерть и жизнь,
Но, решишь я кончить с собой, я бы кончил с собой...
Ну, решайся, если можешь решиться!
Что тебе чередование фантомов,
Называемое нами миром?
Кинолента дней, представленная
Актерами ложноклассической школы?

Бесконечно кружащийся калейдоскоп?
Что тебе твой внутренний мир, который
так и остался для тебя неизвестным?
Может быть, убив себя, ты его наконец познаешь...
Может быть, кончив, ты начнешь...
Так или иначе, если ты утомлен бытием,
Утомление должно быть благородным,
И не следует, подобно мне, воспевать жизнь во хмелю
И приветствовать смерть в литературе!
Ты необходим? О ничтожная тень, именуемая родом
людским!
Необходимых нет, и ты не необходим никому...
Без тебя все пойдет без тебя.
Может быть, для других будет хуже, если ты
будешь жить,
Чем если ты убьешь себя...
Может быть, живя, ты докучаешь больше, чем ежели
убьешь себя...
Страдания других! Ты заранее терзаешься тем,
Что заставишь рыдать о себе?
Успокойся, рыдать будут недолго...
Сила жизни мало-помалу утирает слезу,
Когда мы плачем не о самих себе,
Когда беда постигла других. Особенно смерть,
Потому что после смерти с другими не случится
уже ничего...
Первым делом тоска, удивление оттого,
Что тайна пришла и твоя драгоценная жизнь ушла...
Потом ужас перед гробом, видимым и осязаемым,
И люди в трауре, исполняющие служебные
обязанности.
Потом безутешная семья коротает за анекдотами
ночь,
Сокрушаясь о том, что ты мертв,
А ты, случайная причина этой печали,
Действительно мертв, куда мертвее, чем думаешь...
Да, сейчас ты куда мертвее, чем полагаешь,
Даже если там, в мире ином, ты куда живее.
Затем трагическое переселение в склеп или в могилу.
Затем память о тебе начинает умирать.
Первым делом всем легче
Оттого, что кончилась слегка затянувшаяся
трагедия твоей смерти.
Затем возобновляются будничные разговоры
И злоба дня берет свое...
Постепенно о тебе забывают.
О тебе вспоминают только дважды в году:
В годовщину рождения и в годовщину смерти.
И все, и все, и больше ничего, абсолютно ничего.
Дважды в году думают о тебе.
Дважды в году любящие тебя вздыхают о тебе
И, когда о тебе пойдет речь, вздыхают разок-другой.

Взгляни же на себя трезво, подумай трезво о том,
кто же мы, в сущности...
Если хочешь кончить с собой, кончай...
Отбрось угрызения совести, доводы разума!..
Разве у жизненной механики есть угрызения
или доводы?
Какие химические угрызения повелевают силой,
Порождающей жизненный трепет, и циркуляцию
крови, и любовь?
Разве в веселом ритме жизни есть память о других?
О нищее тщеславие плоти, именуемое человеком,
Неужели тебе не ясно, что ты лишено всякого
значения?
Ты важен для себя, потому что именно себя
ты ощущаешь.
Все для тебя, потому что вся вселенная
И эта вселенная, и все остальные,
Сателлиты твоей объективной субъективности.
Ты важен сам для себя, потому что только для себя
ты важен.
А если это так, о миф, не так ли обстоит дело
со всеми другими людьми?
Тобой, как Гамлетом, владеет ужас перед неведомым?
Да что тебе вообще ведомо? Что ты знаешь,
Чтобы хоть что-нибудь называть неведомым?
У тебя, как у Фальстафа, плотская любовь к жизни?
Если ты в силах любить ее материально, полюби ее
еще материальнее,
Превратись в частицу земли и материи!
Рассейся, ах ты, физико-химическая система
Клеток, пребывающих в сумеречном сознании,
В сумеречном сознании бессознательных тел,
В великой, ничего не сокрывающей сокровенности
видимостей,
В сущем, размножающемся кронами и корнями,
В атомном тумане материи,
В вихревых потоках,
Окружающих динамический вакуум мира...

Табачная лавка. Перевод А. Богдановского

Я - никто.
Я никогда никем не буду.
И захотеть стать кем-нибудь я не могу.
Но мечты всего мира заключены во мне.
Окна квартиры моей,
Квартиры одного из миллионов тех, кто бродит
по свету и не ведает, кто он такой
(Ну, а если бы даже и знал, что узнал бы?),
Выходят в таинственность улицы, по которой

беспреданно снуют люди,
На улицу, которую разом не постичь, как ни старайся,
На улицу, до невозможности реальную,
до таинственности определенную,
Где под оболочкой камней и людей скрыта загадка,
Где смерть покрывает плесенью стены, а виски
сединой,
Где Судьба громыкает телегой Всего по дороге
в Ничто.
Я повержен сегодня, как будто мне правда открылась.
Я безгрешен и ясен, как будто готовлюсь ко смерти,
И разорваны узы родства с окружающим,
И как будто в прощальный миг замелькали вагонами
поезда
Этот дом и вся улица,
И гудок отправления отозвался в моей голове,
И дрогнули нервы, и лязгнули кости.
Я разделен сегодня меж непреложностью
Лавки табачной на той стороне - она существует
снаружи
И ощущением - все это мнимость - оно существует
внутри.
Неудача во всем.
Я решения не принял, и Все обернется Ничем.
Как учили меня,
Я вылез из окна с задов дома
И в поле пошел, и намеренья были велики.
Ну, а в поле - трава да цветы да деревья вдали,
Попадутся же люди - такие ж они, как везде.
Возвращаюсь. Уселся на стул. Ну-с, о чем же
подумать?
Как могу я узнать, чем я буду, когда неизвестно,
что есть?
Тем, что думаю я? Но я думал стать тем-то и тем-то!
Но на свете есть столько людей, размышляющих
так же,
И поверить мне трудно, что столько на свете людей.
Гений? В эту минуту
В сотне тысяч голов зародится в мечтании гений
не хуже,
А в историю не войдет - верней всего! - ни один.
От грядущих триумфов останется кучка дерьма.
Нет, в себя я не верю.
В каждом сумасшедшем доме есть безумцы,
наделенные уверенностью,
А я, ни в чем не уверенный, я истинней их или нет?
Нет, не только во мне...
В скольких мансардах или не мансардах
Сидят в этот час самозванные гении?
Сколько высоких, чистых, светлых устремлений
Да, высоких, и чистых, и светлых
И, быть может, вполне осуществимых,

Никогда не увидят дневного света,
не достигнут слуха людей?
Мир - для тех, кто родился его покорить,
А не для тех, кто мечтает об этом, хоть и
с полным правом.
Я вымечтал больше, чем Наполеон завоевал.
Я прижал к груди род людской крепче, чем Христос,
Я разработал доктрины, которые Канту не снились.
Но я емь и останусь, наверно всегда, человеком
с мансарды,
Хоть живу и не там.
Я останусь навеки "не родившимся для этого",
Я останусь навеки "тем, кто имел основания...",
Я останусь навеки тем, кто ждет,
что ему распахнется
калитка в стене, изначально лишенной калитки,
Тем, кто, в курятнике сидя, гимн Бесконечности пел,
Тем, кто Господа глас услышал в глубоком колодце.
Верить в себя? Нет. И в ничто другое.
И на воспаленную мою голову обрушивает Природа
Свое солнце, свой дождь, ветер,
ерошащий мне волосы,
И все прочее, что придет или должно прийти,
а может и не прийти.
Сердечники, рабы далеких звезд,
Мы завоюем мир, не встав с постели,
Потом проснемся - как он тускл и мрачен,
Потом мы встанем - мир уже чужой,
Из дома выйдем - мир окажется Землею,
а к ней в придачу
Галактика, и Млечный Путь, и Бесконечность.
(Ешь шоколадки, девочка,
Ешь шоколадки!
В них заключена вся мудрость мира,
Кондитерская наставляет лучше, чем все религии.
Ешь, маленькая, грязная девчонка!
О, если б я мог так самозабвенно, так истинно,
как ты, жевать конфеты,
Но, золотистую фольгу сдирая, я мыслю
И шоколад роняю наземь, как выронил когда-то
жизнь свою.)
А что останется от горечи сознания, что я никем
не буду?
Стремительная скоропись стихов,
Парадный вход, ведущий в Бесконечность.
Но я, по крайней мере, посвящаю бесслезное
презрение самому себе,
И я, по крайней мере, благороден хотя бы в том
движении, которым
Швыряю ветошь самого себя в бесстрастное течение
событий
И без сорочки дома остаюсь.

А ты утешительница!
Тебя нет и поэтому ты утешаешь,
То ли греческая богиня, задуманная
как ожившая статуя,
То ли римская патрицианка, невыносимо благородная
и несчастная,
То ли прекрасная дама трубадуров, разряженная и
изящная,
То ли маркиза восемнадцатого столетия, оголенная
и недоступная,
То ли кокетка, знаменитая во времена наших отцов,
То ли неведомое мне современное - сам не знаю,
кто ты,
Но кто бы ты ни была, в каком бы обличье ни явилась,
если дано тебе вдохновить меня, вдохнови!
Ибо сердце мое вычерпано до дна.
На манер заклинателей духов заклинаю себя самого
И ничего не нахожу.
Подхожу к окну и с непреложной ясностью вижу
улицу,
Вижу лавки, вижу тротуары, вижу катящиеся
автомобили,
Вижу живых, покрытых одеждой существ, бегущих и
сталкивающихся,
Вижу собак - они тоже и несомненно существуют,
И все это гнетет меня, словно приговоренного
к ссылке,
И все это - как и все вообще - чужеземное.
Я пожил, я выучился, я полюбил, я даже уверовал,
Но нет такого бродяги, кому бы не позавидовал
сегодня
лишь потому, что он - это не я.
Гляжу на лохмотья, на язвы, на притворство
И думаю: должно быть, ты никогда не жил, не учился,
не любил и не верил
(Потому что вполне возможно, ничего этого не делая,
создать реальность всего этого),
И, должно быть, ты всего лишь жил-поживал,
как ящерица, у которой оторвали хвост,
А что такое хвост для тех, кто ящерицы ниже?
Я сделал из себя, чего и сам не знал,
А то, что мог бы сделать из себя, не сделал.
И выбрал домино себе не то,
В нем приняли меня совсем не за того, а я
не отрицал и потерял себя.
Когда же маску снять я попытался,
Она так крепко приросла к лицу, что долго ничего
не выходило.
Но все же я сорвал ее и, в зеркало взглянув,
Увидел постаревшее лицо.
Я пьян был и не мог надеть костюм, который раньше
мною не был сброшен.

Я маску сбросил, уснул в швейцарской,
Как безобидный пес по милости привратника.
Чтоб доказать возвышенность свою,
я допишу историю.
О музыка,- стихов моих бесполезных основа,
Вот бы найти тебя, обрести тебя,
А не стоять перед табачной лавкой,
Сознание того, что существую, швырнув себе под ноги,
как коврик,
Как коврик - о него споткнется пьяный или телок,
украденный цыганом,
Не стоящий на рынке ничего.
Но вот хозяин к двери подошел и стал у двери.
Я на него гляжу вполоборота, и затекает шея
И, может быть, еще сильнее - душа, томящаяся от
непониманья.
Умрет он. Я умру.
Уйдет он от разложенных товаров, я от стихов уйду.
Настанет день, его товары сгинут, когда-нибудь
умрут мои стихи.
Потом умрет и улица, где помещалась лавка,
Умрет язык, на котором написаны стихи.
Умрет, вращенье оборвав, планета, где все это
происходило,
А где-нибудь в галактиках иных подобное человеку
существо
По-прежнему будет создавать подобию стихов и стоять
у подобию витрины,
Одно всегда напротив другого,
Одно так же ничемно, как другое,
И невозможное так же нелепо, как действительное,
И тайна глубины так же непреложна,
как тайна поверхности,
Всегда одно или другое или ни того, ни другого.
Но вот заходит в лавку покупатель (за сигаретами?),
И на голову мне обрушивается благотворная
действительность,
И я, убежденный и очеловеченный, обретаю силы,
и привстаю,
И пытаюсь записать стихи, в которых говорю совсем
обратное.
В раздумье над листом бумаги я закуриваю
И вместе с ароматом дыма наслаждаюсь
освобождением всех мыслей.
И слежу за струйкой дыма, как за дорогой верной,
И в этот миг, как чувственник-знаток,
Смакую освобождение от всех спекуляций
И соглашаюсь с тем, что философствование есть лишь
следствие дурного настроения.
Потом, откинувшись на спинку кресла,
Опять курю.
Что ж, покурю, пока Судьба мне это позволяет.

А если бы женился я на дочери моей прачки,
Наверно, счастлив был бы.
И подымаюсь с кресла. Подхожу к окну.
Выходит человек из лавки. (В свой кошелек
пересыпая сдачу?)
Да это же Эстевес, мой знакомый. Он напрочь
метафизики лишен.
(Хозяин лавки снова у дверей.)
И тут, как будто вдохновленный свыше, Эстевес,
оборачиваясь, видит меня.
И машет мне рукою на прощанье. И я ему кричу:
"Прощай, Эстевес!"
И мироздание воссоздаю уже без идеала, без надежды,
Хозяин лавки шлет улыбку мне.

Примечание. Перевод В. Цыбина

Не транжирить времени!
Но что такое оно, чтобы его не транжирить?
Не транжирить времени!
Ни дня без строчки...
Работа честная и святая,
Как у Вергилия или Мильтона.
Но так трудно быть честным или святым
И так невозможно стать Вергилием или Мильтоном!
Не транжирить времени!
Из души выволакивать нежные клетки - не больше,
не меньше
И кубики складывать,
А из кубиков делать картинки
(Перевернешь кубик - на его изнанке тоже
невидимая картинка)...
Возвести картонный домик из своих чувств,
жалкий Китай - вечерние грезы,
А из мыслей - костяшка к костяшке - ленту домино,
А из воли - ударный, бильярдный шар...
Миражи игр, пасьянсов и развлечений
Миражи жизни, миражи жизней; миражи Жизни.
Словобредовие!
Конечно, словобредовие...
Не разбазаривать времени!
Отчитываться перед сознанием о каждой минуте,
Отчитываться перед сознанием о каждой схватке,
Отчитываться перед сознанием о каждом движении
к цели.
Тонкие манеры души...
Элегантность упорства.
Не транжирить времени!
Мое сердце устало, как истинный нищий,
Мой мозг - как тюк, закинутый в угол.

Мой угол (словобредовие) такой как есть и печален.
Не транжирить времени!
Пять минут прошло, как я начал писать.
Я их потерял или все-таки нет?
Если не знаю, потерял или все-таки нет,
что я знаю о минутах других?
(Ты, попутчица по одному купе столько раз
В пригородном поезде,
Заинтересовалась ли мной?
Растраниживал время я, когда глядел на тебя?
Каким был в нас ритм покоя в несущемся поезде?
Каким было родство, которое не состоялось у нас?
Какой была жизнь, заключенная в этом?
И чем это для жизни?)
Не транжирить времени!
Ах, дайте мне растранижить все!
И время, и бытие, и память о времени и бытии.
Дайте мне стать зеленым листком, легко-ласковым
ветерком,
Безвольной и одинокой дорожною пылью,
Стать ручейком, что остался от ливня,
Юлой малыша, которая вместе с землей
Всколебнется внезапно,
И вместе с душою дрожит,
И, словно поверженные идола, падает на пол Судьбы.

Демогоргон. Перевод В. Цыбина

На улице, солнцем бродячим залитой,
есть остановившиеся дома и спешащие люди.
Полная страха печаль меня холодит.
Предчувствую: что-то происходит на той стороне
фасадов и спешки.
О нет, только не это!
Все что угодно, но только не знать, из чего создана
тайна!
Поверхность Вселенной, о, никогда не поднимайтесь,
Опущенные Веки.
Конечно, не вынести взгляд Истины
в Последней Инстанции!
Дайте мне жить, ничего не зная, и умереть,
ничего не зная!
Первопричина бытия, первопричина существований,
первопричина всего
Безумие родит большее,
чем бездны меж душами и созвездьями.
Нет, нет, это не Правда! Оставьте мне эти дома,
этих людей
Таковыми как есть, без всего остального эти дома,
этих людей.

Какой холод и страх дыхания сковал закрытые
мне глаза?
Не хочу открывать их, чтоб жить! О Правда,
забудь обо мне!

Бессонница. Перевод В. Цыбина

Я не сплю, не надеюсь уснуть,
Я и мертвый не надеюсь уснуть.
Меня окружает бессонница шириною с созвездья
И бессвязный зевоткой с мирозданием.
Я не сплю: я читать не могу, когда ночью проснусь,
О Господи, я даже мечтать не могу, когда ночью
проснусь!
Ах, опиум ощущения себя кем-то другим!
Я не сплю, я покоюсь, пробудившийся труп,
и чувствую,
И чувство мое - это палые мысли.
Сквозь меня в перевернутом виде проходит все,
что со мной не случилось.
Все, в чем каюсь и чувствую, что виноват.
Сквозь меня в перевернутом виде проходит ничто.
Даже в этом я каюсь и чувствую, что виноват,
и не сплю.
У меня зажечь сигарету сил нету.
Я смотрю на белую стену перед собой,
как на вселенную.
Там, снаружи, безмолвие пронизало все,
Громада безмолвия,
что во время оно испугало б меня,
Во время оно, когда бы я чувствовал что-то.
Я слагаю воистину милые стихи,
Стихи, которые говорят, что нечего мне говорить,
Стихи, которые упорствуют, говоря про это,
Стихи, стихи, стихи, стихи...
Столько стихов.
Вся правда, вся жизнь вне этих стихов и меня!
Я спать хочу, но я не сплю и чувствую, не зная,
что я чувствую,
Я - просто ощущение, не соответствующее людям,
Абстракция самосознания ничего,
Помимо необходимости сознания ощущать,
Помимо - сам не ведаю - помимо же чего.
И я не сплю. И я не сплю. И я не сплю.
Сон охватил всю голову мою, глаза и душу.
Как огромный сон нисходит на меня, но я не сплю.
О, как опаздываешь ты, рассвет... Приди...
Приди, чтоб неизвестно для чего мне принести
День - прежнего двойник, ночь - прежней двойника.
Приди, чтоб принести мне радость

этого печального ожидания,
Ведь радостен всегда ты и всегда несешь надежду,
Если верить литературе старой о мире чувств.
Приди, надежду принеси, приди, надежду принеси.
Моя усталость сквозь матрац проходит вся наружу,
Болит спина, ведь я лежу не на боку,
А если б на боку лежал - спина б болела
от лежания на боку.
Приди, рассвет, спеши!
Не знаю, сколько времени, не знаю.
Нет у меня энергии, чтоб дотянуться до часов.
Нет у меня энергии ни на что больше, ни на что...
Лишь на стихи, написанные на следующий день.
Да, на стихи, написанные на следующий день,
Ведь все стихи пишутся на следующий день.
Глубь ночи, глубь покоя там, на улице.
Покой во всей природе.
Человечество отдыхает, забыв про огорчения свои.
Все совершенно верно.
Человечество забывает радости и огорчения,
Человечество забывает, забывает, да, забывает.
И даже проснувшись, человечество забывает.
Совершенно верно. Но я не сплю.

Многоточие. Перевод В. Цыбина

Разложить жизнь по полочкам: эта - для желаний,
эта - для действий.
Ныне сделаю это, как хотелось всегда, с одним
и тем же итогом,
Как хорошо иметь ясную цель'- твердую в ясности
что-нибудь сделать!
Сложу-ка я вещи раз и навеки.
Организую Алваро де Кампоса.
И завтра буду, где был позавчера, в вечном позавчера...
Я улыбаюсь от вещего знания о "ничто", которым
я стану.
Я улыбаюсь, по крайней мере, всегда есть чему
улыбаться.
Все мы - продукт романтичности.
А если не были б романтиками - наверно,
были б ничем.
Час делается литература.
Господи Святый, так делается и сама жизнь!
Другие - тоже романтики.
Другие тоже ничего не свершают и являются богачами
и нищими,
Другие тоже всю жизнь собираются вещи сложить,
Другие тоже спят возле ненаписанных строк.
Другие - это тоже я.

Уличная торговка, слагая гимн своему товару,
Шестеренка в часовом механизме политекономии,
Мать нынешних или грядущих, мертвых
этой скорлупы Империй.
Твой голос во мне как призыв в никуда,
как безмолвие жизни...
Я смотрю на листы, что хотел положить на окно,
откуда не видно, но слышно торговку,
И моя нескончаемая улыбка включается
в метафизическую критику
У письменного стола, складывая листы,
я не верил ни в одного бога,
Я смотрел в лицо всех улыбок,
слушая голос торговли,
И усталость моя - умирающий, ветхий корабль
на пустом берегу,
Этим образом какого-то поэта завершаю стихи
и отхожу от стола...
Словно я ничего не сложил, ничего не довел до конца.

День рождения. Перевод В. Цыбина

В каждый праздничный день моего рожденья
Я был счастлив и все были живы.
В доме старинном праздновали дни моего рожденья,
И радость всех, и моя, как чья-то религия,
бесспорной была.
В каждый праздничный день моего рожденья
Во мне жило, как здоровье, непонимание всего.
Умная и здоровая жизнь в семье,
Здоровое безнадёжье, взваленное на меня.
Когда же пришли надежды, я знал, что лучше их
не иметь,
Когда же взглянул на жизнь - вкус к жизни
я потерял.
Да, все надежды, возложенные на меня,
Все, мне родственное и сердечное,
Все - вчера полупровидец, все!
Вся любовь на все мои детские годы,
Все, что было, о Господи, только сегодня я знаю,
что было...
На каком расстоянии!..
(Трудно представить себе...)
О, это время празднования дней моего рожденья...
То, чем сегодня я стал, это как сырость дальнего
коридора,
Портящая стены...
То, чем сегодня я стал - это продали дом
И умерли все.
А я самого себя пережил, как холодная спичка...

В каждый праздничный день моего рожденья
Я люблю эти праздники, как человека!
Сердце тянется там побывать еще раз,
Совершить путешествие в грезах и в яви одновременно
С таким же двойным бытием, как я сам...
Съесть бывшее, не мешкая, как голодный ест хлеб,
о масле забыв!
Я все вижу опять в ослеплении счастья бывшего...
Стол, приборы на нем и рисунки на звонкой посуде
Изобилие лакомств, сладости, фрукты и еще
что-то там - разглядеть не могу.
Мои старые тетки, кузены - из-за меня собрались
В то время, как праздновали день моего рожденья...
Сердце, стой!
Сердце, стой и не думай! Пусть думает голова!
Господи, Господи, Господи!
Сейчас я не праздную дни своего рожденья,
Я существую,
Дни прибавляя друг к другу.
В сроки свои я состарюсь.
Только всего!
Я бешусь - ведь бывшее у меня из кармана украли...
О время, когда праздновали дни моего рожденья...

Тряпка. Перевод В. Цыбина

Днем разразился дождь,
Хотя с утра высь голубела.
Днем разразился дождь,
С утра я был чуть-чуть печален.
Не знаю: грусть? Чутье? Мираж?
Но только грустным я проснулся,
Днем разразился дождь.
Я знаю: элегантна мгла дождя.
Я знаю: солнце элегантность эту гнетет.
Я знаю: чувствовать погоду не элегантно.
Но кто сказал и солнцу и другим,
что я хочу быть элегантным?
Мне голубое небо дайте и дайте мне
увидеть солнце.
Дождь, мгла, туман - все это
имеется во мне.
Сегодня я хочу покоя себе сейчас лишь одного.
Я б полюбил очаг домашний, поскольку
не имел его.
Я то и дело засыпаю - вот как покоя я хочу.
И преувеличивать не надо
Спать я действительно хочу.
Днем разразился дождь.
Тепло? Привязанности? Ласки? Они

воспоминаний груз.
Но надо быть ребенком, чтобы иметь их.
Мое утраченное утро, моя небес голубизна!
Днем разразился дождь.
У управляющего дочка красивый рот,
Фруктовая начинка сердца, которую съесть
предстоит.
Когда же это было? Не знаю я...
В то утро, когда небо было синим.
Днем разразился дождь.

Реальность. Перевод В. Цыбина

Да, сколько раз я проходил здесь двадцать лет
тому назад...
Все так, как было, или я не замечаю перемен
Вот в этой части города?..
Да, двадцать лет тому назад!..
Каким тогда я был, каким? Что ж, был другим я, был
другим...
Да, двадцать лет! Родимый дом совсем
не ведает о том...
Да, двадцать бесполезных лет. (А может,
все-таки и нет?
Откуда знать, в чем польза есть иль нет?)
Да, двадцать лет - а где их след? (И как их можно
потерять?)
И я пытаюсь воссоздать в воображении своем,
Каким я был, каким меня запомнил
Двадцать лет назад мой дом...
Но я не помню ничего и вспомнить не могу того.
О, если бы и ныне жил, кто здесь когда-то проходил,
Он вспомнил бы, наверно, всех...
О, скольких же героев книг я изнутри узнал, постиг,
Чем одного я, чем того, кем был,
когда здесь проходил,
здесь, двадцать лет тому назад!
Да, тайна времени здесь есть.
Да, это ничего не знать.
Да, это то, что мы во мгле рождаемся на корабле.
Да, да, вместе все или еще об этом иначе сказать.
Из этого окна второго этажа - оно все то же,
то окно,
Глядела девушка, меня постарше, в платье голубом.
Вся в голубом, а где сейчас? Кто там за пасмурным
окном?
Представить можно все, о чем не знаем даже ничего.
Моя душа и плоть моя - недвижны
и знать об этом не хотят...
Был день, когда по улице я подымался здесь

и о грядущем думал всласть,
Ведь позволяет Бог о том, что не было,
мечтать.
И вот спускаюсь я по ней - и все невесело, в былом...
Но я не думаю о нем...
Мне кажется, что две судьбы столкнулись здесь
и не сейчас и не тогда,
Но только здесь, не помешав друг другу, здесь.
Мы поглядели друг на друга и равнодушно разошлись.
И я тот, прежний, поднимался к подсолнуху грядущих
дней,
А нынешний - стал опускаться по улице и в никуда.
Наверно, это так и было...
Наверно, так произошло...
Да, в самом деле так и было...
Да, все возможно...

"В воскресенье я пойду в сад в обличий других..." Перевод В. Цыбина

В воскресенье я пойду в сад в обличий других,
И безликости своей буду радоваться я.
В воскресенье буду счастлив - я, то есть все они
и я...
В воскресенье...
А сейчас четверг недели той,
где нету воскресенья.
Никакого воскресенья,
И не будет никогда воскресенья, воскресенья.
Но всегда по воскресеньям в сад приходит
кто-то, бродит.
Так и жизнь вот так проходит,
Жизнь идет неуловимо, кто ее умеет слышать
Более-менее, проходит для того, кто любит
думать:
Ведь всегда по воскресеньям возится
в садах тех кто-то,
Пусть не в наше воскресенье,
В воскресенье не мое,
В воскресенье...
Но всегда другие будут в сад спешить
по воскресеньям,
Воскресеньям...

Отдых за городом. Перевод В. Цыбина

О, спокойствие ночи и за городом отдых!
О, спокойствие, которое кажется глубоким таким.
Лай собак, пронизающий ночь.

О, спокойствие, что подчеркнуто еще более тем,
Что ничто в темноте не кружит и не шепчет...
Как гнетет меня это!
Как счастье гнетет!
И такая идиллия для кого-то - не для меня.
Без жужжания, без шепота,
Под небом, усыпанным веснушками звезд,
С громким лаем собак, сдабривающим этот покой.
Я приехал сюда отдыхать,
Но дома оставить себя позабыл.
Я привез с собой шип, вонзенный
в однотелое существо,
Тошноту кочевую и болезнь ощущения
себя самого.
Непокой этот вечен, расщепленный на крошки,
Словно хлебная корка, что крошится в руках.
Эта немощь вечна, я ее выпиваю глотками,
Как вино для пьянчуги, кого тошнотой не удержишь.
Вечно, вечно, вечно...
Этот дефект кровообращения во глубях души,
Этот обморок чувств,
Все это, все это...
Твои тонкие руки немного бледны и немного мои
Упокоены были в тот день, ты сидела,
Держа ножницы в правой, на другую
наперсток надев,
Погрузившись в раздумья,
ты смотрела, не видя меня.
Крошка памяти, которую можно забыть.
И вот полувздохнула, выходя из покоя,
Ты взглянула, увидев меня, и сказала:
"Жаль, что все дни не такие".
Как будто в тот день ничего не случилось...
Ах, не знала,
К счастью, не знала,
Что было бы жаль, если б дни все были такие.
Но плохо, что в счастье своем и несчастье
Душа наслаждается или болит
в отвращении ко всему,
Сознательно или в беспамятстве,
Мысля или не мысля,
Плохо вот это как раз.
С точностью снимка я вспоминаю
недвижные руки твои,
Нежно вытянутые.
Сейчас вспоминаю я их - не тебя.
Что случилось с тобой?
Я знаю - в прекрасных просторах судьбы
Ты замужем. Видимо, матерью стала.
И счастлива, может.
Почему и не быть бы счастливой тебе?
Лишь по ошибке...

Да, это было бы несправедливо...
Не справедливо?
(В полях был солнечный день, и я улыбаясь
думал.)

.....

Жизнь.
Белое или красное: мне все равно.
Меня не стошнит.

Облака. Перевод Б. Слуцкого

В печальный день у меня на душе печальнее,
чем у самого дня...
Моральные и общественные обязательства?
Переплетение долга и дела?
Нет, Ничто, Пустота...
Печальный день, когда нет ни воли, ни желания,
ни сил...
Многие путешествуют (я тоже путешествовал),
многие радуются солнцу
(Я тоже радовался или думал, что радуюсь),
Все обладают здравым смыслом, или волей к жизни,
или соответствующим невежеством,
Тщеславием, жизнерадостностью, общительностью.
Все уезжают, чтобы возвращаться или
не возвращаться
На везущих без затей пароходах.
Они не чувствуют, что во всяком отъезде
есть что-то от смерти,
Во всяком прибытии - от тайны,
В любой новизне - от ужаса...
Они не чувствуют, потому что они депутаты
и банкиры,
Потому что танцуют и занимаются коммерцией,
Посещают все театры и заводят знакомства...
Они не чувствуют: к чему бы им чувствовать?
Расфуфыренное стадо из хлева богов
Пропустите его под солнцем, на заклание
Увенчанное, воодушевленное, жизнерадостное,
самодовольное...
Я посторонился, но все же пошел с ними,
хотя я не был увенчан,
Навстречу той же судьбе!
Я бреду с ними без солнца, которое надо мной,
без жизни, которая во мне,
Бреду с ними, лишенный их неведения...
В печальный день у меня на душе печальнее,
чем у самого дня...

В печальный день, а печальны все дни...
В такой печальный день...

Случайность. Перевод Б. Слуцкого

Случайная улица, на ней случайная белокурая девушка.
Но нет, это не так.
На другой улице в другом городе была другая, и я был другим.
Внезапно у меня появляется второе зрение,
Я снова в другом городе на другой улице,
И другая девушка проходит мимо.
Неотступное воспоминание - великое благо!
Потому что я могу пожалеть о том, что никогда
с тех пор не видел ту девушку,
И о том, что, по сути, даже не взглянул на эту.
Великое благо - обладать душой, умеющей
оглядываться!
По крайней мере, пишутся стихи.
Пишутся стихи, можно прослыть безумцем, а если
подвернется случай, и гением.
Если подвернется или даже не подвернется случай,
Чудотворец знаменитости!
Я сказал, что, по крайней мере, пишутся стихи...
Но этот - в честь девушки, белокурой девушки,
Однако которой из двух?
Ведь была одна, увиденная давным-давно
в другом городе
И тоже на улице;
И была другая, увиденная давным-давно
в другом городе
И тоже на улице;
Потому что все воспоминания - это одно и то же
воспоминание,
Все, что было,- все та же смерть,
Вчера, сегодня, кто знает, быть может, завтра?
Прохожие смотрят на меня с внезапным удивлением.
Гримасы, жесты - не сочиняю ли я стихи?
Возможно... Белокурая девушка?
В конечном счете - та же самая...
В конечном счете - все та же самая...
Только я, что ни говорите, не тот же самый, что,
собственно, то же самое, в конечном счете.

Набросок. Перевод А. Гелескула

Разбилась моя душа, как пустой сосуд.
Упала внезапно, катясь по ступенькам.

Упала из рук небрежной служанки.
И стало больше осколков, чем было фаянса.
Бредни? Так не бывает? Откуда мне знать!
Я чувствую больше, чем когда ощущал себя
целым.
Я горсть черепков, и надо бы встряхнуть коврик.
Шум от падения был как от битой посуды.
Боги -- истинно сущие -- свесились через перила
Навстречу своей служанке, превратившей
меня в осколки.
Они не бранятся.
Они терпеливы.
И какая цена мне, пустому сосуду?
Боги видят осколки, где абсурдно таится сознание.
Но сознание себя, а не их.
Боги смотрят беззлобно,
Улыбаясь невинной служанке.
Высокая лестница устлана звездами.
Кверху глазурью, блестит среди них черепок.
Мой труд? Моя жизнь? Сердцевина души?
Черепок.
И боги взирают, не зная, откуда он взялся.

О музыке. Перевод Б. Слуцкого

Ах, мало-помалу меж древних деревьев
Возникает фигура, и я перестаю думать...
Мало-помалу из тоски, скрытой во мне,
я сам возникаю...
Две фигуры сходятся на поляне близ озера...
...Две приснившиеся фигуры,
Потому что это просто лунный отблеск моей печали,
И мысль о возможности чего-то иного,
И итог всего существования...
А на самом деле, сошлись бы две фигуры
На поляне близ озера?
(...А если они не существуют?..)
На поляне близ озера?..

"Крест у табачной лавки на двери!.." Перевод Б. Слуцкого

Крест у табачной лавки на двери!
В изнеможение к стене я склонился.
Алвес умер? Он самый. Не верю.
Город мгновенно весь изменился.
Здесь мы встречались долгие годы.
Нынче я этой привычки лишился.
Алвес не встанет больше у входа.

Город мгновенно весь изменился.
Легче мне было нести свое бремя,
Зная, что в лавке он находился
Утром, а также в вечернее время.
Город мгновенно весь изменился.
Рядом со мною смерть прошагала.
В лавке табачной страх угнездился.
Стало мне грустно, тоскливо мне стало.
Город мгновенно весь изменился.
Он хоть торчал у дверей постоянно!
Кто бы заметил, кто бы хватился,
Если умру я? Сказал бы: как странно!
Город мгновенно весь изменился.

"Наступает полночь, и тишина опускается..." Перевод Б. Слуцкого

Наступает полночь, и тишина опускается
На все, что поставлено одно на другое,
На разные этажи нагромождения жизни...
Смолкло пианино на третьем этаже...
Не слышны шаги на втором...
На первом стихло радио...
Все засыпает...
Остаюсь наедине со вселенной.
К окну меня не тянет!
Кроме звезд, ничего не увидишь!
Какое большое молчание разлито в выси!
Небо такое антигородское!
Послушаю уличные шумы
С тоскою пленника,
Томящегося о воле.
Автомобиль! Это для меня слишком скоро!
Беседе двойных шагов внимаю,
Слышу, как резко хлопают двери...
Все засыпает...
Я один не сплю и сквозь дремоту
Вслушиваюсь, ожидаю,
Что прежде, чем усну, что-то будет...
Что-то будет.

"Да, это я такой, каким я стал в итоге..." Перевод Б. Слуцкого

Да, это я такой, каким я стал в итоге,
Не то остаток, не то избыток себя самого,
Хаотические пригороды своей же искренности,
Это я, здесь, в самом себе.
Все, чем я был и не был, это я.
Все, чего желал и не желал, стало мною.

Все, что любил и разлюбил, вобрала моя тоска.
И в то же время мне кажется, словно в сумбурном сне,
Возникшем на перекрестке разных явей,
Что меня бросили на трамвайном сиденье,
Чтобы тот, кто сядет, нашел меня.
И в то же время мне видится, словно вдали,
Словно со сна, припоминаемого в полудреме,
Что на самом деле я лучше.
Да, да, мне сдается, немного болезненно,
Будто я спал без сновидений
И проснулся перед встречей с бесчисленными
кредиторами,
Будто я споткнулся на пороге и все разбил,
Будто упаковал все, но забыл зубную щетку,
Будто меня когда-то подменили.
Довольно! Я ощущаю, отчасти метафизически,
Словно луч солнца, блеснувшего в окнах
покидаемого дома,
Что лучше оставаться ребенком, чем желать
постигнуть мир,
Ощущаю хлеб с маслом, игрушки,
Великий покой без садов Прозерпины.
Хочу всю жизнь стоять, уткнувшись носом в окно,
Глядя на дождь, стучащий снаружи,
И не преодолевая бесслезных рыданий.
Довольно, хватит! Такой уж я, подмененный,
Гонец без писем и верительных грамот,
Печальный шут, паяц в чужой мантии,
С погремушками на голове,
Позванивающими, как бубенцы в ярме.
Такой уж я, шарада без конца и начала,
Которой никому не разгадать на провинциальной
вечеринке.
Такой уж я, что поделаешь!

Дактилография. Перевод Б. Слуцкого

Склоняюсь над чертежами своей инженерской кельи,
Тружусь в уединении над проектом,
Позабыв, где я и что я.
Рядом аккомпанемент банальный, зловещий,
Пишущих машинок тик-так дребезжащий.
До чего же жизнь тошнотворна!
Сколько гнусности в обыденности!
Какой все это дурной сон!
В иные времена, когда я сам был иным, существовали
рыцари и замки
(Наверно, на картинках в детской книжке),
В иные времена, когда я был верен грезе,
Были бескрайние пейзажи Севера, уточненные снегом,

Были огромные пальмовые рощи Юга, изобиловавшие
зеленью.
В иные времена.
Рядом аккомпанемент банальный, зловещий,
Пишущих машинок тик-так дребезжащий.
У нас у всех по две жизни:
Подлинная, о которой грезим в детстве
И продолжаем, словно в тумане, грезить взрослыми;
И фальшивая, где мы сосуществуем со всеми
остальными,
Практичная и утилитарная, она в конце концов
доводит нас до гроба.
В первой нет ни гроба, ни смерти,
Есть только детские картинки:
Большие разноцветные книги - их разглядывают,
а не читают;
Большие многокрасочные страницы - их
вспоминаешь позднее.
В этой жизни мы - это мы,
В этой жизни мы живем;
А в другой мы умираем, и в том ее смысл;
В данную минуту, как мне ни тошно,
я в первой жизни.
Рядом аккомпанемент банальный, зловещий,
Пишущих машинок тик-так дребезжащий.

"Я чувствую прежде всего усталость..." Перевод Б. Слуцкого

Я чувствую прежде всего усталость
Не по той или другой причине.
Скорее от всего и от ничего сразу.
Усталость, как таковую, ее самую,
Усталость.
Утонченность бесплодных чувствований,
Бешеная страсть, ни на что не обращенная,
Сильная любовь к чему-то неопределенному,
Все эти обстоятельства
И то, чего мне в них всегда недостает,
Все это вызывает усталость,
Только усталость,
Усталость.
Несомненно, есть любящие бесконечность,
Несомненно, есть желающие невозможного,
Несомненно, есть ничего не желающие,
Три типа идеалистов, я к ним не принадлежу,
Потому что бесконечно люблю конечное,
Потому что до невозможности желаю возможного,
Потому что хочу всего и еще немножко,
Если так бывает и даже если так не бывает...
А в результате?

Их жизни - прожиты или пригрезились,
Их сны - пригрезились или прожиты,
Их середины - между всем или ничем, то есть это...
Для меня же все только великая, только глубокая
И, к счастью, бесплодная усталость,
Самая высокая усталость,
Самая, самая, самая
Усталость...

"В доме, стоящем напротив меня и моих снов..." Перевод Б. Слуцкого

В доме, стоящем напротив меня и моих снов,
Столько счастья всегда!
Я не знаю людей, что там живут, я их и видел
и не видел,
Они счастливы, потому что они - не я.
Дети, что резвятся за мансардными окнами,
Несомненно, будут вечно жить
Среди цветочных горшков.
Голоса, долетающие изнутри,
Несомненно, всегда поют.
Они не могут не петь.
Когда на улице праздник, праздник и там, внутри.
Так и должно быть там, где Человек и Природа
Пригнаны друг' к другу, - ведь город тоже Природа.
Какое большое счастье не быть мною!
Но разве другие не чувствуют того же, что я?
А кто такие другие? Нет никаких других.
Другие видят дом с закрытым окном,
Которое открывается лишь для того,
Чтобы дети поиграли в тюремной галерее
Среди цветочных горшков, которые я никогда не видел.
Другие ничего не чувствуют.
Чувствуем только мы.
Да, мы,
И даже я, не чувствующий сейчас уже ничего.
Ничего? Не знаю...
Это Ничего болит во мне.

"Древние, как известно, зывали к музам..." Перевод Б. Слуцкого

Древние, как известно, зывали к музам.
Мы же сами к себе зываем.
Я не знаю, как на их зов откликались музы
Тут имело значенье, наверно, и как
И к кому зывали,
Но уж мы-то не откликаемся вовсе,
Это я знаю точно.

Сколько раз я смиренно склонялся над неким
Воображаемым мною колодцем,
И кричал, и аукал, надеясь услышать эхо.
Но неизменно я видел одно и то же
Только смутно мерцавшую темную воду
Там, в глубине бесполезной...
И никакого ответа...
Лишь неясное отражение лица,
Моего, конечно, лица,
Ибо быть здесь не может другого.
Да и оно, различимо едва,
Призрачно светится там, в глубине,
Там, в тишине,
На дне...
Ах, что за муза!

"Я устал, это ясно..." Перевод Б. Слуцкого

Я устал, это ясно,
Потому что люди должны уставать, когда приходит
время.
От чего я устал, не знаю,
И знать ни к чему,
Потому что усталость осталась такой же.
Рана болит, как и прежде,
Но уже без всякой причины.
Да, я устал
И немного рад тому,
Что усталость не более,
Чем желание спать - для тела,
Стремление не думать - для души
И, сверх того, удивительная ясность,
С которой понимаешь бывшее...
И наслаждение - не оттого ли, что с надеждами
покончено?
Я мудр - вот и все.
Я многое видел и многое понял из того, что видел.
В рожденной этим усталости есть некая отрада,
Потому что голова на что-нибудь в конце концов
годится.

"Все любовные письма..." Перевод Б. Слуцкого

Все любовные письма
Смешны.
Не были бы любовными, если бы не были
Смешны.
Я тоже писал в свое время любовные письма,

И они были, как и все другие,
Смешны.
Любовные письма, если любишь,
Должны быть
Смешны.
Однако, в сущности,
Только люди,
Никогда не писавшие любовных писем,
В самом деле
Смешны.
Разве они бы ответили на мои письма
В те времена, когда я их еще писал,
Письмами, которые были бы тоже
Смешны?
Говоря по правде, сегодня
Как вспомню,
Мои любовные письма
Были смешны.
(Все чрезвычайные слова,
Как и все чрезвычайные чувства,
Само собой разумеется,
Смешны.)

**"Здесь, на верхней палубе, в кресле, смежил я ресницы..." Перевод Ю.
Левитанского**

Здесь, на верхней палубе, в кресле,
смежил я ресницы,
и судьба моя вмиг предо мною предстала
как катастрофа.
Мое будущее и прошлое перемешались.
Это происходило в курительном салоне,
среди его шума,
в котором по временам различал я звуки
шахматной партии, близившейся к финалу.
Ах, как плавно
покачиваюсь я над волнами!
Ах, до чего же славно
меня убаюкивает эта удобная мысль,
что сегодня еще не завтра.
Что, по крайней мере, в этот момент
ни за что я не отвечаю
и не личностью здесь себя ощущаю, а чем-то
вроде книги, которую оставила в кресле шведка.
Ах, я весь погружаюсь
в свое, несомненно несколько сонное, воображение,
почти безмятежное в своем беспокойстве,
временами похожее на ребенка,
которым я был когда-то,
когда я играл в саду и не знал ни алгебры

и ни прочих
предметов с иксами и играками, означавшими чувства.
Ах, весь я тоскую
по тем временам, не оставившим даже заметного следа
в моей жизни дальнейшей.
Ах, весь я тоскую по тем временам, тем коротким
мгновеньям,
когда еще был я никем, тем коротким мгновеньям,
когда я впервые постиг всю бессмысленность
существования,
если разума нет, чтоб осмыслить его...
Были море, луна, одиночество, о Алваро!

**"Очнуться от города Лиссабона, уже от других очнувшись..." Перевод Ю.
Левитанского**

Очнуться от города Лиссабона, уже от других
очнувшись,
Очнуться от улицы Золота,
Очнуться от Росио, уже выходя из кафе,
Очнуться
И оказаться вдруг на вокзале, всегда бессонном,
Словно сердце, лишенное права на передышку.
Занимается утро, неизменно на том же месте,
Ибо нет городского и нет деревенского утра.
В час, когда день начинается первым лучом
своим ранним,
Все места - то же самое место, и земля вся едина,
И для всех эта свежесть, струящаяся отовсюду.
Плотью самой нам даруемая окрыленность
Сладость жить ощущениями тела,
Несравненная радость ожидания того, что сегодня
Что-то доброе с нами случится,
Эти чувства рождаются в нас, когда мы наблюдаем
зарю,
Ту, идущую легкой походкой по горным вершинам
Или штормом берушую город,
У которого улицы тянутся прямо с востока на запад
Какой ни была бы.
Женщина, плачущая неслышно
Среди шума толпы бегущей...
Уличный торговец,
Зазывающий зычно прохожих
На своем наречье неповторимом...
Одинокий архангел, скульптура собора
Или сирены, убегаящие от Пана,
Все это стягивается в единую точку,
Пытаясь в душе моей себя обрести
И слиться.
Обожаю все сущее,

Мое сердце подобно гостинице,
Двери которой всегда открыты.
Жадно вглядываюсь во все живое
И стараюсь понять, ощутив получше.
Все люблю и все наделяю душою,
Человечностью наделяю
Человека, и камень,
И животное, и машину
И от этого сам становлюсь богаче.
Принадлежу буквально всему,
Чтобы все более становиться самим собою.
Я хотел бы вселенную эту таскать на руках,
Точно старая няня - младенца.
Все люблю, все предметы и вещи,
те больше, те меньше!
Те, которые вижу сейчас,- я их больше люблю,
Чем которые видел когда-то или завтра увижу.
Ничего нет прекраснее для меня,
Чем движение и ощущение.
Жизнь - огромная ярмарка, и на каждом шагу
Балаганы и акробаты.
Впрочем, мысль эта может меня умилить,
Но утешить не может.
Дай мне лилии, лилии,
Дай мне розы в придачу.
Одари меня розами,
Дай мне лилий в придачу.
Хризантемы, подсолнухи,
Георгины с фиалками
Всех превыше цветов...
Так бросай же охапками,
Всю мне душу наполни,
Одари меня розами,
Дай мне лилий в придачу...
Мое сердце все плачет
В этих парках тенистых,
И никто в целом мире
Не утешит, как надо,
Кроме этой же тени,
Наполняющей душу
В час, покуда я плачу.
Одари меня розами,
Дай мне лилий в придачу...
Моя боль так стара,
Как флакон, где когда-то был спирт,
но давно испарился.
В моей боли и смысла не боле, чем в клетке
для птицы
В том краю, где не водятся птицы.
Моя боль так тиха и грустна, как песок побережья,
До которого море давно не доходит.
Я стою на развалинах древних

И смотрю сквозь разбитые окна наружу,
Чтобы там, в настоящем, найти утешенье.
Одари меня розами,
Дай мне лилий в придачу...
Впрочем, сколько бы роз да лилий ты мне
ни дарил бы,
Все равно будет мало - чего-то всегда не хватает.
Все о чем-нибудь буду грустить,
Все чего-то желать буду снова.
Так что ты обо мне не тревожься чрезмерно,
Даже если я буду о чем-то тебя умолять
Не старайся придать моей просьбе
большого значенья,
Мой чахоточный бедный детеныш,
Дай мне розы твои, твои лилии,
Одари меня розами,
Дай мне лилий в придачу...

**"Мы встретились, он столкнулся со мной на одной из улиц Байши..." Перевод Б.
Слуцкого**

Мы встретились, он столкнулся со мной на одной
из улиц Байши,
Нищий оборванец, чья профессия читалась на лице,
Он проникся симпатией ко мне, я - к нему;
И в порыве взаимной любви, переливавшейся
через край, я отдал ему все, что имел
(Разумеется, кроме того, что лежало в кармане
для крупных купюр;
Я не дурак и не пылкий русский романист,
А романтизм хорош, но только без спешки...),
Я симпатизирую этому люду,
Особенно когда он не стоит симпатии.
Впрочем, я сам бродяга и нищий,
К тому же по своей воле.
Быть бродягой и нищим не значит бродить
и нищенствовать,
А значит обходить социальную лестницу,
Не принимать моральные нормы,
И реальные и сентиментальные моральные нормы,
Не быть Верховным Судьей, сановником,
проституткой,
Не быть всамделишным бедняком, эксплуатируемым
рабочим,
Не быть неизлечимым больным,
Не быть ни правдоискателем, ни кавалерийским
офицером,
Не быть, наконец, никем из социальных героев.
Изливающих себя в беллетристике, потому что у них
есть поводы рыдать,

И восстающих против общественного строя,
потому что у них есть для этого причины.
Нет! Что угодно, лишь бы не было причин!
Что угодно, лишь бы не причислять себя
к человечеству!
Что угодно, лишь бы не уступать человечности!
Ощущение становится никчемным, если у него
есть внешние поводы.
Да, быть нищим и бродягой, таким, как я,
Что отнюдь не значит быть обычным нищим
и бродягой.
Уйти в себя - вот что значит быть бродягой,
Вымаливать у дней, чтобы они проходили мимо,
оставляя нас в покое,- вот что значит быть нищим.
Все прочее - как у какого-нибудь Достоевского
или у какого-нибудь Горького,
Все прочее - значит стать голодным оборванцем.
Даже если это случается, то с таким множеством лиц,
Что вряд ли стоит жалеть всех, с кем это случается.
Я бродяга и нищий в самом деле, то есть
в переносном смысле,
И я купаюсь в волнах огромной жалости к самому себе.
Бедный Алваро де Кампос!
Столь далекий от жизни! Столь погрязший
в собственных ощущениях!
Бедняга, втиснутый в кресло меланхолии!
Он, бедняга, со слезами на глазах (подлинными)
Отдал сегодня так либерально, так по-московски,
так великодушно, так порывисто
Все, что было в кармане, где было совсем немного,
Бедняку, который не был бедняком, но у которого
были печальные глаза профессионала.
Бедный Алваро де Кампос, который никому не нужен!
Как он, бедняга, жалеет самого себя!
Тем не менее он в самом деле бедняга!
Куда более, чем многие бродяжничающие бродяги
И нищенствующие нищие, потому что человеческая
душа - это бездна.
Я-то знаю! Самый настоящий бедняга!
Хорошо бы провести митинг в своей собственной
душе!
Нет, я не такой дурак!
Не могу защищаться с помощью социальных
убеждений.
Я слишком умен, чтобы вообще защищаться.
Не пытайтесь обратить меня силой: я слишком умен.
Говорю же вам: я слишком умен.
Слушать не хочу об эстетике, замешанной
на душевности: я слишком умен.
Черт подери! Слишком умен.

"На пристани уже слышно - он приближается..." Перевод Ю. Левитанского

На пристани уже слышно - он приближается.
Все гуще толпа встречающих. Пароход,
идуший из Африки, уже виден достаточно четко.
Я пришел сюда не затем, чтобы встретить кого-то.
Только лишь посмотреть, как встречают другие.
Быть кому-то надеждой.
Я устал постоянно быть тем-то и тем-то.
Вот прибывают и те, что опоздали к началу.
И внезапно терпенье мое иссякает
существовать, надеяться, быть.
Внезапно я ухожу, и все это видят,
мимо дежурного, мельком взглянувшего на меня.
К городу возвращаюсь - точно к свободе.
И все-таки чувствовать стоит - хотя б для того,
чтоб перестать однажды.

Там, я не знаю где... Перевод Ю. Левитанского

Колокол на вокзале, перед дорогой...
Не торопите меня этим гулким звоном!
Я хотел бы побыть еще здесь, на вокзале души моей,
в тишине и покое, покуда ко мне не приблизился
этот поезд железный, который меня увезет,
чтоб уже не вернуться,
и пока не почувствую я, что и впрямь уезжаю,
и пока на подножку вагона не стану ногой,
не отвыкшей дрожать всякий раз, когда я уезжаю.
Мне хотелось бы в этот час, на перроне еще
не ушедшего дня,
покурить, еще будучи связанным с жизнью вчерашней.
Эта жизнь бесполезная, которую лучше б и вовсе
покинуть,
говорите, тюрьме подобна?
Ах, какое значение это имеет! Ведь если я узник
этой тюрьмы огромной - то о размерах
собственной камеры стоит ли думать?
Поезд уже отошел от соседней станции.
Меня начинает поташнивать от сигареты...
Прощайте, прощайте, прощайте, все,
не пришедшие
со мною проститься,
о семейство мое, существующее лишь условно...
Прощай, мой сегодняшний день, о перрон ушедшего
дня,
прощай, моя жизнь, прощай!
Остаться, словно пакет, оставленный кем-то,
по ту сторону полотна, под охраной толпящихся

пассажиров.
Быть обнаруженным сторожем, когда поезд отойдет
от перрона:
"Что за рассеянный тип здесь оставил это?"
Остаться, думая об отъезде.
Остаться, понимая, что правильно сделал.
Остаться, чтоб умереть не сразу...
Я отправляюсь в грядущее, как на трудный экзамен.
А вдруг этот поезд никогда не придет и господь меня
пожалует?
Я на вокзале - ах, это пока не более чем метафора.
Я человек весьма представительный с виду.
Можно со стороны подумать, что я долго жил
за границей.
У меня манеры вполне воспитанного человека.
Я сам поднимаю свой чемодан - брать носильщика
не считаю приличным.
И рука, поднимающая чемодан, она тоже дрожит
при этом.
Уехать!
Никогда не вернусь обратно,
никогда не вернусь, потому что не возвращаются те,
кто уехал.
Место, куда возвращаются - всегда другое.
Вокзалы, куда возвращаются - всегда другие.
Не те уже люди, и мир, и само понимание мира.
Уехать, о, бог мой, уехать!.. Страшусь отъезда!

Марциальная ода. Перевод Б. Слуцкого

Безводная река - в ней только бесчисленные
люди и вещи,
Но она до ужаса безводна!
В ушах у меня барабаны грохочут,
Понять не могу, реку ли я вижу, барабаны ли слышу,
Как будто и слышать и видеть нельзя их вместе!
Эла-о-о! Эла-о-о!
Ручная машинка бедной вдовы, штыком
умерщвленной...
Когда-то по вечерам она на ней шила...
Стол, за которым старые люди играли в карты,
Все это смешалось, смешалось с телами и кровью,
Все стало одной рекою, одной волною, одним
ползучим кошмаром.
Эла-о-о! Эла-о-о!
Я откопал расплющенный на мостовой жестяной
паровозик
И плакал, как плачут все матери мира в страхе
пред жизнью,
Своею ногой пантеиста споткнулся о швейную

машинку вдовы, умерщвленной штыком,
И бедная, мирная эта машинка копьем мне сердце
пронзила.
Да, я во всем виноват, я, солдат,
Что всех убивал, насиловал, жег и рушил,
Нечистая совесть моя, мой позор отбрасывают
безобразные тени,
Подобные Агасферу, бродили они со мною по свету,
А вслед за моими шагами другие шаги громыхали,
размашистые, как бесконечность.
Внезапно заставил меня закрыть глаза
физический страх от возможной встречи с Богом.
Абсурден Христос, искупающий все преступления
и все насилия,
Мой крест - во мне, недвижимый, жгущий, крушащий,
Все вобрала душа моя, безбрежная, как вселенная.
Я вырвал игрушку из рук ребенка и ударил ребенка.
Глаза у него - как глаза моего сына, который
у меня, быть может, еще родится и которого
также убьют,
Испуганно и благочестиво молили меня за всех,
того не ведая сами.
Из комнатухи старухи я выволок портрет ее сына
и разорвал на клочки.
Испуганная и бессильная, она зарыдала...
Я внезапно понял, что она - моя мать, и всей кожей
ощутил страх божий.
У бедной вдовы разбил я машинку.
Она захлебнулась рыданием, забыв о швейной
машинке.
А что, если в мире ином у меня будет дочь, и она
овдовеет, и с нею будут так обращаться?
Я, будучи капитаном, велел расстрелять крестьян
дрожащих,
Позволил насиловать дочерей, чьи отцы привязаны
были к деревьям.
Теперь я понял, что все это произошло в моем сердце,
Что все это жжет и душит и я не могу шевельнуться,
не ощутив этой боли.
Боже, сжался надо мной, никого не жалевшим!

Требуха в томатном соусе. Перевод Е. Голубевой

Однажды, в недорогом ресторанчике, вне времени
и пространства
Мне подали любовь - под видом холодной требухи
в томатном соусе.
Я вежливо сказал посланцу кухни,
Что предпочитал бы есть ее горячей,
Что это блюдо - требуху в томатном соусе

холодным не едят.
Мне стали возражать.
Я всегда оказываюсь неправ, даже в ресторане.
К холодной требухе я не притронулся,
другого ничего мне не хотелось,
Я заплатил по счету и пошел бродить по улицам.
Какая бессмыслица, правда?
Но так случилось со мной.
(В детстве каждого человека был какой-нибудь сад,
Собственный, городской, соседский,
Настоящим хозяином сада были тогда наши игры;
А теперь нам грустно.)
Я прекрасно все это знаю, и все-таки
Я попросил любви - а дали
Холодной требухи в томатном соусе.
Такую требуху никто не ест холодной.
Мне подали ее холодной.
Я оставил ее нетронутой. Была она холодной.
Ее не едят холодной. А мне принесли холодной.

Барроу-ин-Фернесс. Перевод Е. Витковского

1

Я жалок, я ничтожен и смешон,
Безмерно чужд и целям и заветам
Как все: один их начисто лишен,
Другой, быть может, ищет их - да где там!
Пускай влекусь к добру - по всем приметам
Дурной дороги выбор предрешен.
Плетусь, как призрак,- наг, опустошен
И ослеплен потусторонним светом.
Все то, во что я верю,- чистый вздор.
Приемлю скромно жизнь мою простую
Пишу стихи, вступаю в разговор.
Оправдываться? Боже сохрани!
Менять натуру? Все одно впустую.
- Довольно, сердце: хватит болтовни!

Барроу-ин-Фернесс - город в Англии на побережье Ирландского моря

2

Теурги, духи, символы наук...
Слова, слова - пустые оболочки.
А я сижу на пристани, на бочке,
И вижу только то, что есть вокруг.
Все понимать - нелегкая задача.
А пусть и так. Что, впрочем, за нужда?

Грязна и холодна в реке вода.
Вот так живу я, очень мало знача.
О мир подлунный, узел суеты!
Какое же терпение благое
В руках того, кем расплетаем ты?
И предстает пред нами все как есть.
Во что играть? В любовь, во что другое?
Что до меня - я с бочки должен слезть.

3

Струись и к морю увлекай, река,
В душе моей скопившуюся скуку!
Какое "увлекай"!.. На боль, на муку
Тебе, река, плевать наверняка.
Вслед за ослом трушу вдоль большака.
Никак не хочет жизнь постичь науку:
Названья не давать пустому звуку
И на мираж не вешать ярлыка!
Гостеприимный Фернесс! На три дня
Наедине с тобой, как в тесной клетке,
Свели дела проклятые меня.
Уеду, - гость презрительный и редкий
(Струись и ты, привычек не сменя),
Стряхнув на воду пепел сигаретки.

4

Расчет перепроверив десять раз,
Я сдал его. Теперь все ясно, просто.
Моя душа - подобие помоста,
Где выставлена муха напоказ.
Я завершил детальнейший анализ,
Определяя, где и чья вина.
Практическим советам - грош цена,
Теории, увы, не оправдались.
Зачем доклад, совет иль образец
Тому, чей мозг сломался, как зубец
У эмигранта в старенькой расческе?
И надписать пора, сомненья нет,
Тяжелый запечатанный пакет,
В котором - я и все мои наброски.

5

О Португалия, как много дней
Я вне тебя! А сердце к дому тянет:
Пока в разлуке мы, оно не станет
Ни тише, ни спокойней, ни сильней.

Все истеричней разум, все больней,
О, как его родимый берег манит!
А хитрый Фернесс лишь порою глянет
В глаза мне - и спешит среди камней.
Не слишком ли спешит? Пожалуй, да.
А, черта ли в самокопанье злобном?
Довольно метафизики, стыда,
Межвременья и лжи - со всем подобным
Покончим, удаляясь на покой.
Ах, если б стать причалом иль рекой!

КОЭЛЬО ПАШЕКО

За пределом других океанов. Перевод Е. Витковского

Памяти Алберто Казейро
В лихорадке в пылу за пределом других океанов
Становились явления жизни яснее и чище
И привиделся город существ
Не совсем нереальных но мертвенно-бледных святых
наготой чистотой
И виденью дразнящему входом служил я в то время
как чувства хотел испытать
Ибо в каждой душе есть понятие зримого мира
Ибо жить оставаясь в живых
Это значит что чувствовать скажется в способе жизни
Но однако же лица спокойней росы оставались
Нагота означала безмолвие форм не имеющих плоти
И реальность понять не могла как же стала такою она
Только жизнь только жизнью была жизнью
как таковой
Многokrатно безмолвно стараюсь постигнуть умом
Как машина которая смазана и потому не шумит
Мне приятен покой тишина и возможность
не двигаться
Ибо так достигается то равновесье которое нужно
чтоб мыслить
Постигаю что в эти моменты рассудок в работе
Но не слышу его он старается тихо трудиться
Как машина в которой трансмиссии движутся плавно
зубцы не скрипят
И услышать нельзя ничего лишь скольжение
добротных деталей ни шороха в общем
Иногда размышляю другие быть может все чувствуют
так же как я
Но у них голова начинает болеть начинает кружиться
Эта память явилась ко мне как могла бы явиться
любая другая
Например я припомнить бы мог что никто не внимает

скольжению деталей
И не знает о них ничего да и знать-то не хочет
В этом зале старинном в котором оружие висит
на поблекших щитах
Как скелеты как зримые знаки минувших эпох
Я скольжу человеческим взором и жадно пытаюсь
в доспехах увидеть
Сокровенную тайну души послужившую поводом
к жизни моей
И когда обращаю печальные взоры на щит для оружия
стараясь не видеть его
Прозреваю железный скелет постигаю его но понять
не могу
Отчего он вступает в меня во владенье вступает
как некая дальняя вспышка
Слышу звук бытие постигаю двух шлемов совсем
одинаковых внемлющих мне
Копья четкою тенью своей утверждают меня
в пониманье нечеткости слов
И невнятных двустий все время скользящих в уме
Я внимаю биению сердец тех героев которые мне
воздадут по заслугам в грядущем
И в неверности чувств натываюсь опять на себя
и на прежние спазмы
Той же выцветшей пыли того лее оружия
свидетельства прежних эпох
В этот зал я вступаю в большой и пустой
в миг заката
И безмолвия он удивительно сходен
с устройством души
Он расплывчатый пыльный и эхо шагов здесь
так странно звучит
Словно эхо которое слышно в душе если шаг
не поспешен
В окна грустные смотрит тускнеющий свет
И бросает на темные стены неясные тени
Этот зал и пустой и просторный конечно душа
А движение воздуха пляска пылинок всего только
мысли
Да овечья отара печальная вещь
И поэтому даже не нужно при мысли о том кто ушел
вспоминать про другие печали
Ибо так получилось поэтому что получилось
то истиной стало
И поэтому все что печально отныне
с овечьей отарою схоже
Несомненно как раз потому повторяю что овцы
и вправду печальны
Я ворую момент удовольствия ценную вещь получая
Лишь за несколько малых кусочков металла.
Подобная мысль не трюизм не банальность
Ибо я не считаю возможным кусочки металла

и что-то другое считать за единое нечто
Если б взял я латунь предположим и стала она
артишоком
С удовольствием я бы послушал когда бы хоть
кто-то попробовал истолковать происшедшее
Подсказал бы возможность не думать откуда берется
и что и зачем
Я утратил бы страх что однажды пойму
Что мои размышленья о разных предметах вполне
беспредметны
Что позиция тела способна нарушить его равновесье
И что сфера не тело поскольку бесформенна
Если все это так и позиция вызовет звук
Я обязан считать что и звук не считается телом
Но тому кто постиг интуицией звука бесплотность
Бесполезны мои заключения и даже вредны
ибо им не поверят
Если я вспоминаю что люди бывают которые могут
играя в слова сообщать им духовность
А для этого часто смеются и многое могут сказать
обо многом
Доставляя себе удовольствие и находя обаянье
в игре циркового паяца
И тревожатся если на их облаченье пятно попадет
от прованского масла
Я считаю счастливым себя ибо столько вещей
для меня непонятны
Я в искусстве любого рабочего вижу рожденье
незнаемой вещи
Потому что искусства не знаю но вещь осязаю
А рабочий затем и рабочий что знает искусство
Мой физический облик причина моих огорчений
Я же знаю что вещью являюсь а значит и прочие
вещи мне тоже подобны
Я же знаю что вещи другие как впрочем
и я полагаю что я это общая вещь
Я не думаю но полагаю что думаю так
И такая манера себя представлять облегчает
мне жизнь
Я аллеи люблю тополей городских и тенистых кривых
По которым приятно шагать озираясь вокруг
Созерцая деревья и радуясь взглядом без ясной
причины
Ибо эти аллеи врата в беспредельную сущность мою
Неизменны аллеи они вызывают всегда удивленье
во мне
Сколько раз ни меняю свои ощущения и вкусы
Но они постоянно находят возможность меняться
в согласье со мной
Я не знаю о них ничего правда знаю хоть то что
не знаю
Постиженье поэзии это условие жизни

Я не чувствую впрочем поэзии в ней ничего
не понять
Потому вероятно что к жизни условной не годен
А когда бы сумел понимать то пришлось бы менять
всю структуру свою
Ведь в поэзии главное знать что она непостижна
Есть немало прекрасного что безусловно прекрасно
Но порывы души красотой воплощаются в вещи
И откуда нам знать изначальную их красоту
Если вижу шаги значит вижу всего лишь шаги
Равномерные столь же как если бы я в них нашел
Утверждение факта того что они равномерны
И отсутствие их говорило бы лишь об обратном
Значит надо бы чувства предмета не числить обманом
Что души лишено то лишь видит и слышит иначе
Но сие допустить неудобно и как-то бестактно
Если волю являя мы можем застыть замолчать
То из этого следует только бездушность предметов
А не слишком ли прост и бессвязен подобный подход?
Мы должны допустить да и выбора в общем-то нет
Что коль скоро мы можем не двигаться
не разговаривать но оставаться собой
То в предметах лишенных души есть такая же воля
Если я одинок и хоть кем-нибудь стать ненадолго
обязан
И спиралями кружится вихрь неизвестных предметов
То что я говорю далеко не прием красноречья
Я же знаю реальность как вихрь обегает меня
словно бабочка вокруг керосиновой лампы
Постигаю ее утомленность боюсь что она упадет
К счастью это немыслимо я иногда одинок
Существуют же люди которым не вынести скрипа
когтей по стене
И другие которым на это плевать
Но однако же когти скрипят по стене
Одинаково так что различие в людях. И разница
в чувствах бесспорна
И она проявляет себя в исключительной розни
Воспринять различных вещей все различно для всех
ибо личности розны
Память лишь обособленность знания длящейся жизни
Тот кто болен амнезией даже не знает что жив
Но несчастен не меньше чем я пусть я знаю что
жив и живу
Вот предмет перед коим в испуге склоняется каждый
Ибо внешняя жизнь оболочка и только и это не важно
И хотел бы я жить лишь внутри как иные счастливы
и так как живут во вселенной пространства
Отобедав так много персон восседают
на кресла-качалки
Уминают подушки глаза закрывают в ничто отбывают
Никакого конфликта что жизнь что желанье не жить

Или хуже всего как мне кажется - если конфликт
налицо
Револьверная пуля в висок и предсмертные письма
Прекращение жизни такой же абсурд как беседа
которая втайне ведется
Цирковые артисты намного достойней меня
Потому что стоят на руках и на лошади мчащей
по кругу умеют стремительно прыгать
Совершают прыжки лишь затем чтобы их совершать
Если мне бы надумалось прыгнуть то думать
пришлось бы зачем
И не стал бы я прыгать и был бы расстроен
А они объяснить не умеют секрет ремесла
Но обучены прыгать и прыгают как захотят
Никогда не решаясь спросить у себя хорошо или
плохо и в самом ли деле
Так вот я иногда созерцаю какой-либо новый предмет
И не знаю взаправду ли он существует откуда мне знать
Знаю только что есть то что есть ибо вижу что вижу
не больше того
И конечно не вижу возможности видеть того
что не вижу
А когда бы увидел конечно поверил бы в то что увидел
Птица каждая тем и прекрасна что именно птица
Ибо птица прекрасна всегда
Но в ошипанном виде она тошнотворна как жаба
Да и куча пера не намного приятней
Из подобного явного факта я вывода сделать
не в силах
Но притом полагаю что истина именно здесь
Мысль пришедшая в голову нынче ничуть не подобна
пришедшей вчера или завтра
Я живу для того чтобы прочие знали что живы
Иногда у подножья стены попадается мне камнетес
за работой
И его бытие и реальная зримость совсем не похожи
на то как его я себе представляю
Он работает в правильном ритме и руки его
подчиняются общей идее
Как выходит что трудится он и при этом желает
трудиться
А вот если бы я не трудился притом не желая трудиться
Неужели же я не постиг бы возможность иную?
Он рабочий не знает об этом и много счастливей меня
Наступая на листья сухие в аллеях нездешнего парка
Я порой полагаю что я существую и вправду реален
Но виденье такое останется только виденьем
Ибо вижу себя сознаю что иду по аллее по листьям
Научиться бы шороху листьев внимать но при этом
Не топтаться по ним и для них оставаться незримым
Но сухая листва все летит словно вихрь и по ней
все иду и иду

Если б в этом движенье хоть что-то увидеть такое
что прежде неведомо было бы мне
Все шедевры в искусстве всего лишь предметы
искусства
И поэтому каждый предмет полагаю шедевр
Если мнение такое неправда то правда желание мое
Чтобы правдою стало оно воплотилось навеки
И для мыслей моих утешенья такого довольно
Важно ль то что идея темна если это идея
Все идеи равны ни одна не прекрасней другой
Между ними не может быть разницы это же ясно
Ибо мне это ясно так кто же посмеет поспорить
Разум спящий не тот же ли что размышляет
Сновиденья совсем не бессвязны в них мыслей полно
Впрочем как и везде. Если вижу кого-то кто
видит меня
Начинаю того не желая быть схожим со всеми
Это очень болезненно можно представить как душу
клеят раскаленным железом
Впрочем так ли болезненно это клейменье откуда
мне знать
Ведь огонь и железо всего лишь идеи и мне
не понятны
То что сбился с пути добродетель утратил печально
Не раскаяться трудно особенно в силу того что
об этом не думать никак не могу
Мне куда бы приятней вмещать добродетель да так
чтоб с избытком
Но при этом чтоб польза была от нее чтоб моею
и только моею была добродетель
Существуют ведь люди что чувствуют сердце разбитым
Но никто не видал чтобы чувство разбитого сердца
Приносило бы пользу кому бы то ни было ибо
Сей предмет беспредметен однако не повод
Утверждать что разбитое сердце источник отрады
В благородную несколько темную залу где все
в изразцах
В голубых изразцах покрывающих стены
А на темном полу с инкрустацией дремлют дорожки
из джута
Я вхожу иногда аккуратно небрежно
Ибо я в этой зале кто знает какая персона
К сожалению пол прогибается петли скрипят
И тоскуют филенки дверей их разбил паралич
Сколько деланной грусти безмолвия полного звуков
Сквозь решетки оконные свет проникает и день
Застывает на стеклах фонариков и по углам темноту
в вороха собирает
И проходят порой сквозняки вдоль пустых коридоров
Но старинными лаками пахнет в укромных местах
Как все горестно в этом гнезде увяданья
Мне смешно иногда размышлять что и я ведь умру

Буду в гроб заколочен сосновый и пахнущий камедью
свежей
Постепенно разрушатся ткани точней расплзутся
И лицо распадется сухой разноцветною пылью
И проявится череп с оскалом усмешки
Непристойный и очень уставший мигать

...И СНОВА ФЕРНАНДО ПЕССОА

Последнее колдовство. Перевод Е. Витковского

"Истаяло магическое слово,
Развеяно могущество Богини.
Молитва снова прочтена и снова,
Чтоб кануть в пропасть ветреного гула.
Ответа нет ни в небе, ни в пучине,
Ко мне лишь ветер прилетает ныне.
В замороженном мире все уснуло.
Скудеют мощью древние заклатья,
А ведь когда-то чарой, наговором
Умела без усилия разбивать я
Природной формы косные оковы,
Я видела немало фей, которым
Повелевала голосом и взором,
И лес в восторге обновлял покровы.
Мой жезл, склонявший столько сил природы,
Был преисполнен истиною вящей,
Неведомою в нынешние годы,
Я круг черчу, его бессилье зная,
Мне только ветра слышен стон щемящий,
И вот луна восходит вновь над чащей
Но для меня враждебна глушь лесная.
Я не владею приворотным даром,
А некогда бывала чудной свитой
Окружена, доверясь тайным чарам;
Ко мне рукам уже не влечься юным;
Не служит солнце больше мне защитой,
Навек угасла власть волшбы забытой,
Свершавшейся в лесах при свете лунном.
Таинственным скипетродержцам ада,
Что спят в безблагодатности великой,
Теперь покорствовать уже на надо
Моим приказам грозным - как доселе.
Мой гимн оставлен звездною музыкой,
Мой звездный гнев стал только злобой дикой,
И бога нет в моем спокойном теле.
Таинственные духи темной бездны,
Любови алча, прежде ждали зова,
Но все мои заклатья бесполезны

Стал каждый ныне лишь безмолвной тенью,
Рабов презренных таинства ночного
Теперь, незваных, созерцаю снова
И к гибели готовлюсь, к искупленью.
Ты, солнце, мне лучей дарило злато,
Твоей, луна, я знала пламя страсти,
Лишаюсь я столь щедро мне когда-то
Распределенной вами благостыни:
Я разделяюсь ныне на две части
Мертвеет мощь моей волшебной власти,
Лишь телу бытие дано отныне!
Но да не тщетной быть моей надежде:
Да обращусь я в статую живую!
Умрет лишь та, что днесь
не та, что прежде,
Последнему да совершиться чуду!
Избыв любовь и муку вековую,
Я в гибели такой восторжествую:
Не будучи ничем, я все же буду!"

"В резьбе и в золоте, кадило..." Перевод Е. Витковского

В резьбе и в золоте, кадило,
Дымя, качается устало,
Стараюсь, чтоб душа следила
За исполненьем ритуала.
Но - вижу взмах руки незримой,
Неслышимую песню внемлю,
В иных кадилах струи дыма
И чую сердцем, и приемлю.
Чем длится ритуал успешней,
Тем он причастней горней славе,
Где вечен ритуал нездешний.
Явь - только то, что выше яви.
Кадило движется; повисли
Дымки, напевы зазвучали,
Но здешний ритуал - лишь мысли
О том, нездешнем ритуале.
К подножью Божьего престола
Душа свершает путь безвестный...
И шахматные квадры пола
Суть мир земной и мир небесный.

Эрот и Психея. Перевод Е. Витковского

...Итак, ты видишь, брат
мой, что истины, данные тебе
в степени Новопосвященного

и данные тебе в степени
Младшего Ученика суть, хотя
противоречивы, все та же
истина.
Из ритуала при облачении
степенью Мастера Входа
в Ордене Храмовников в
Португалии
В некой сказочной стране,
В древнем замке, в дикой чаще
Спит принцесса,- в тишине
Принца ждет в волшебном сне:
Только он поможет спящей.
Силы исчерпав почти,
Он войдет в глубины леса,
Чтоб, добро и зло в пути
Одолев, тропу найти
В тот чертог, где спит принцесса.
Сон принцессы - долгий плен,
Но в глуби его бездонной
Луч надежды сокроуен.
Вкруг принцессы с древних стен
Виснет плющ темно-зеленый.
Благородным смельчаком
Принц идет, противясь бедам,
То в обход, то напрямиком.
Он с принцессой незнаком.
И принцессе он неведом.
Все назначено Судьбой:
Ей - до срока спать в чертоге,
А ему - ценой любой
Победить, вступивши в бой,
Обрести конец дороге.
Пусть вокруг темным-темно,
Но, отринув страх вчерашний
И сомненья заодно,
Принц достигнет все равно
Тайного чертога в башне,
Для того, чтоб, не ропща,
Встать за тайною